U 285/243

180 Д 43/32 5757 209-2-24
И 285/243

Сигизмундъ Либровичъ

Царь въ пѣну

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
КНИГОПЕЧАТНЯ
„ТРУДЪ И ПОЛЬЗА".

И 285/243

Сигизмундъ Либровичъ.

ЦАРЬ ВЪ ПЛѢНУ.

книгопечатня
„ТРУДЪ и ПОЛЬЗА".
Апраксинъ пер., д. 21—71
СПБ.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
62 038-44

Дозволено цензурою.
Спб., 13 Ноября 1904 года.

2007050664

* * *

Среди многочисленныхъ загадочныхъ и странныхъ эпизодовъ, которыми такъ богато смутное время Московскаго государства, особенно ярко выдѣляется одинъ: плѣненіе московскаго царя поляками.

Эпизодъ этотъ или, точнѣе, связанные съ нимъ факты, многократно, въ теченіе слишкомъ 250 лѣтъ, служили предметомъ дипломатическихъ споровъ и переговоровъ между Россіею и Польшею и фигурируютъ на страницахъ исторіи обѣихъ странъ, въ теченіе XVII, XVIII и XIX-го вѣковъ. Несмотря на то, еще не такъ давно этотъ эпизодъ, въ его многочисленныхъ подробностяхъ, былъ покрытъ непроницаемою завѣсою исторической

тайны и о немъ существовали самыя превратныя понятія. Новѣйшія историческія изслѣдованія внесли, наконецъ, и сюда много свѣта, хотя, за скудостью архивныхъ документовъ и достовѣрныхъ лѣтописей, относящихся къ эпохѣ московскихъ смутъ, еще и до сихъ поръ на это знаменательное событіе не пролитъ полный свѣтъ.

Въ моемъ скромномъ трудѣ я старался обнять, сгруппировать и слить въ одно цѣлое, въ возможно сжатомъ и краткомъ изложеніи, всѣ данныя и выводы новѣйшей исторической науки, касающіеся интересовавшаго меня необычнаго эпизода, въ связи съ вызвавшими этотъ эпизодъ причинами и его послѣдствіями. Не довольствуясь, однако, однимъ перечнемъ фактовъ, я счелъ себя въ правѣ попутно высказать мои личныя воззрѣнія, мнѣнія, соображенія и выводы, исходя, въ данномъ случаѣ, изъ того взгляда, что „исторія безъ критики—не есть исторія“.

Но я отнюдь не имѣлъ въ виду составить ученую монографію. Моя цѣль была—очертить въ популярной формѣ одну изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ смутнаго времени и освѣтить ее совершенно безпристрастно, съ точки зрѣнія вполнѣ объективнаго изслѣдователя.

Я сознаю всю элементарность моего скромнаго труда, но полагаю, что читатели не пожалѣютъ тѣхъ немногихъ часовъ, которые они потратятъ на ознакомленіе съ настоящимъ очеркомъ и, за-

интересовавшись описанными событіями, пожелаютъ ознакомиться и съ болѣе подробными, научными изслѣдованіями, касающимися этого же предмета. Указанія на послѣднія—сдѣланы мною въ ссылкахъ и выноскахъ, обнимающихъ почти всю литературу предмета.

Выпуская второе изданіе моей книги, я включилъ въ нее немногія, появившіяся въ послѣднее время, новыя данныя, касающіяся предмета и дополнилъ одну главу (XII-ую), не совсѣмъ вѣрно изложенную въ первомъ изданіи *.

С.-Петербургъ.

С. Ф. Либровичъ.

---

* *Считаю долгомъ принести глубокую благодарность библіотекарю Императорской Академіи Художествъ въ Петербургѣ, Ѳ. Г. Беренштаму, директорамъ Товарищества М. О. Вольфъ, Л. М. Вольфу и Е. М. Вольфу, и заслуженному библіографу Н. М. Лисовскому, содѣйствіе которыхъ дало мнѣ возможность иллюстрировать настоящую книгу цѣлымъ рядомъ снимковъ съ весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ портретовъ, картинъ, гравюръ, медалей и пр. Часть этихъ снимковъ была уже помѣщена въ болѣе краткой моей работѣ, посвященной этому же историческому вопросу и напечатанной въ журналѣ „Новый Міръ“ подъ литературнымъ моимъ псевдонимомъ „Викторъ Русаковъ“*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе 5

I. Въѣздъ въ Варшаву Жолкѣвскаго.—Карета съ плѣнниками. — Представленіе плѣннаго царя и его братьевъ королю и сенаторамъ. — Рѣчь Жолкѣвскаго. — Отвѣтъ канцлера Крысскаго.—Гетманъ Мнишекъ въ роли мстителя.—Кто были плѣнники? 1—10

II. Заговоръ противъ царя Василія Шуйскаго. — Рѣчь Ляпунова. — Заговоръ Гагарина, Сумбулова и Грязного. — Казнь Крюкъ-Колычева. — Ненависть народа и бояръ къ Василію.—Совѣщаніе за Серпуховскими воротами.—Сверженіе Шуйскаго . . 11—26

III. Постриженіе Шуйскаго. — Инокъ Чудова монастыря и выдача его Жолкѣвскому.—Царскіе братья.—Отъѣздъ изъ Москвы —Равнодушіе московскаго населенія къ судьбѣ Шуйскихъ . . . . . 27—34

IV. Услуга, оказанная Московскому государству плѣненіемъ Шуйскихъ.—Попытки Шуйскихъ возвратить престолъ.—Кандидатура королевича Владислава. — Присяга Владиславу. — Сигизмундъ — какъ претендентъ на московскій престолъ.—Послѣдствія . . . . . 35 - 46

V. Первое представленіе Шуйскаго королю Сигизмунду. — Поведеніе бывшаго царя на представленіи.—Отъѣздъ короля въ Варшаву.—Тріумфальная встрѣча въ Вильнѣ.—Въѣздъ въ Варшаву.—Другіе плѣнники . . . . . 47—54

VI. Шуйскіе въ Гостынскомъ замкѣ. — Жизнь въ заточеніи.—Смерть Шуйскихъ. — Наслѣдство.—Историческіе источники о пребываніи Шуйскихъ въ плѣну . . . . . 55—63

VII. Перенесеніе тѣлъ Шуйскихъ въ Варшаву.—Цѣли и намѣренія короля Сигизмунда. — Часовня-усыпальница.—Мраморная плита съ надписью о смерти Шуйскихъ . . . . . 64 - 67

СТРАН.

VIII. Князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій.—Его служба у королевича Владислава.—Предложеніе бояръ возвратиться въ Москву.—Возвращеніе въ Москву.—Судьба остальныхъ плѣнниковъ: Шеина, Филарета и Голицына . . . . . 68—71

IX. Переговоры относительно возвращенія останковъ Шуйскихъ въ Москву.—Траурное шествіе.—Прибытіе останковъ въ Москву.—Похороны въ Архангельскомъ соборѣ . . . . . 72—83

X. Судьба плиты съ усыпальницы Шуйскихъ.—Переговоры московскихъ бояръ относительно усыпальницы и плиты съ польскимъ посломъ Адамомъ Киселемъ.—Доставка плиты въ Москву . 84—89

XI. Судьба картины, изображающей представленіе Шуйскихъ.—Исторія усыпальницы въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ.—Костелъ и монастырь доминиканъ.—Казармы.—Дворецъ Сташица и общество друзей науки . . . . . 90—96

XII. Случайное открытіе слѣдовъ усыпаланицы Шуйскихъ.—Мнѣніе проф. Прахова—Изысканія проф. Цвѣтаева.—Полемика относительно мнимой усыпальницы . . . . . 97—103

XIII. Православый соборъ въ память Шуйскихъ.—Его историческое назначеніе.—Что долженъ напоминать храмъ. . . . . 104—110

Дополненія и разъясненія . . . . . 111—122

Вмѣсто заключенія: Король Сигизмундъ III-й Ваза и царь Василій Шуйскій . . . . . 123—136

———

I.

Въѣздъ въ Варшаву Жолкѣвскаго.—Карета съ плѣнниками.—Представленіе плѣннаго царя и его братьевъ королю и сенаторамъ.—Рѣчь Жолкѣвскаго.—Отвѣтъ канцлера Крыскаго. — Гетманъ Мнишекъ въ роли мстителя.—Кто были плѣнники.

Необычайное зрѣлище представляла собою Варшава поутру 29 октября 1611 года. На всемъ пути отъ городской заставы до королевскаго дворца стояли несмѣтныя толпы народа, такія толпы, какихъ никогда еще не бывало въ столицѣ Польши. Взадъ и впередъ бѣгали гонцы, расчищая дорогу подъѣзжавшимъ къ дворцу вельможамъ и сановникамъ, которые спѣшили на назначенное на этотъ день торжественное, первое въ своемъ родѣ, собраніе.

— Дайте дорогу! Дайте дорогу!—кричали постоянно гонцы, но народъ тѣснился все больше и больше, такъ что запоздавшіе паны едва могли пробиться сквозь толпу.

Но вотъ издали, у заставы, послышались звуки трубъ. Толпа зашевелилась, заколыхалась. Еще тѣснѣе стала узкая дорога къ дворцу.

У заставы, между тѣмъ, показался отрядъ всадниковъ въ блестящихъ латахъ и лоснящихся на солнцѣ головныхъ уборахъ, съ громадными искусственными крыльями на спинѣ: это были польскіе „панцырные товарищи“—

цвѣтъ польской арміи. За ними слѣдовали казаки, пѣхота и войско всякаго рода оружія со знаменами, королевскіе гайдуки и алебардщики; затѣмъ ѣхала шагомъ роскошная золотая коляска, запряженная шестеркой бѣлыхъ, какъ снѣгъ, турецкихъ коней. Въ коляскѣ сидѣлъ, держа въ рукѣ жезлъ, гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій.

Едва увидала его толпа, какъ раздались громкіе, восторженные крики:

— Да здравствуетъ побѣдитель подъ Клушиномъ! Да здравствуетъ покоритель Москвы! Да здравствуетъ гетманъ Жолкѣвскій!

Кто изъ толпы махалъ въ воздухѣ платкомъ, кто саблею, иные бросали вверхъ свои шапки, привѣтствуя гетмана-побѣдоносца.

За коляскою гетмана слѣдовали опять конница и пѣхота, а за ними—открытая королевская золотая карета, въ которой на главномъ мѣстѣ сидѣлъ, сгорбившись, съ грустно опущенной головой, лысый, подслѣповатый старичокъ, съ красными маленькими глазами, съ подстриженной, рѣдкой, сѣдоватою бородою, съ лукавымъ, угрюмымъ взглядомъ. Одѣтъ онъ былъ въ роскошный, бѣлый, вышитый золотомъ, длинный кафтанъ московскаго покроя, съ серебряными вызолоченными пуговицами и высокимъ, шитымъ золотомъ, воротникомъ, въ которомъ старикъ точно старался скрыть свое сухощавое лицо. На головѣ его была большая горлатная шапка изъ черной лисицы.

— Смотрите, смотрите! — кричали въ толпѣ: — это царь московскій, это царь Василій Ивановичъ Шуйскій.

Толпа все свое вниманіе сосредоточила на сгорбленномъ старикѣ и сидѣвшихъ напротивъ него двухъ русскихъ боярахъ, одѣтыхъ въ расшитые золотомъ кафтаны.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.

Снимокъ съ рѣдчайшаго портрета, помѣщеннаго въ рукописномъ „Корнѣ россійскаго государства 1672 г.", хранящемся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

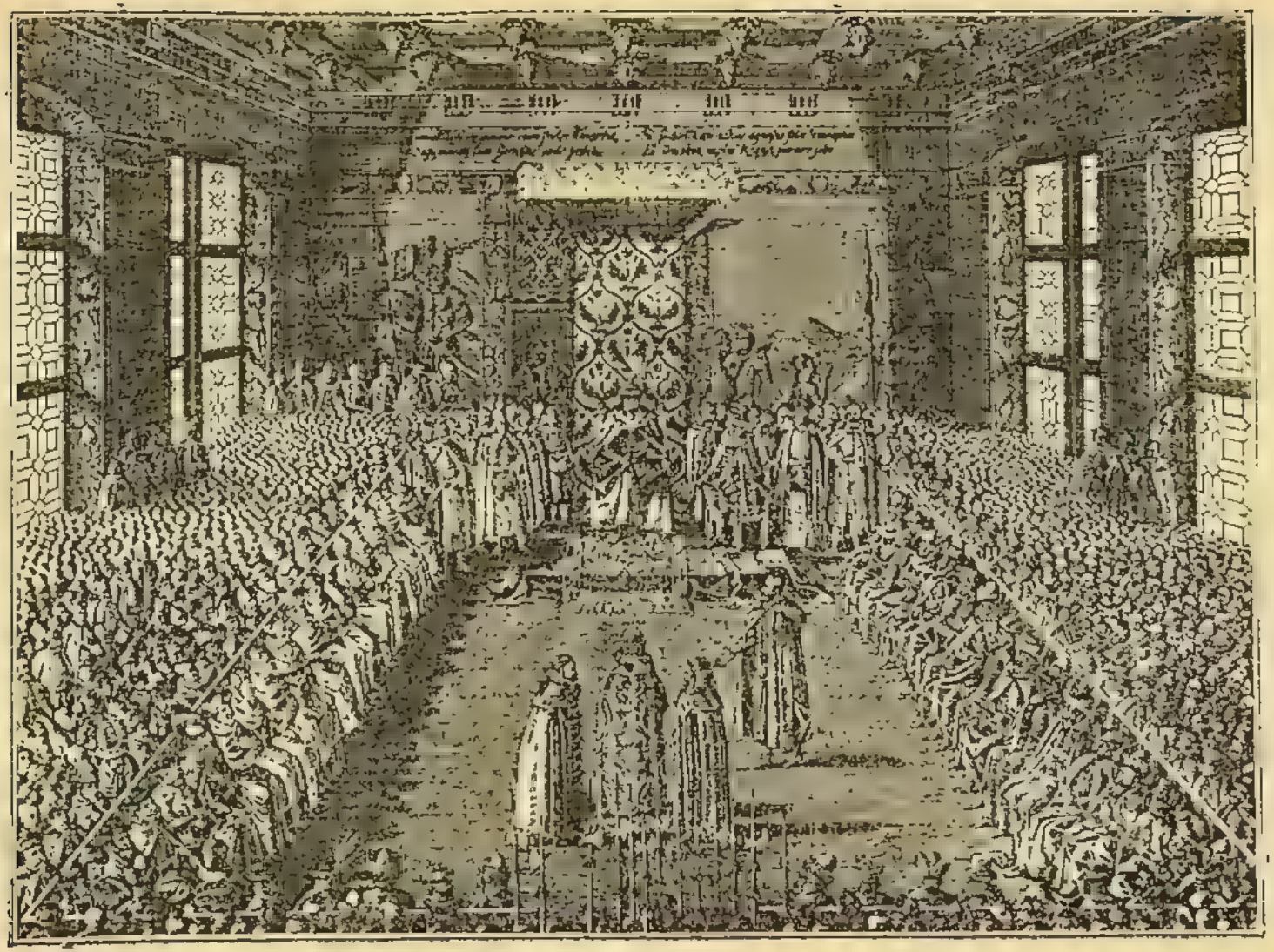
— Это царскіе братья,—объясняли въ толпѣ,—тотъ, постарше, это московскій воевода Дмитрій Шуйскій, тотъ самый, котораго нашъ гетманъ побилъ на-голову подъ Клушиномъ, а вотъ тотъ, что рядомъ съ нимъ сидитъ,—помоложе, это—Иванъ Шуйскій.

Поляки съ любопытствомъ присматривались къ необычайнымъ узникамъ и ловили мрачные, суровые взгляды въ красноватыхъ, больныхъ глазахъ старика.

Когда шествіе приблизилось къ дворцу, гетманъ Жолкѣвскій, выйдя изъ кареты, подошелъ къ царю Василію и его братьямъ и пригласилъ ихъ слѣдовать за нимъ въ тронный залъ дворца, или такъ-называемую „сенаторскую избу". Тамъ уже сидѣлъ на тронѣ король Сигизмундъ III, окруженный всею королевскою свитою, сенаторами, вельможами, дворянствомъ, посланниками, духовенствомъ и папами Рѣчи-Посполитой.

Царь съ братьями—какъ разсказываетъ современный лѣтописецъ—отвѣсили поклонъ королю. Между тѣмъ Жолкѣвскій, подойдя къ ступенямъ трона,—послѣ вступленія, посвященнаго восхваленію „сердца, храбрости и счастія" короля, которому-де удалось взять и Смоленскъ и Москву, произнесъ, указывая на старика въ царскомъ одѣяніи и его двухъ спутниковъ:

— Вотъ онъ, великій царь московскій, наслѣдникъ московскихъ царей, которые столько времени своимъ могуществомъ были страшны и грозны коронѣ польской и королямъ ея, турецкому императору и всѣмъ сосѣднимъ государствамъ. Вотъ братъ его, Дмитрій, предводительствовавшій шестидесятитысячнымъ войскомъ, мужественнымъ, крѣпкимъ и сильнымъ. Недавно еще они повелѣвали царствами, княжествами, областями, неисчислимыми сокровищами и доходами. По волѣ и благословенію Господа Бога, дарованному вашему величеству, мужествомъ и доблестью нашего польскаго



Представленіе гетманомъ Жолкѣвскимъ царя Василія Шуйскаго и его братьевъ королю Сигизмунду на сеймѣ въ Варшавѣ въ 1611 году.

Картина Доллабеллы, написанная по заказу короля Сигизмунда.

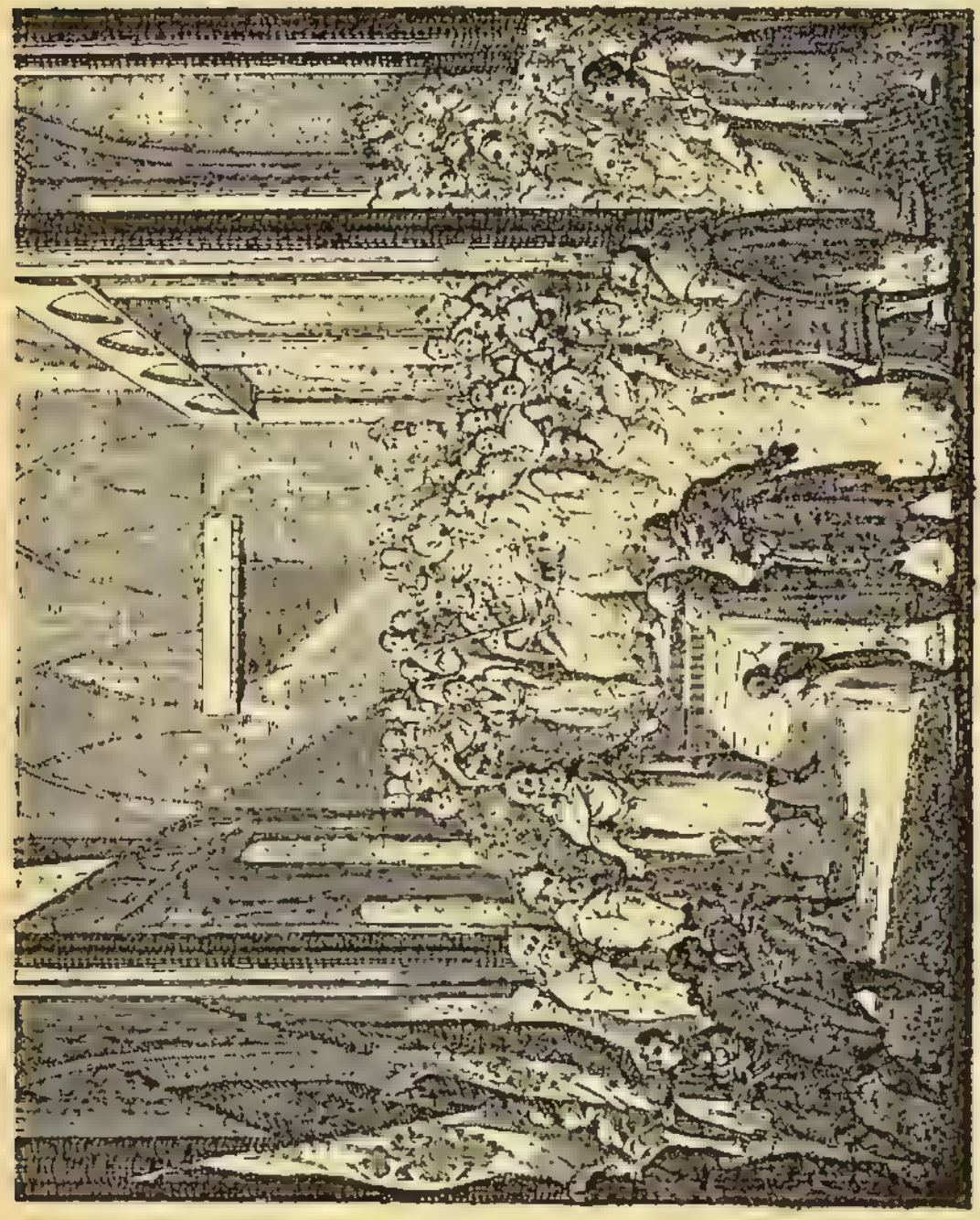
войска, нынѣ они стоятъ здѣсь жалкими плѣнниками всего лишенные, обнищалые, поверженные къ стопамъ вашего величества, и падая на землю, молятъ пощады и милосердія [1].

Портретъ царя Василія Ивановича Шуйскаго.
рисованный французскимъ художникомъ Шевалье, гравированный Шеню въ 1783 году для книги Le Clerc'a „Histoire de la Russie".

Передавая въ руки короля плѣнниковъ, Жолкѣвскій просилъ для нихъ пощады, королевскаго милосердія и милости. „Помните,—закончилъ гетманъ,—что счастье

[1] Рѣчь эта приведена у Костомарова и у Соловьева, при чемъ прибавлено, что при послѣднихъ словахъ гетмана царь, держа въ одной рукѣ шапку, поклонился, прикоснулся пальцами другой руки до земли и потомъ поднесъ ихъ къ губамъ; Дмитрій поклонился до земли головою одинъ разъ; Иванъ Шуйскій отвѣсилъ три земныхъ поклона; Иванъ при этомъ плакалъ (Костомаровъ. Смутное время. Стр. 199).—Подробно рѣчь Жолкѣвскаго записана въ польской рукописи, заключающей въ себѣ „Описаніе торжественнаго представленія царя Василія Шуйскаго на сеймѣ въ Варшавѣ", хранящейся въ музеѣ князей Чарторыйскихъ въ Краковѣ, подъ № 1662.

непостоянно и никто изъ монарховъ не можетъ быть названъ счастливымъ, прежде чѣмъ не окончитъ своего земного поприща".



Царь Василій Ивановичъ Шуйскій и его братья въ качествѣ плѣнниковъ на сеймѣ въ Варшавѣ въ 1611 году.
Старинная гравюра на мѣди Френцеля, изъ коллекціи эстамповъ, хранящихся въ Императорской Академіи Художествъ.

Слѣдующій затѣмъ ораторъ, канцлеръ Крыскій, обращаясь къ Жолкѣвскому, указывалъ, что хотя польскимъ

военачальникамъ случалось и прежде одерживать большія побѣды, приходилось видѣть у ногъ короля знамена многихъ побѣжденныхъ народовъ и т. д. и т. д., но плѣненнаго царя приходится полякамъ видѣть въ первый разъ. Эту заслугу ораторъ приписалъ „уму гетмана, доблести польскаго войска и счастію короля".

Въ заключеніе своей рѣчи, канцлеръ Крыскій упомянулъ, что представленные Жолкѣвскимъ плѣнники въ своемъ несчастіи и наказаніи Божіемъ должны радоваться, что попали не въ руки жестокаго монарха, но въ руки набожнаго, добраго христіанскаго короля [1]).

Большинство вельможъ вполнѣ соглашалось, что плѣнники достойны сожалѣнія и милосердія и заслуживаютъ гуманнаго съ ними обращенія. Были, однако, и такіе, которые хотѣли отомстить на плѣнникахъ заговоръ противъ Дмитрія Самозванца и неудачи польскихъ приверженцевъ Дмитрія. Указывая на Шуйскаго, какъ на иниціатора и главнаго виновника избіенія въ Москвѣ поляковъ, сопровождавшихъ царскую невѣсту, „ясновельможную панну Марину Мнишекъ", они требовали казни плѣнника. Во главѣ этихъ жаждавшихъ мести стоялъ воевода Сандомирскій, Юрій Мнишекъ. Онъ громогласно требовалъ наказанія Шуйскаго, напомнивъ о коварномъ убійствѣ Дмитрія, „царя коронованнаго и всѣми признаннаго"; жаловался на оскорбленіе своей дочери, царицы Марины; доказывалъ, что Шуйскій измѣннически перебилъ гостей, пріѣхавшихъ на свадьбу царя Дмитрія Ивановича съ Мариною, задержалъ пословъ и т. д., и тутъ-же припомнилъ, какъ онъ, Мнишекъ, самъ терпѣлъ отъ Шуйскаго поруганія, неволю, заточеніе, какъ Шуйскій его ограбилъ,

---

[1]) Польская брошюра „Z dziejow Warszawy przez A." Краковъ, 1894. — Нѣмцевичъ. Исторія царствованія Сигизмунда III, (т. III. стр. 13).

морилъ голодомъ и нищетою, и въ заключеніе добавилъ, что Шуйскій, будучи царемъ, наносилъ неоднократно тяжелыя оскорбленія самому королю и всей Рѣчи-Посполитой.

Но „великодушный“ король Сигизмундъ не нашелъ справедливымъ мстить плѣнному царю; его мнѣніе раз-

Воевода Юрій Мнишекъ.
злѣйшій врагъ Шуйскаго, требовавшій
его казни на сеймѣ въ Варшавѣ.
(Съ современнаго портрета).

дѣляло большинство пановъ Рѣчи-Посполитой. Правда, король не рѣшился отпустить плѣнныхъ на свободу и назначилъ имъ мѣстомъ жительства небольшой замокъ близъ Варшавы, но едва-ли плѣнники и воспользовались-бы свободою, еслибъ она и была имъ дана. Не возвращаться-же имъ было въ Москву, гдѣ ихъ ненавидѣли и гдѣ ихъ теперь ожидала неминуемая смерть!..

Какъ изъ рѣчей, такъ и изъ самаго торжества въѣзда въ Варшаву можно было предположить, что передъ королемъ стоялъ на самомъ дѣлѣ могущественный московскій царь, котораго храброму Жолкѣвскому удалось захватить въ качествѣ военноплѣннаго,—

стоялъ плѣнникъ, являвшійся какъ бы живымъ трофеемъ побѣдъ поляковъ надъ Москвою, трофеемъ, наглядно доказывающимъ блестящій успѣхъ похода короля Сигизмунда, полное покореніе Московскаго государства.

Посмотримъ, дѣйствительно ли это было такъ, прослѣдимъ, какія событія предшествовали тріумфальному въѣзду въ Варшаву Жолкѣвскаго съ плѣнниками, и провѣримъ, на самомъ ли дѣлѣ старичокъ въ богатомъ царскомъ одѣяніи, котораго гетманъ представилъ сенаторамъ, былъ московскимъ царемъ и властелиномъ, „повелѣвавшимъ царствами, княжествами, областями".

II.

Заговоръ противъ царя Василія Шуйскаго. — Рѣчь Ляпунова.— Заговоръ Гагарина, Сумбулова и Грязного.—Казнь Крюкъ-Колычева.—Ненависть народа и бояръ къ Василію.—Совѣщаніе за Арбатскими воротами.—Свержеціе Шуйскаго.

За Арбатскими воротами въ Москвѣ, 17-го іюля 1610 года, собрались дворяне и дѣти боярскія на важное совѣщаніе. Когда уже всѣ были въ сборѣ, выступилъ рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ и держалъ такую рѣчь:

— Московское государство доходитъ до конечнаго разоренія и расхищенія. Тутъ угрожаютъ ему поляки и Литва; тамъ калужскій „воръ", выдающій себя за давно убитаго царевича Дмитрія,—съ обѣихъ сторонъ стало тѣсно. Повсюду льется христіанская кровь; отецъ возсталъ на сына, сынъ на отца. Народъ не любитъ царя Василія Ивановича Шуйскаго. Не по правдѣ сѣлъ онъ на царство; не выбранъ всѣмъ народомъ, а лишь своими единомышленниками и поэтому несчастенъ на царствѣ. Будемъ бить ему челомъ, чтобы оставилъ престолъ и выберемъ всею землею новаго царя и станемъ тогда единомысленно на всякаго врага [1].

---

[1] Костомаровъ. Историческія монографіи, т. V, стр. 405.

Не первый уже разъ обращался съ подобными рѣчами Ляпуновъ, давній ненавистникъ царя Василія думавшій постоянно какъ-бы свести его съ престола. Многократно разсылалъ онъ грамоты по городамъ, обвинялъ Василія и его брата Дмитрія, и приглашалъ возстать единодушно, низложить недостойнаго царя, неправильно захватившаго престолъ. Да и не одинъ только Ляпуновъ злоумышлялъ противъ Василія, —

Московская улица въ XVII вѣкѣ.
Съ современнаго рисунка Олеарія.

Шуйскій не пользовался расположеніемъ ни среди знати, ни среди служилаго люда, ни среди простонародія. Царемъ его провозгласили на третій день послѣ убіенія Лжедмитрія его ближайшіе совѣтники и помощники. Теперь исторіею доказано, что избраніе Шуйскаго было ими задумано еще при жизни Лжедмитрія и заранѣе подготовлено на ночномъ совѣтѣ у Шуйскаго 17 мая 1606 г. На этомъ тайномъ собраніи было рѣшено сначала умертвить Лжедмитрія и вырѣзать всѣхъ находившихся тогда при немъ поляковъ, направивъ въ Кремль подкупленную московскую чернь и уличную

толпу, а затѣмъ тотчасъ-же провозгласить Шуйскаго царемъ. И вотъ заговорщики, успѣшно справившись съ убійствомъ и избіеніемъ (которымъ приданъ былъ характеръ неожиданнаго и непредвидѣннаго народнаго возмущенія, вызваннаго будто-бы неуваженіемъ Лже-

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.
Съ портрета, гравированнаго Штенглиномъ (изъ коллекціи портретовъ, изданныхъ при Академіи Наукъ въ 1742 году).

дмитрія къ православной вѣрѣ и его мнимою преданностью полякамъ), пріѣхали къ Василію Шуйскому, повели его на лобное мѣсто, нарекли его тамъ царемъ и пошли съ нимъ въ Успенскій соборъ, гдѣ онъ тотчасъ же сталъ „цѣловать всей землѣ крестъ“ на томъ, что не будетъ злоупотреблять поручаемою ему властью. Это нареченіе путемъ интриги со стороны нѣсколькихъ

болѣе ловкихъ и дерзкихъ бояръ-заговорщиковъ вызвало ропотъ и боярскую крамолу въ первые же дни царствованія Шуйскаго. Боязнь новой крамолы заставила Шуйскаго спѣшно вѣнчаться на царство, всего черезъ двѣ недѣли по воцареніи, и при томъ безъ обычной пышности, въ „присутствіи болѣе черни, чѣмъ благородныхъ“, какъ замѣтилъ одинъ иностранецъ-современникъ. Вѣнчалъ царя не патріархъ, а новгородскій митрополитъ Исидоръ [1]. По словамъ лѣтописи, Шуйскій, ставъ царемъ, началъ „мстить“ тѣмъ, кого считалъ своими недругами. Но не одна только личная злоба и зависть къ Шуйскому вызвали враждебное къ нему отношеніе. Причина ненависти кроется гораздо глубже, а именно въ реакціонной программѣ Шуйскаго. Эта-то программа, несомнѣнно, вызвала въ разныхъ слояхъ и разныхъ концахъ государства ненависть къ Шуйскому, желаніе избавиться отъ него и заставила многихъ представителей московской, рязанской и другой знати примкнуть къ „крамольникамъ“, частью тайно, частью открыто. Всѣ попытки Шуйскаго укрѣпить власть путемъ казней, преслѣдованій, притѣсненій оказывались тщетными: послѣдовалъ цѣлый рядъ заговоровъ, возстаній, мятежей. Еще раньше Ляпунова, въ февралѣ 1609 года, князь Романъ Гагаринъ, Григорій Самбуловъ и Тимоѳей Грязной, во главѣ дворянъ и находившихся на службѣ въ Москвѣ дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, ворвались въ Кремль, явились въ боярскую думу и сказали: „Надобно перемѣнить царя Василія: онъ сѣлъ на престолъ самовольствомъ, а не всею землею выбранъ!“ Но заговоръ не встрѣтилъ въ думѣ поддержки: одни изъ бояръ были единомышленники Василія, другіе—не вѣря въ успѣхъ заговора и

[1] Платоновъ. Очерки по исторіи смуты, стр. 298.

опасаясь, въ случаѣ его неудачи, печальныхъ для себя послѣдствій, не рѣшались открыто высказаться противъ Шуйскаго. Тогда заговорщики обратились къ патріарху Гермогену и звали его на Лобное мѣсто, на народное собраніе для перемѣны царя. Патріархъ, хотя самъ недолюбливалъ Шуйскаго, но опасаясь смутъ и

Ночной совѣтъ въ домѣ Шуйскаго накануне 17 мая 1606 года.
Съ рисунка А. Земцова.

кровопролитія, въ случаѣ низложенія царя, поддерживалъ его, и поэтому отправился на Лобное мѣсто въ надеждѣ отговорить толпу. Зазвонили въ набатъ. Народъ толпами повалилъ на Красную площадь. Когда узнали въ чемъ дѣло, въ толпѣ послышались крики: „князь Василій Шуйскій не любъ намъ на царствѣ! Изъ-за него кровь льется и земля не умирится, пока онъ будетъ на царствѣ! Хотимъ выбрать иного царя“.

Патріарху съ большимъ трудомъ удалось удержать и образумить народъ, желавшій свергнуть Василія съ престола [1]. Но противники Шуйскаго не успокоились. Спустя короткое время, бояринъ Иванъ Ѳедоровичъ Крюкъ-Колычевъ составилъ заговоръ убить Василія; избранъ былъ для этого день Вербнаго Воскресенія. Но о заговорѣ во-время донесли Василію. Крюкъ-Колычевъ былъ сначала подвергнутъ пыткѣ, потомъ казненъ; нѣсколько схваченныхъ вмѣстѣ съ нимъ и заподозрѣнныхъ въ заговорѣ были посажены въ тюрьму [2].

Золотой царя Василія Ивановича Шуйскаго (1606—1610 г.г.).

Но этимъ далеко не былъ положенъ конецъ заговорамъ. Положеніе Василія Ивановича, которымъ всѣ были недовольны, котораго всѣ ненавидѣли, становилось все труднѣе и труднѣе. Распространилась увѣренность, что царствованіе Шуйскаго не благословлено небомъ, что разныя бѣдствія, которыя переживала страна, появленіе повсюду самозванцевъ, внутреннихъ и иноземныхъ „воровъ", пожары, разоренія и пр.—все это посылается за грѣхи царя. Положеніе московскаго государства, терзаемаго то самозванцами, то иноземцами и разными измѣнниками, было до того ужасно, что современникъ и очевидецъ, нѣмецъ Буссовъ, въ своихъ запискахъ занесъ слова: „Камень бы заплакалъ о тог-

[1] Акты Истор. II. 250.
[2] Костомаровъ „Смутное время", т. VI, стр. 405.

дашнихъ бѣдствіяхъ земли Московской“ [1]. Достаточно было самаго незначительнаго предлога, чтобы вызвать волненіе. Шуйскаго открыто называли измѣнникомъ и грозили мстить ему за попытку убить прирожденнаго царя Дмитрія, который (какъ сталъ увѣрять всѣхъ путивльскій воевода князь Григорій Шаховской) спасся

Изображеніе Василія Ивановича Шуйскаго

на картинѣ „Бракосочетаніе Лжедмитрія съ Мариною Мнишекъ“, пріобрѣтенной Императоромъ Александромъ II-мъ въ одномъ изъ польскихъ замковъ на Волыни, нынѣ находящейся въ Императорскомъ Зимнемъ Дворцѣ въ Спб.

будто бы въ Москвѣ отъ смерти и снова бѣжалъ въ Польшу. Народное движеніе нашло себѣ руководителя въ лицѣ Ивана Исаева Болотникова; онъ поднялъ народъ именемъ мнимаго Дмитрія и одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ высланными противъ него царскими войсками. Побѣда надъ Болотниковымъ подъ Тулою и

[1] Bussow. Chronicon Moscovitum 1854—1612.

умерщвленіе Болотникова (его утопили въ Каргополѣ), далеко не положили конца смутѣ. Цѣлые города и области возмущались и возставали противъ Шуйскаго, другіе открыто примыкали къ появившемуся въ Тушинѣ, будто-бы чудомъ спасенному, царю Дмитрію, названному впослѣдствіи „Тушинскимъ воромъ", и прочимъ самозванцамъ. Враги Василія въ самой Москвѣ только и ждали случая извести его или, по крайней мѣрѣ, свергнуть съ престола [1]. Явилось нѣсколько партій съ готовыми претендентами на престолъ: одни хотѣли посадить на престолъ князя Скопина-Шуйскаго, другіе—польскаго королевича Владислава Сигизмундовича; иные—князя Василія Васильевича Голицына [2]; нашлось не мало приверженцевъ и у второго самозванца, выдававшаго себя за царя Дмитрія, хотя считали его дѣло не правымъ и хотя возможность завладѣнія Москвою свирѣпымъ „Тушинскимъ воромъ" предвѣщала самыя страшныя послѣдствія. „Тушинскій воръ" опирался почти исключительно на чернь, а для того, чтобы привлечь къ себѣ побольше приверженцевъ изъ народа, объявилъ, что всѣ крестьяне, которые присягнутъ ему, получатъ земли своихъ господъ—бояръ, служащихъ Василію, и могутъ жениться на боярскихъ дочеряхъ, если захватятъ ихъ въ помѣстьяхъ. Несмотря на это, многіе бояре изъ ненависти къ Шуйскому переходили въ Тушино, а многіе города, оставаясь безъ защиты, сдавались мнимому Дмитрію [3].

---

[1] Наиболѣе полную и подробную, мастерски разработанную картину смутъ, междуусобій и боярской крамолы, сопровождающихъ все царствованіе Шуйскаго, даетъ проф. Платоновъ въ своихъ „Очеркахъ по исторіи смуты".

[2] Еще раньше, бояриномъ Петромъ Никитичемъ Шереметевымъ былъ составленъ заговоръ съ цѣлью свергнуть Шуйскаго въ пользу князя Мстиславскаго, за что Шереметевъ былъ сосланъ въ Псковъ.

[3] Есиповъ. Тушинскій воръ, стр. 23.

Самъ Шуйскій не обладалъ силами, необходимыми для подавленія смутъ. Престарѣлый, хилый, бездѣтный, обладавшій умомъ, годнымъ для царедворца или министра, онъ совсѣмъ лишенъ былъ качествъ, необходимыхъ

Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.
Съ современнаго иконописнаго изображенія, находящагося надъ его гробницей въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ.

царю, а особенно основателю новой царской династіи въ такое тяжкое время. У всѣхъ въ памяти оставалось его хитрое и измѣнчивое поведеніе при трехъ царяхъ: Иванѣ Грозномъ, Борисѣ Годуновѣ и Лжедмитріѣ

когда онъ былъ еще только бояриномъ. Многіе помнили, какъ онъ то льстилъ Борису, то ругалъ его передъ народомъ. Многіе сами были очевидцами и свидѣтелями, какъ Шуйскій, въ угоду Борису Годунову, свидѣтельствовалъ о смерти царевича Дмитрія въ Угличѣ, потомъ призналъ тождественнымъ того, кто явился изъ Польши подъ именемъ убіеннаго, а затѣмъ этого же самого, признаннаго имъ, сталъ обличать въ самозванствѣ, называя его бѣглымъ монахомъ Гришкою Отрепьевымъ. Помнили, какъ Шуйскій составилъ противъ Дмитрія заговоръ и распускалъ слухи о самозванствѣ царя, между тѣмъ какъ въ глаза увѣрялъ Дмитрія въ своей преданности и содѣйствовалъ казни и опалѣ тѣхъ, кто сомнѣвался въ подлинности мнимаго царя. Не забыли въ народѣ, какъ Шуйскій, уличенный въ заговорѣ, былъ отданъ Дмитріемъ на судъ собора, состоявшаго изъ духовенства, бояръ и простыхъ людей и, приговоренный къ смертной казни, лежалъ уже на плахѣ, какъ Дмитрій въ послѣдній моментъ замѣнилъ ему казнь ссылкою, а затѣмъ вернулъ съ дороги, простилъ ему и его братьямъ ихъ вину, возвратилъ имъ имѣнія и боярство. Помнили неблагодарность Шуйскаго къ своему избавителю, интриги и козни Шуйскаго противъ Дмитрія, все его двоедушіе по отношенію къ Самозванцу. Народъ называлъ Шуйскаго „шубникомъ“, и хотя это прозвище объясняютъ тѣмъ, что въ вотчинахъ Шуйскихъ заготовлялись въ большомъ количествѣ шубы, но, на самомъ дѣлѣ, прозвищемъ „шубникъ“ народъ хотѣлъ указать, что Шуйскій точно такъ-же торговалъ своею совѣстью, какъ и шубами, и мѣнялъ свои взгляды, какъ мѣняютъ шубы. Но больше всего въ глазахъ народа Шуйскій запятналъ себя лживымъ удостовѣреніемъ, что царевичъ Дмитрій самъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ падучей болѣзни. Лишенный нравствен-

наго довѣрія, Шуйскій въ то же время не обладалъ всей силой и полнотой власти, потому что, принимая престолъ, далъ обязательство и клятву въ Успенскомъ соборѣ — не рѣшать ничего важнаго безъ согласія бояръ—тѣхъ именно бояръ, которые выбрали его на царство и во власти которыхъ онъ теперь находился. Каждое дѣйствіе Василія представлялось поэтому народу внушеннымъ не его царскою совѣстью и чувствомъ долга предъ Богомъ и государствомъ, а дѣломъ невольнаго соглашенія съ кучкою бояръ-олигарховъ.

Блестящіе военные успѣхи князя М. В. Скопина-Шуйскаго, царскаго родича, и его побѣда надъ тушинцами на время примирили было народъ съ несчастнымъ царствованіемъ Василія. Народъ встрѣтилъ въ Москвѣ доблестнаго князя Скопина, какъ своего избавителя, и кланялся ему въ землю. Его храбрость и ратные подвиги возбуждали восторгъ и умиленіе, а такъ какъ онъ приходился родственникомъ Василію, то народъ перенесъ часть своихъ чувствъ и на царя. Но когда неожиданно скончался Скопинъ, и народная молва обвиняла въ его смерти царскаго брата Дмитрія и самого царя (опасавшихся, будто-бы, что народный герой Скопинъ будетъ возведенъ въ цари), положеніе сдѣлалось еще болѣе шаткимъ [1]. Громче прежняго заговорили враги Шуйскаго.

---

[1] Былъ-ли Скопинъ въ самомъ дѣлѣ отравленъ и если былъ,— то съ вѣдома-ли Василія—вопросъ спорный, который историки рѣшаютъ разногласно. Многочисленные по этому поводу взгляды приведены у Иловайскаго въ его „Смутномъ времени Московскаго Государства“, стр. 298. В. С. Иконниковъ въ своей обширной монографіи о князѣ Скопинѣ-Шуйскомъ склоняется въ сторону отравленія. Точно такъ-же думаетъ Костомаровъ, который ссылается на народныя былины и показанія современниковъ-иностранцевъ. Между тѣмъ, Соловьевъ возражаетъ противъ отравленія. Проф. Платоновъ держится того мнѣнія, что Скопина свели въ могилу ссоры и раздоры въ родѣ Шуйскихъ. Проф. Иловайскій подозрѣваетъ въ

Окончательный, однако, ударъ царствованію Шуйскаго нанесло позорное Клушинское пораженіе царскихъ войскъ поляками подъ начальствомъ гетмана Жолкѣвскаго (23 іюня 1610 г.). Во главѣ побѣжденныхъ стоялъ царскій братъ, воевода Дмитрій Шуйскій, отправленный на выручку Смоленска, осажденнаго Сигизмундомъ III. Пораженіе было приписано бездарности и неумѣлости Дмитрія и измѣнѣ находившихся въ русскомъ войскѣ шведовъ. Дмитрій, по выраженію Палицына, „изыде со множествомъ воинъ, но со срамомъ возвратися". Какъ только въ Москвѣ узнали объ исходѣ сраженія при Клушинѣ, поднялся „мятежъ великъ во всѣхъ людяхъ, подвизашася за царя". Пораженіе, окончившееся бѣгствомъ Дмитрія, и возвращеніе виновника пораженія, прискакавшаго въ Москву босымъ, встрѣтило вполнѣ уже готовую почву для низложенія Шуйскаго и ускорило давно предвидѣнную катастрофу.

Ляпуновъ, предложившій свергнуть царя, встрѣтилъ теперь сильную поддержку не только среди враждебныхъ Шуйскому бояръ, но и среди простонародья, которое еще больше возненавидѣло царя и считало его отвѣтственнымъ за появившуюся тогда страшную дороговизну и сильную нужду. Въ расчетѣ, въ случаѣ необходимости, на поддержку народа,—толпа дворянъ и дѣтей боярскихъ, во главѣ съ Захаромъ Ляпуновымъ, отправилась прямо въ Кремль просить царя Василія, чтобъ онъ оставилъ престолъ. Захаръ Ляпуновъ выступилъ впередъ и сталъ смѣло говорить царю:

— Долго-ли за тебя кровь христіанская литься будетъ? Ничего добраго въ царствѣ твоемъ не дѣлается. Земля наша черезъ тебя раздѣлилась, разорена и опу-

---

отравленіи жену Дмитрія Шуйскаго, достойную дочь Малюты Скуратова. Во всякомъ случаѣ, въ эпоху смутъ держалось несомнѣнно мнѣніе, что Скопинъ былъ отравленъ Шуйскимъ.

стошена; ты воцарился не по выбору всей земли... Сжалься надъ умаленіемъ нашимъ. Положи посохъ свой! Сойди съ царства, а мы посовѣтуемъ о себѣ иными мѣрами.

По словамъ лѣтописца, Василій вышелъ изъ себя, выхватилъ большой ножъ, который по тогдашнему обычаю носилъ при себѣ, и хотѣлъ броситься на Ляпунова.

Ляпуновъ, дюжій, плечистый дѣтина, движеніемъ руки отстранилъ старика [1].

Послѣ этого толпа съ угрозами покинула дворецъ и отправилась на Лобное мѣсто. Набатнымъ звономъ собрали народъ. Образовавшаяся толпа была настолько велика, что не умѣщалась на площади. Ляпуновъ, Хомутовъ и Салтыковъ закричали народу, чтобъ онъ шелъ къ Арбатскимъ воротамъ, гдѣ больше мѣста. Всѣ двинулись туда и тамъ держали совѣтъ, что дѣлать. Призвавъ бояръ и патріарха, вожаки мятежа стали указывать на непрерывныя бѣдствія, сопровождавшія царствованіе Шуйскаго, напомнили, что онъ занялъ престолъ не по избранію всей земли.

— Неправдой онъ на царство сѣлъ,—говорили заговорщики,—не по выбору всей земли, и оттого нѣтъ на немъ Божія благословенія, нѣтъ счастія Московской землѣ. Сотни тысячъ душъ гибнутъ напрасно! Православные христіане! Надо намъ Шуйскаго отставить, а вмѣсто его выбрать всею землею государемъ того, кого Богъ намъ укажетъ!

Патріархъ Гермогенъ пытался и на этотъ разъ защитить Шуйскаго, но, видя непріязнь къ нему большинства собравшихся, пересталъ говорить и удалился.

Послѣ этого вожаки низверженія, въ числѣ которыхъ были многіе знатные бояре, отправились къ Ва-

---

[1] Этотъ моментъ изобразилъ въ своей картинѣ худ. Невревъ.

силію. Здѣсь князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, выступивъ впередъ, сказалъ, что вся земля бьетъ челомъ царю Василію Ивановичу и проситъ его оставить государство.

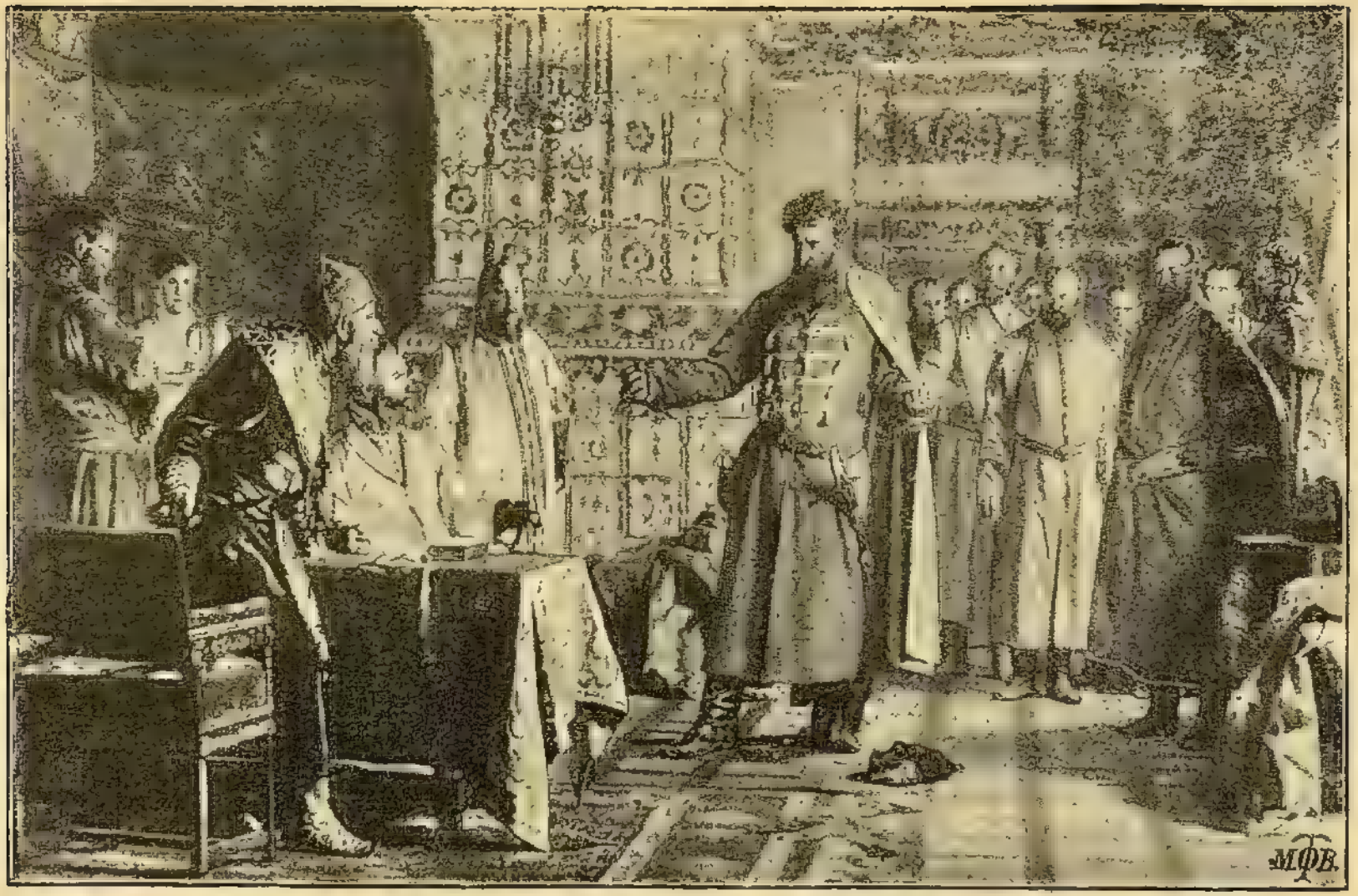
Василій на этотъ разъ не сталъ спорить. Онъ, очевидно, понялъ, что не одна какая-нибудь партія требуетъ его отреченія, а вся земля, весь народъ. Весьма вѣроятно, что Василій былъ освѣдомленъ о совѣщаніяхъ и громадныхъ размѣрахъ народнаго волненія. Онъ положилъ свой посохъ—знакъ царскаго достоинства, и переѣхалъ изъ царскихъ палатъ въ свой старый боярскій домъ. Вѣнецъ, бармы и всѣ знаки царскаго достоинства были у него отняты. Это событіе произошло 17 іюля 1610 года [1]. Съ этого дня не было больше *царя* Василія Шуйскаго. Его мѣсто заняла боярская дума изъ семи человѣкъ, съ княземъ О. И. Мстиславскимъ во главѣ, которая должна была чинить судъ и расправу и управлять государствомъ впредь до избранія новаго царя и которая, по словамъ сказанія, „два мѣсяца власти насладишася“ [2].

Такъ кончилось царствованіе Шуйскаго, возведеннаго незначительнымъ кружкомъ приверженцевъ [въ

---

[1] Въ современномъ „сказаніи о бѣдахъ и скорбехъ и напастехъ, иже бысть въ Велицѣй Россіи Божіимъ наказаніемъ, грѣхи ради нашихъ, напослѣдокъ дней осмаго вѣка, а въ началѣ второсотнаго лѣта“—сверженіе Шуйскаго описано немного иначе. Между прочимъ, въ сказаніи говорится, что когда пришло посольство къ королю польскому, чтобъ далъ сына своего на царство, „поганый король умыслилъ лесть“ и сказалъ: „какъ мнѣ вамъ вѣрить? у васъ царь сидитъ на царствѣ, а просите у меня сына моего на царство: если приведете царя вашего съ братьями сюда, то я дамъ вамъ сына моего“. И вотъ тогда собрались нѣкоторые бояре, измѣнники и нарушатели христіанству, ворвались къ царю, исторгли у него изъ рукъ посохъ царскій, свели съ царства, постригли и свезли съ братьями къ королю подъ Смоленскъ. Но это сказаніе не соотвѣтствуетъ всѣмъ другимъ достовѣрнымъ источникамъ.

[2] Иное сказаніе (Ист. Библ. X, 123) и Хронографы (Изборн. А. Попова, 200, 207).



Захаръ Ляпуновъ во главѣ бояръ предлагаетъ Василію Шуйскому оставить престолъ.

Картина Н. В. Неврева.

царскій санъ или, какъ мѣтко выражается одинъ изъ современниковъ, „выкрикнутаго“ царемъ, безъ совѣта всей земли. Послѣ четырехлѣтняго, съ перваго и до послѣдняго дня несчастнаго правленія, Шуйскій былъ лишенъ престола, которымъ онъ завладѣлъ лишь благодаря общимъ смутамъ, неопредѣленному положенію въ странѣ, ловкой интригѣ небольшой партіи и содѣйствію московской черни.

III.

Постриженіе Шуйскаго.—Инокъ Чудова монастыря и выдача его Жолкѣвскому.—Царскіе братья.—Отъѣздъ изъ Москвы.—Равнодушіе московскаго населенія къ судьбѣ Шуйскихъ.

По всей землѣ Московской поскакали гонцы съ извѣстіемъ о томъ, что Василій Ивановичъ Шуйскій, по волѣ бояръ, окольничихъ и всѣхъ чиновъ Московскаго государства, отстраненъ отъ власти и пересталъ быть царемъ. Извѣстіе это всѣ встрѣтили съ радостью [1]. Но Шуйскій не примирился со своею судьбою. Имѣя въ рукахъ значительное богатство, онъ немедленно завелъ сношенія съ своими приверженцами, въ твердой надеждѣ вернуться къ власти; особенно старался онъ подкупить стрѣльцовъ. Послѣднихъ въ Москвѣ было до восьми тысячъ; при ихъ помощи Шуйскій разсчитывалъ захватить опять престолъ. Весьма вѣроятно, что Шуйскому и на этотъ разъ удалось бы исполнить задуманное (въ особенности въ виду того, что сторону его держалъ патріархъ Гермогенъ [2], если-бы этому во-время не помѣшалъ Захаръ Ляпуновъ

---

[1] Окружная грамота отъ бояръ, окольничихъ и всѣхъ чиновъ Моск. госуд. отъ 20 іюля о сведеніи съ престола Василія Ивановича напечатана въ Акт. Эксп. II. № 162.

[2] Сохранились двѣ грамоты Гермогена съ увѣщаніемъ принести повинную царю Василію, написанныя еще до 1610 г. (Ак. Эксп. II. 169). Объ этихъ грамотахъ подробнѣе говоритъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1887 г., августъ, 274).

и его товарищи. Узнавъ о замыслахъ Шуйскаго, они рѣшили, что одного отстраненія отъ престола мало и надо принять другую мѣру для того, чтобы избѣжать новыхъ смутъ и кровопролитія и отрѣзать Василію всякую

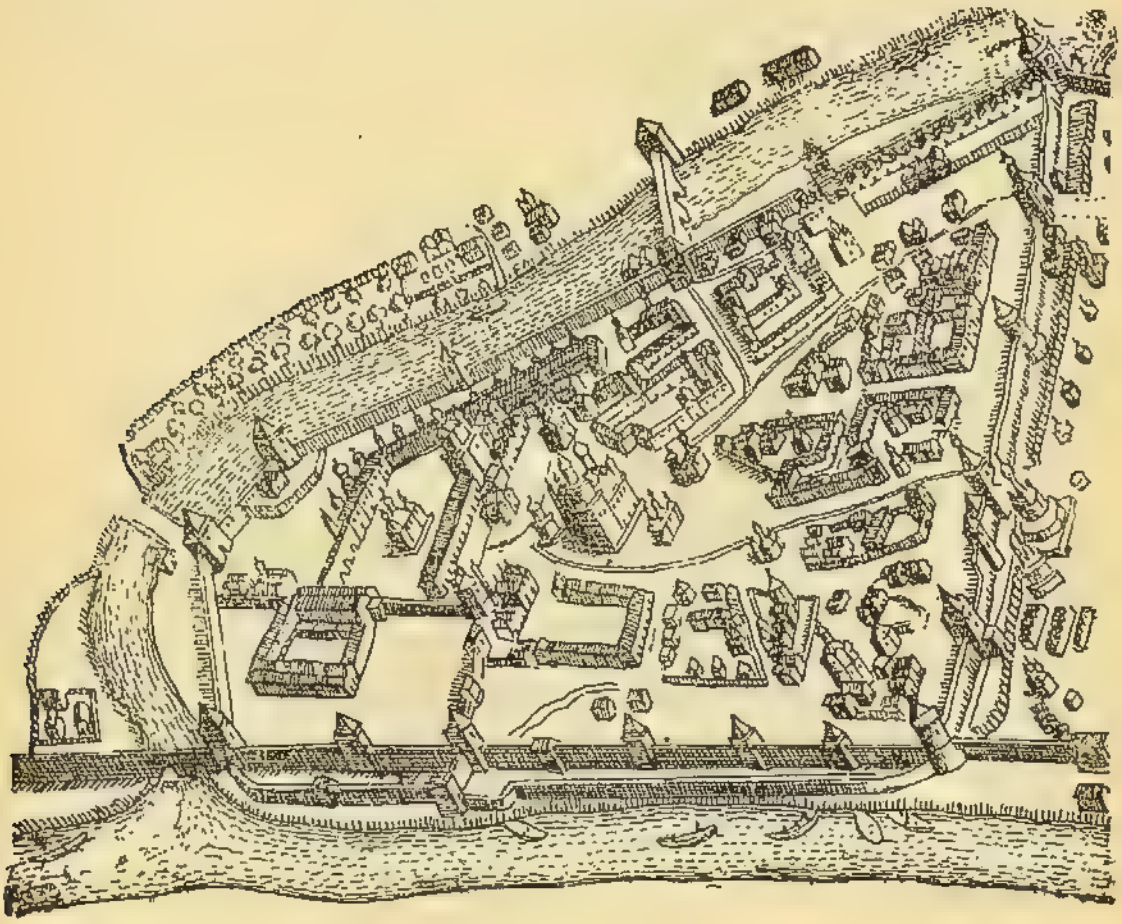
Коронный гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій.

Съ литографированнаго портрета Стеффенса, изъ коллекціи С. О. Нелепца въ Спб.

возможность возврата къ престолу. Такою мѣрою явилось заточеніе свергнутаго съ престола царя въ монастырь.

19-го іюля Захаръ Ляпуновъ съ товарищами, въ числѣ которыхъ были Салтыковъ, Засѣкинъ, князья Туренинъ, Тюфякинъ и Меринъ-Волконскій, пришли въ домъ Шуйскаго съ заранѣе подготовленными іеромонахами и потребовали, чтобъ онъ постригся въ монахи. Шуйскій отказался и пробовалъ разжалобить явив-

шихся бояръ. Но рѣчь его не имѣла ожидаемаго успѣха. Въ виду отказа Шуйскаго добровольно постричься, его постригли насильственно (при чемъ Ляпуновъ крѣпко держалъ его за руки, чтобы онъ не отмахивался),



Московскій Кремль въ началѣ XVII вѣка.
Съ современной гравюры Готфрида.

затѣмъ одѣли его въ иноческое платье и отвезли въ Чудовъ монастырь [1]. Молодую супругу его, Марію Петровну, тоже постригли въ монахини и помѣстили въ Вознесенскомъ монастырѣ [2]. Братьевъ, бывшихъ

[1] О постриженіи Шуйскаго подробно разсказано въ „Изборникѣ Попова", стр. 346—347.

[2] Въ „Дневникѣ событій", извѣстномъ подъ названіемъ Исторіи Ложнаго Димитрія (Рукоп. Имп. Публ. Библ. в Петербурга), сказано, что желали московскіе бояре постричь и жену Шуйскаго, но она срывала съ себя черническія одежды, поэтому ее оставили въ покоѣ. (Истор. Библ. т. I).

воеводъ московскаго войска, Дмитрія и Ивана—исключили изъ состава Боярской Думы и подвергли заключенію [1].

И такъ, царь Василій—исчезъ съ лица земли; въ живыхъ остался только инокъ Чудова монастыря. Но хотя этотъ инокъ и лишенъ былъ всякой возможности вернуться къ престолу, временное московское правительство опасалось тайныхъ его козней и побужденія народа къ мятежу (что Шуйскому, при его громадномъ богатствѣ и помощи приверженцевъ, сдѣлать было не трудно). И дѣйствительно, оказалось, что люди партіи Шуйскаго возбуждали народъ. По этому поводу ожесточеніе бояръ противъ Шуйскихъ дошло до того, что они уже поговаривали, не перебить ли весь родъ ихъ. И, вѣроятно, это было бы исполнено, если-бы защитникомъ Шуйскихъ не явился вступившій 21 сентября въ Москву съ польскими войсками гетманъ Жолкѣвскій. Онъ объявилъ боярамъ, что король Сигизмундъ, какъ только узналъ о низложеніи Василія, то приказалъ ему, Жолкѣвскому, беречь бывшаго царя и не допускать надъ нимъ и надъ его родомъ насилій [2]. Основываясь на этомъ, Жолкѣвскій потребовалъ, чтобы ему выдали Шуйскихъ и позволили увезти изъ Москвы царя-инока [3]. Такому обходительному, изворотливому и ловкому, по общему признанію историковъ, дипломату, какимъ былъ Жолкѣвскій, и при тѣхъ

---

[1] По словамъ Иловайскаго („Смутное время", стр. 299), подробности, относящіяся къ низложенію и постриженію Шуйскаго, при сравненіи разныхъ источниковъ, являются сбивчивыми и подчасъ противорѣчивыми. Въ общихъ чертахъ низложеніе происходило такъ, какъ оно выше описано.

[2] Костомаровъ. „Смутное время", стр. 47.—Въ сборникѣ Муханова помѣщено письмо Жолкѣвскаго къ боярамъ, въ которомъ онъ увѣщалъ охранять Шуйскихъ, не причинять имъ никакого насилія, не дѣлать покушенія на ихъ жизнь и пр.

[3] Записки гетмана Жолкѣвскаго о московской войнѣ изданы по-русски Павломъ Мухановымъ въ 1871 г.

симпатіяхъ и довѣріи, которыя онъ успѣлъ себѣ пріобрѣсти въ Москвѣ, гдѣ его считали истиннымъ другомъ московскаго государства, гетману не трудно было уговорить бояръ отдать ему ненавистнаго всѣмъ развѣнчаннаго царя, котораго тѣмъ временемъ, по требованію Жолкѣвскаго, изъ Чудова монастыря перевели въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь [1].

Усвятскій воевода Янъ-Петръ Сапѣга.
Съ гравюры Вейсса XVII вѣка.

Временное правительство тѣмъ охотнѣе согласилось исполнить просьбу Жолкѣвскаго, что тогда были въ самомъ разгарѣ переговоры относительно призванія на московскій престолъ польскаго королевича Владислава

[1] Лестную о себѣ репутацію Жолкѣвскій успѣлъ сохранить у многихъ историковъ. Н. И. Костомаровъ называетъ его „однимъ изъ благороднѣйшихъ и честнѣйшихъ людей Польши того времени“ (Русск. ист., т. I, стр. 678).

сторону котораго держали почти всѣ знатные бояре и которому многіе изъ нихъ уже присягнули, какъ новому царю. Предложеніе Жолкѣвскаго, безъ сомнѣнія, пришлось даже на руку многимъ, такъ какъ рѣшало простѣйшимъ образомъ вопросъ о томъ, что сдѣлать съ Шуйскимъ, не лишая его жизни и не возбуждая народа новымъ убійствомъ [1].

Вмѣстѣ съ развѣнчаннымъ царемъ, а теперь инокомъ, московское правительство выдало Жолкѣвскому двухъ его братьевъ, Дмитрія и Ивана. Дмитрія ненавидѣли въ Москвѣ такъ-же, какъ и самого Василія. Молва приписывала ему большое вліяніе на дѣла и даже виды на престолъ. Служилые же люди, по словамъ лѣтописца, „ненавидяху его гордости, сего ради и нелюбезенъ бяше во очію ихъ"; вообще ему приписывались самыя незавидныя качества ума и сердца. Одновременно съ тремя Шуйскими, новое боярское правительство передало въ руки гетмана также жену Дмитрія, княгиню Екатерину Григорьевну Шуйскую, урожденную Малюту-Скуратову, сестру жены царя Бориса Годунова. Только жены Василія почему-то не выдали и оставили въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ [2].

Во избѣжаніе возможныхъ народныхъ волненій,

---

[1] Договоръ Жолкѣвскаго съ боярами о возведеніи королевича Владислава на русскій престолъ, подписанный гетманомъ 17 августа 1610 года, уцѣлѣлъ въ подлинникѣ въ государственномъ архивѣ и напечатанъ въ Румянцевскомъ собраніи Государствен. грамот. ч. II № 199.

[2] Царица Марія Петровна, въ инокиняхъ Елена, дочь князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовскаго, супруга царя Василія Шуйскаго, пріяла иноческій санъ въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и пребывала то въ московскомъ Ивановскомъ, то въ Суздальскомъ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ и скончалась въ іюнѣ 1626 года. Тѣло ея было перевезено изъ Суздальскаго монастыря и погребено въ Вознесенскомъ монастырѣ. (Рычинъ. Путев. по моск. свят., стр. 232).

бояре просили Жолкѣвскаго немедленно увезти бывшаго царя изъ Москвы. Но Жолкѣвскій не особенно торопился. Онъ, очевидно, сначала и самъ не зналъ, какъ поступить съ отданными въ его распоряженіе Шуйскими. Въ сентябрѣ пріѣзжаетъ въ Москву Сапѣга; Жолкѣвскій показываетъ ему своихъ „плѣнниковъ", но

Гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій въ молодые годы своей жизни.
Рисунокъ Чаманскаго, гравированный Подолинскимъ.

о принятомъ относительно ихъ рѣшеніи не упоминаетъ. Онъ ждетъ приказовъ короля Сигизмунда, наконецъ, рѣшается самъ увезти бывшаго царя въ королевскій лагерь подъ Смоленскомъ, а братьевъ его отослать въ Польшу [1].

[1] По другимъ же источникамъ, Сигизмундъ отозвалъ Жолкѣвскаго изъ Москвы, такъ какъ былъ недоволенъ его симпатіями къ москвичамъ.

Московскій народъ спокойно, съ любопытствомъ смотрѣлъ какъ обоихъ царскихъ братьевъ везли чрезъ Москву въ двухъ особыхъ колесницахъ, впереди колесницы гетмана, который, заѣхавъ въ монастырь, взялъ оттуда бывшаго царя и затѣмъ всѣхъ троихъ повезъ съ собою. Множество московскаго народа собралось на улицахъ смотрѣть на отъѣздъ Шуйскихъ. Съ домовыхъ кровель и изъ окопъ посылали Жолкѣвскому пожеланія счастливой дороги, считая гетмана какъ бы избавителемъ Москвы. Отъѣздъ былъ обставленъ торжественно: впереди ѣхало польское войско, за нимъ слѣдовала коляска, въ которой сидѣлъ въ монашескомъ одѣяніи, сгорбившись, Василій Шуйскій, угрюмо глядѣвшій, какъ равнодушно относился народъ къ постигшей его судьбѣ; за бывшимъ царемъ ѣхали два его брата, а за ними верхомъ на конѣ—гетманъ Жолкѣвскій, окруженный московскими боярами и дворянами, которые провожали гетмана за семь верстъ отъ столицы. Здѣсь кортежъ остановился и раздѣлился: бывшаго царя Жолкѣвскій самъ повезъ въ лагерь короля Сигизмунда, подъ Смоленскъ, между тѣмъ какъ Ивана и Дмитрія онъ отослалъ съ полякомъ Невѣдомскимъ въ Бѣлу, чтобы препроводить потомъ прямо въ Польшу.

IV.

Услуга, оказанная Московскому государству плѣненіемъ Шуйскихъ.—Попытки Шуйскихъ возвратить престолъ. — Кандидатура королевича Владислава.—Присяга Владиславу.—Сигизмундъ—какъ претендентъ на московскій престолъ.—Послѣдствія.

Ни гетманъ Жолкѣвскій, ни король Сигизмундъ и его приближенные не подозрѣвали и не могли подозрѣвать, какую громадную услугу оказали они Московскому государству тѣмъ, что увезли Шуйскихъ изъ Москвы.

Нѣтъ сомнѣнія, что останься Шуйскій и его братья въ Москвѣ—раздорамъ и смутамъ въ Московскомъ государствѣ еще долго не было-бы конца. Ссылаясь на насильственное постриженіе въ монахи, опираясь на содѣйствіе патріарха Гермогена, разсчитывая на поддержку со стороны нѣсколькихъ бояръ, своихъ приверженцевъ и заручившись, при помощи огромнаго своего богатства, расположеніемъ московской черни, испорченной продолжительными смутами и готовой стать на любую сторону—Шуйскій легко могъ вновь завладѣть престоломъ. Во всякомъ же случаѣ, именемъ Шуйскаго, насильственно заточеннаго въ монастырь, могли бы еще многіе-многіе мѣсяцы совершаться разныя безчинства. Новое избраніе въ цари Шуйскаго при такихъ обстоятельствахъ не представляло ничего невозможнаго, не-

смотря даже на ненависть къ нему всѣхъ почти бояръ и огромной массы народа. Если же допустить, что ненавистный Василій Шуйскій былъ бы устраненъ отъ возможности завладѣть вновь престоломъ, то легко могло

Королевичъ Владиславъ въ эпоху избранія его въ Московскіе цари.

Портретъ масляными красками, исполненный неизвѣстнымъ художникомъ въ началѣ XVII вѣка. (Изъ альбома историческихъ портретовъ Лушева).

бы состояться избраніе его младшаго брата Ивана, какъ ни въ чемъ неповиннаго въ неудачахъ Василія. Это было-бы тѣмъ легче, что Шуйскіе являлись все-таки самыми родовитыми боярами, и ихъ приверженцы легко могли повліять на народъ тѣмъ же способомъ, которому отчасти и Василій Шуйскій былъ обязанъ возведеніемъ на престолъ: ссылкой на то, что они прямые потомки

Королевичъ Владиславъ Сигизмундовичъ,
выбранный 2-го августа 1610 года въ московскіе цари.

Гравюра съ портрета кисти Рубенса.
(Изъ коллекціи гравюръ короля Станислава Августа, хранящейся въ Императорской Академіи Художествъ въ Петербургѣ).

Рюрика, Александра Невскаго и князей Суздальскихъ, что по древности рода они, Шуйскіе, среди московскихъ бояръ занимаютъ первое мѣсто и т. д. [1].

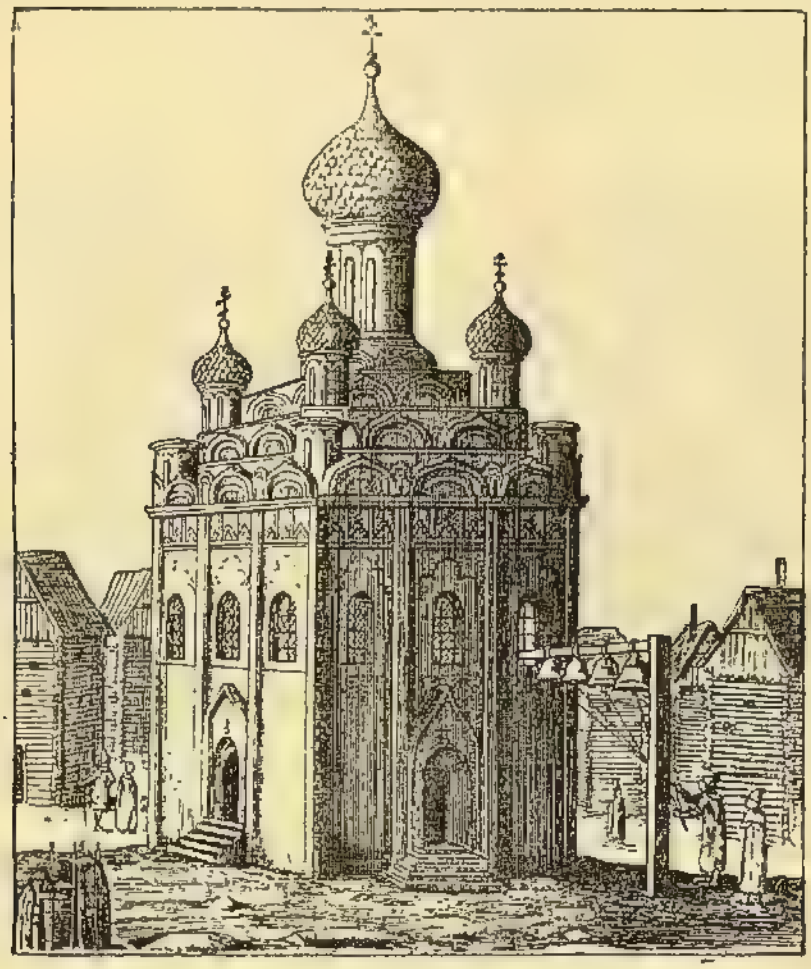
Жолкѣвскій, какъ ловкій и умный дипломатъ, вѣроятно и руководился этими соображеніями, когда требовалъ выдачи ему Шуйскихъ и отправленія ихъ въ Польшу. Гетманъ не предвидѣлъ, для кого онъ очищаетъ путь къ престолу. Ему казалось, что увезя Шуйскихъ, онъ только окончательно устраняетъ всѣ препятствія къ достиженію московскаго престола претенденту на этотъ престолъ, польскому королевичу.

До сихъ поръ остается спорнымъ вопросъ: вышла ли кандидатура королевича Владислава прямо изъ среды московскихъ бояръ или же была она задумана въ Польшѣ и предложена впервые Жолкѣвскимъ, хотя новѣйшими историческими изслѣдованіями доказано, что объ этой кандидатурѣ шла рѣчь между московскими боярами уже въ 1605 году. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что кандидатуру Владислава встрѣтили въ Москвѣ, и бояре и народъ, очень сочувственно, какъ исходъ изъ утомившихъ всѣхъ смутъ и раздоровъ. Надѣялись, что королевичъ положитъ конецъ кровопролитію и разоренію страны, вызванному появленіемъ „Тушинскаго вора", а также и враждѣ боярскихъ родовъ и ихъ приверженцевъ и сплотитъ вокругъ себя всѣ партіи. Еще Шуйскій возсѣдалъ на престолѣ, не подозрѣвая кого прочатъ на его мѣсто и полагая, что главный его врагъ — это второй

---

[1] Генеалогическія подробности о происхожденіи Шуйскихъ отъ Александра Невскаго указаны въ „Родословной книгѣ князей и дворянъ Россійскихъ", М. 1787, у Долгорукова въ его „Россійск. родосл. книгѣ", въ „Родословномъ Сборникѣ русскихъ дворянскихъ фамилій" Руммеля и Голубцова, а также въ книгѣ Осипа Вольфа „Kniaziowie Litewscy". Варшава. 1895 и др.—Проф. Платоновъ въ своихъ „Очеркахъ смуты" говоритъ, что среди остального боярства не было князей, равныхъ по значенію Шуйскимъ и что они были виднѣйшими представителями коренной московской знати.

Лжедмитрій, знаменитый Тушинскій воръ, — какъ къ королю Сигизмунду подъ Смоленскъ изъ Тушина отправилось многочисленное московское посольство изъ 42 именитыхъ бояръ, дворянъ и купцовъ. Во главѣ этого

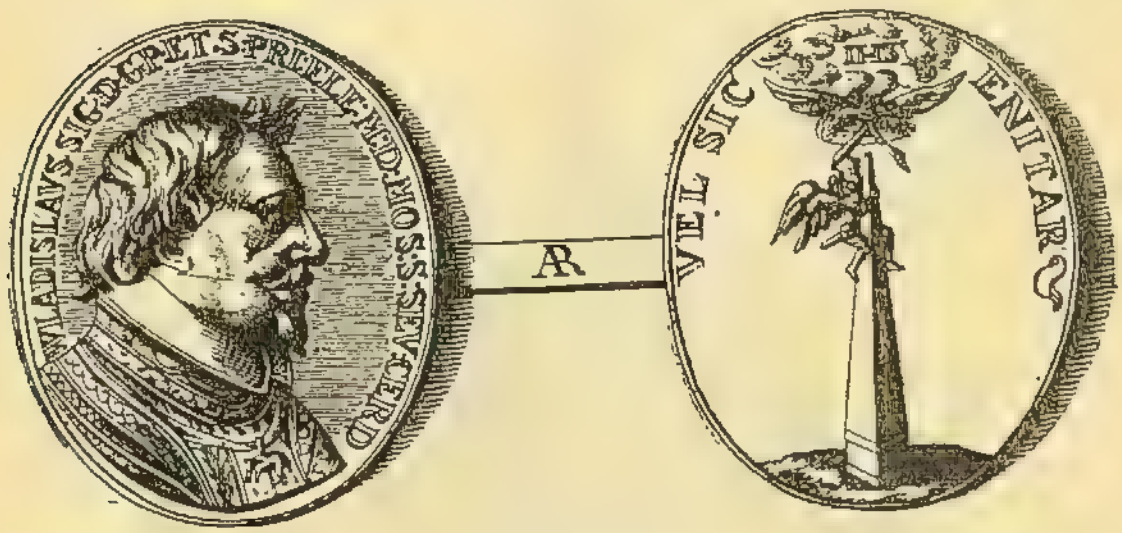


Успенскій Соборъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ.

Съ современнаго рисунка Олеарія.

посольства стояли князья Салтыковы, князья Рубецъ-Масальскіе, князь Хворостынинъ, Левъ Плещеевъ, дьякъ Грамотинъ, купецъ Андроновъ и друг. Они предлагали московскій престолъ королевичу Владиславу и выработали условія относительно династической уніи Москвы съ Польшею подъ властію Владислава. Соотвѣтственный

договоръ былъ подписанъ 4 (14) февраля 1610 года[1]. Впослѣдствіи, послѣ битвы подъ Клушиномъ, жители и духовенство Можайска, Ржева и другихъ мѣстъ, при приближеніи Жолкѣвскаго, выходили къ польскому гетману на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью и присягали Владиславу. Вѣсть о присягѣ Владиславу успѣла проникнуть въ Москву и тамъ встрѣтила огромное сочувствіе. Послѣ

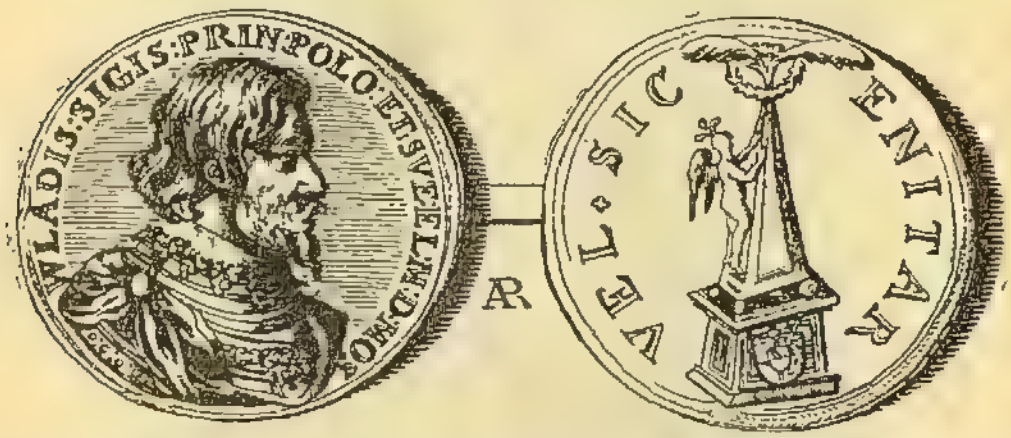


Медаль на избраніе королевича Владислава Сигизмундовича въ московскіе цари.
(Изъ коллекціи гравюръ на мѣди, находящейся въ Императорской Академіи Художествъ).

сверженія Шуйскаго, созванный временнымъ правительствомъ „совѣтъ всей земли“ окончательно избралъ Владислава въ цари. На съѣздѣ, устроенномъ 2 августа подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, были московскимъ правительствомъ выработаны и подписаны условія, на которыхъ Владиславъ принимаетъ престолъ, и бояре торжественно присягнули на подданство Владиславу. Въ переговорахъ по поводу избранія, представители временнаго московскаго правительства нарочно подчеркивали, что

[1] Договоръ 4 (14) февраля напечатанъ въ Сборникѣ Муханова № 104; въ запискахъ Жолкѣвскаго, прилож. 20 и 26; въ Актахъ Западной Руси IV, 180; у Голикова „Дѣян. Петра В.“ XII, 274.

Москва „по доброй волѣ“ сама пришла къ мысли о Владиславѣ и говорили, что Владиславъ избранъ „всѣмъ государствомъ“. Въ числѣ лицъ, особенно желавшихъ видѣть Владислава на московскомъ престолѣ, стояли наиболѣе видные представители московской знати. Въ числѣ другихъ—думный дьякъ Аѳанасій Безобразовъ, тотъ самый, который, по преданіямъ, упросилъ перваго

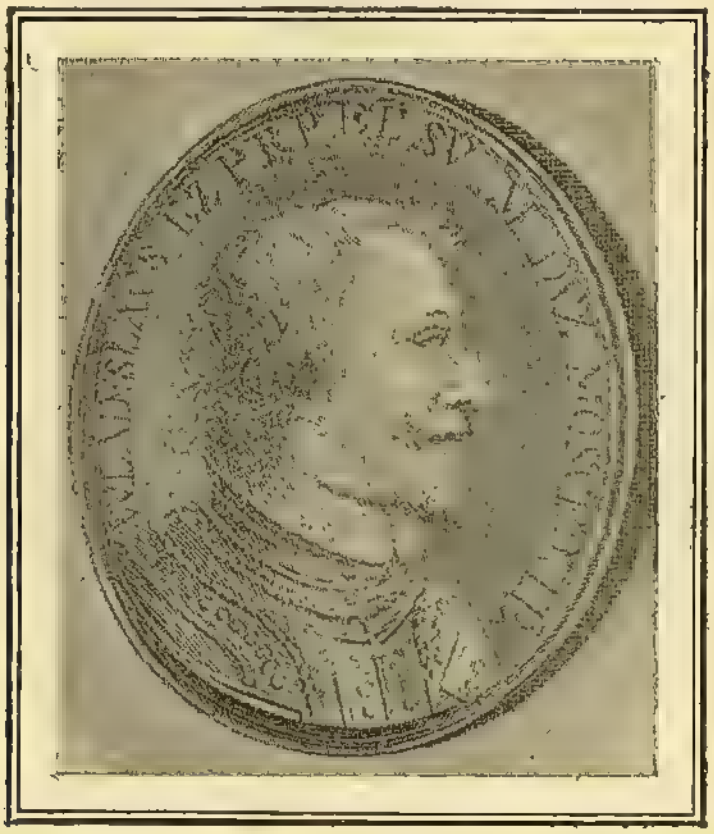


Медаль (вторая) на избраніе королевича Владислава Сигизмундовича въ московскіе цари.
(Изъ коллекціи гравюръ на мѣди, находящейся въ Императорской Академіи Художествъ).

Дмитрія простить осужденнаго на смерть Василія Шуйскаго и который считался однимъ изъ приверженцевъ Шуйскаго. Сочувственно относился къ кандидатурѣ и митрополитъ Филаретъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его грамоты [1]. Какъ близко было воцареніе Владислава, доказываетъ, между прочимъ, фактъ, что въ послѣднихъ числахъ августа 1610 г. стали уже приводить жителей Москвы къ присягѣ королевичу. Присягнуло въ первый же день, 27 августа, 10,000 человѣкъ, но присяга не ограничилась однимъ только днемъ [2]. При-

[1] Временникъ. I. Смѣсь 38—40.—Русск. Истор. Библ. I. 525.
[2] Общее число присягнувшихъ королевичу, по извѣстію одного поляка-современника, простиралось будто-бы до 300,000.

сягали открыто въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ того отъ временнаго правительства разосланы были по городамъ извѣстительныя грамоты о выборѣ въ цари Владислава, съ приложеніемъ крестоцѣловальныхъ запи-



Профильное изображеніе королевича Владислава
на медали, выбитой въ память избранія королевича на московскій престолъ.

сей, по которымъ должна была совершаться ему присяга [1]. Даже подозрительный къ полякамъ и несочув-

[1] Провозглашеніе Владислава царемъ Московскимъ Соловьевъ объясняетъ тѣмъ, что бояре, не желая подчиниться „холопскому царю", второму Лжедмитрію, Тушинскому вору, предпочли польскаго королевича (IX стр. 312). Но едва ли не болѣе вѣрное объясненіе даетъ современное „иное сказаніе", въ которомъ этотъ выборъ объясняется взаимною завистью бояръ и убѣжденіемъ, что никто изъ бояръ не удержится на престолѣ и не сумѣетъ внушить къ себѣ уваженіе.

ствовавшій воцаренію иноземца патріархъ Гермогенъ соглашался признать Владислава царемъ, подъ условіемъ, если отъ выбраннаго въ цари королевича не будетъ никакого нарушенія Православной церкви. Были отчеканены медали на избраніе королевича, печатались его портреты съ надписью „Владиславъ, принцъ польскій, королевичъ московскій", чеканили монеты съ над-

Дьякъ Аѳанасій Безобразовъ.
Съ современнаго портрета.

писью „Великій князь Владиславъ Зігмонтовичъ" и т. д. Имя новоизбраннаго царя поминалось въ церквахъ, печаталось въ церковныхъ книгахъ [1]. Правившая въ Москвѣ боярская дума снарядила тѣмъ временемъ великое посольство къ королю Сигизмунду подъ Смоленскъ, съ порученіемъ вручить ему офиціально, подписанный всѣми членами правительства, „договоръ" объ избраніи королевича и просить Сигизмунда дать сына на москов-

[1] Румянцевъ. Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи, стр. 55.

скій престолъ. Это „великое посольство“ состояло почти изъ тысячи лицъ, представителей всѣхъ сословій. Во главѣ посольства стояли митрополитъ ростовскій Филаретъ и князь В. И. Голицынъ, а въ числѣ многихъ другихъ видныхъ московскихъ дѣятелей, входившихъ въ составъ посольства, находился также келарь Троице-Сергіевской лавры, Авраамій Палицынъ. Вопросъ о томъ, кто будетъ царемъ московскимъ, казался уже окончательно рѣшеннымъ. Въ Москвѣ со дня на день ожидали прибытія королевича, — но тутъ неожиданно явился новый претендентъ на московскій престолъ въ лицѣ самого короля Сигизмунда [1]. Подстрекаемый недальновидными католическими своими совѣтниками, мечтая о соединеніи Польши и Москвы въ одно католическое государство подъ однимъ, общимъ скипетромъ польскаго короля, и опасаясь, какъ бы москвичи не уговорили Владислава принять православіе, Сигизмундъ отстранилъ кандидатуру королевича и потребовалъ престолъ для себя, безъ всякихъ уступокъ въ пользу православія. Напрасно Жолкѣвскій,—человѣкъ умный, хорошо освѣдомленный со взглядами Москвы и понимавшій, что русскіе не примирятся съ новымъ оборотомъ дѣла, — отговаривалъ короля отъ его рѣшенія: Сигизмундъ остался при своемъ; намѣреніе его сѣсть на московскій престолъ было непоколебимо.

Рѣшеніе короля Сигизмунда явилось второй услугой, оказанной Московскому государству,—услугой, правда, невольной; съ точки же зрѣнія польскихъ ин-

[1] О томъ, что въ Москвѣ дѣйствительно искренно желали Владислава, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, что въ 1617 году послы правительства Михаила Ѳеодоровича, во время переговоровъ о мнимыхъ правахъ Владислава на московскій престолъ, откровенно заявили: „Не дали вы намъ королевича тогда, когда мы всѣ его хотѣли и долго ждали, и мы другого государя себѣ выбрали“. (Соловьевъ IX. 130).

тересовъ, это была великая, роковая историческая ошибка. Она частью возбудила, частью усилила нерасположеніе противъ поляковъ какъ со стороны бояръ, такъ и народа, а въ особенности духовенства; она вызвала

Патріархъ Гермогенъ отказывается писать начальникамъ земскаго ополченія о распущеніи войска, набраннаго для изгнанія поляковъ въ 1611 году.
Картина П. П. Чистякова.

энергичныя воззванія патріарха Гермогена; она дала толчокъ тѣмъ, непредвидѣннымъ поляками, событіямъ, которыя завершились избраніемъ на царство Михаила Ѳеодоровича Романова и возвышеніемъ Москвы, въ то время какъ Польша, съ той поры, стала замѣтно клониться къ паденію [1]. Необыкновенный порывъ народ-

[1] Это мнѣніе высказываетъ, между прочимъ, извѣстный польскій историкъ Бобржинскій.

наго чувства всего Московскаго государства и нравственный переломъ, заставившій разныя партіи забыть зависть и вражду и сплотиться противъ поляковъ— это были прямые результаты неудачной дипломатіи Сигизмунда, явно посягавшей на народную самостоятельность Москвы. Такимъ образомъ, тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Шуйскій былъ увезенъ изъ Москвы въ Польшу, являются однимъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ какъ въ исторіи Россіи, такъ и въ исторіи Польши: они составляютъ, такъ сказать, поворотный пунктъ въ судьбѣ обоихъ государствъ...

—

V.

Первое представленіе Шуйскаго королю Сигизмунду.—Поведеніе бывшаго царя на представленіи.—Отъѣздъ короля въ Варшаву.—Тріумфальная встрѣча въ Вильнѣ.—Въѣздъ въ Варшаву.—Пиръ у короля и встрѣча съ турецкимъ посломъ.—Другіе плѣнники.

Жолкѣвскій увезъ Шуйскаго изъ Москвы въ монашескомъ одѣяніи; другого у него не было все было отнято послѣ постриженія. Представить *царя* королю и польскому войску въ скромномъ, поношенномъ нарядѣ *инока* (въ какомъ Шуйскій былъ взятъ изъ монастыря) было не совсѣмъ удобно, такъ какъ это было-бы равносильно признанію, что Шуйскій—уже не царь. Притомъ Жолкѣвскій не признавалъ постриженія Шуйскаго. Такъ какъ царскаго одѣянія нельзя было достать, то Шуйскаго переодѣли въ случайно попавшуюся мірскую „литовскую“ одежду, и въ такой одеждѣ Шуйскій предсталъ передъ Сигизмундомъ въ лагерѣ подъ Смоленскомъ въ концѣ октября 1610 года.

Представленіе плѣнника было обставлено такъ-же торжественно, какъ и впослѣдствіи въ замкѣ въ Варшавѣ. Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Жолкѣвскаго, Викентій Крукеницкій, передавая въ руки короля „плѣнника“, произнесъ витіеватую рѣчь. „Никогда еще къ ногамъ польскихъ королей не были доставлены такіе трофеи,—говорилъ ораторъ,—ибо отдается армія, зна-

мена, полководецъ, правитель земли, наконецъ государь со всѣмъ своимъ государствомъ“ [1].

Не смотря на эти слова, очевидно, Шуйскій—какъ человѣкъ, который умѣлъ доказать находчивость въ самыхъ крутыхъ обстоятельствахъ своей жизни и жизни всей русской земли,—не считалъ еще и теперь свое дѣло вполнѣ проиграннымъ, потому что на торжественномъ пріемѣ у Сигизмунда онъ держался довольно гордо, не согласился поклониться польскому королю и тѣмъ признать его плѣнителемъ, и вообще продолжалъ считать себя московскимъ царемъ. По словамъ лѣтописца, онъ сказалъ: „не довлѣетъ московскому царю поклониться королю, то судьбами есть праведными Божіими, что приведенъ я въ плѣнъ, не вашими руками взятъ быхъ, но отъ московскихъ измѣнниковъ, отъ своихъ рабъ отданъ быхъ“. „Король же и вся рада паны,—заключаетъ лѣтописецъ,—дивишася его отвѣту“[2].

Дальнѣйшія подробности о пребываніи Шуйскаго въ лагерѣ короля—неизвѣстны. Только изъ оставшихся послѣ смерти бывшаго царя вещей видно, что король во время пребыванія Шуйскаго въ лагерѣ подъ Смоленскомъ подарилъ развѣнчанному царю небольшую серебряную братину и серебряную ложку, литовскій же канцлеръ Левъ Сапѣга и панъ Иванъ Болобанъ—серебряный ковшъ, стаканъ и двѣ ложки.

Когда, послѣ двадцатимѣсячной осады, Смоленскъ, 3 іюня 1611 года, сдался полякамъ, король Сигизмундъ отправился на сеймъ въ Варшаву. Вслѣдъ за королемъ туда же отправился Жолкѣвскій съ плѣнными Шуйскими. На пути слѣдованія короля Сигизмунда въ Варшаву устраивались повсюду торжественныя встрѣчи.

---

[1] Рѣчь Крукеницкаго сохранилась въ рукописи и библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 64.

[2] Никон. Лѣтоп. 148.

Въ Вильнѣ сооружены были тріумфальныя ворота, освѣщенныя разноцвѣтными огнями. У этихъ воротъ про-

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.

Рисунокъ Зеленскаго съ портрета, находившагося въ Император. Академіи Наукъ въ Петербургѣ, переписованный на камень Бѣлоусовымъ и помѣщенный въ „Одеждахъ и вооруженіи Россійскихъ войскъ".

изошла встрѣча короля съ его супругою, королевой Констанціею и королевичемъ Владиславомъ, съ которыми король вмѣстѣ отправился дальше въ Варшаву.

По личному желанію Сигизмунда, устроенъ былъ тріумфальный въѣздъ въ Варшаву Жолкѣвскаго и „плѣненнаго“ имъ царя. Представленіе Шуйскаго обставлено было возможно пышно и торжественно. Сдѣлано это было не изъ одного только тщеславія и желанія показать полякамъ наглядно громадные будто бы результаты московскаго похода, задуманнаго Сигизмундомъ. Въ „представленіи“ крылась еще очень тонкая политическая цѣль: для продолженія войны Сигизмунду нужны были средства, нужно было войско—и король надѣялся, что торжественнымъ представленіемъ сейму взятаго въ плѣнъ царя онъ добьется согласія сейма на продолженіе войны, въ чемъ онъ не былъ твердо увѣренъ. Для Шуйскаго было по этому поводу нарочно сшито, по заказу короля, взамѣнъ скромной монашеской рясы, дорогое царское одѣяніе; золотой охабень, четыре кафтана, изъ которыхъ одинъ червчатаго бархата и одинъ изъ синяго сукна съ серебряными золочеными пуговицами и двѣ мѣховыя шубы. Въ этихъ-то новыхъ, нарочно сшитыхъ уборахъ, предсталъ плѣнникъ передъ Сигизмундомъ на сеймѣ въ Варшавѣ. Однако, несмотря на царское одѣяніе, Шуйскій, очевидно, понялъ, что его царствованіе кончилось безвозвратно, что онъ уже не царь. По крайней мѣрѣ его поведеніе, сравнительно съ поведеніемъ въ лагерѣ подъ Смоленскомъ, описывается совсѣмъ иначе: старикъ униженно кланяется королю, кланяется не какъ царь, но какъ покорный плѣнникъ [1].

Сопоставленіе этихъ двухъ „представленій“ весьма характерно для исторіи послѣдняго года жизни Шуйскаго.

---

[1] Желая увѣковѣчить сцену представленія Шуйскихъ передъ сеймомъ въ Варшавѣ, король Сигизмундъ заказалъ художнику Долабелла картину, изображающую это представленіе. Картина эта украсила одну изъ залъ королевскаго замка въ Варшавѣ.

Покорное и униженное поведеніе Шуйскаго при представленіи королю въ Варшавѣ можно бы объяснить трусостью и страхомъ смерти; Шуйскій, зная хорошо, кто виновникъ избіенія поляковъ въ Москвѣ послѣ убійства Дмитрія Самозванца, имѣлъ основаніе опасаться, что поляки отомстятъ за убитыхъ и подвергнутъ его смертной казни. Покорностью и низкими поклонами онъ могъ надѣяться умилостивить пановъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, если принять во вниманіе поведеніе Шуйскаго послѣ того, какъ онъ, уличенный въ злоумышленіи на жизнь Дмитрія, упалъ на колѣни и, боясь, чтобы его не подвергли пыткѣ, просилъ прощенія и умолялъ всѣхъ ходатайствовать за него „злосчастнаго, прогнѣвавшаго не только государя, но и всемогущаго Бога", а потомъ приведенный на мѣсто казни, обратился къ боярамъ съ просьбою заступиться за него [1]. Но, съ другой стороны, цѣлый рядъ фактовъ показываетъ, что Шуйскій былъ далеко не трусъ и, рискуя не разъ жизнью, выходилъ къ московскимъ крамольникамъ.

Торжественными „представленіями" королю въ Смоленскомъ лагерѣ и въ Варшавскомъ замкѣ не ограничились еще униженіями которыя долженъ былъ пережить царь Василій. Сохранилось извѣстіе, что присутствовавшій на Варшавскомъ сеймѣ 1611 года посланникъ турецкаго султана, пируя за пышнымъ королевскимъ столомъ, желалъ видѣть прежняго царя Московскаго: его желаніе было исполнено. Шуйскаго привели въ царской одеждѣ и посадили за столъ противъ посланника. Тотъ смотрѣлъ на него, не говоря ни слова; посланникъ началъ превозносить счастіе короля Польскаго,

[1] Тимощукъ. Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ, составленныя на основаніи труда Александра Гиршберга о Дмитріѣ Самозванцѣ, гдѣ поведеніе Шуйскаго описывается со словъ современника Станислава Немоевскаго. „Русская Старина", 1899. IV, стр. 185—186.

который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ имѣлъ въ рукахъ своихъ Максимиліана и теперь держитъ въ плѣну великомощнаго царя Русскаго. „Не дивись,—отвѣчалъ Шуйскій, оскорбленный словами посланника,—не дивись моей участи! Я былъ сильный государь, а теперь плѣнникъ; но знай: когда король польскій овладѣетъ Россіею—и твоему государю не миновать моей участи. Есть у насъ пословица: сегодня моя очередь, а завтра твоя [1].

Отдавая Шуйскаго въ руки Жолкѣвскаго, московскіе бояре несомнѣнно не знали и не подозрѣвали, что король Сигизмундъ предполагаетъ воспользоваться свергнутымъ съ престола царемъ для того, чтобы „себѣ славу учинить“ и устроить унизительный для Московскаго царства тріумфъ въ польскомъ сеймѣ. Не подозрѣвалъ, вѣроятно, этого и Жолкѣвскій. Мысль устройства тріумфальнаго въѣзда въ Варшаву съ „плѣнными“ Шуйскими возникла уже позже, въ лагерѣ подъ Смоленскомъ. Кому принадлежитъ эта мысль—неизвѣстно. Точно также осталось неизвѣстнымъ, были-ли какіе-нибудь переговоры между Жолкѣвскимъ и семью правившими въ междуцарствіе боярами относительно того, куда долженъ быть отвезенъ Шуйскій съ братьями. Очень возможно, что вопросъ этотъ и не возбуждался, такъ какъ фактически Шуйскій уже пересталъ быть царемъ, и престолъ, въ глазахъ бояръ, считался за Владиславомъ. Но едва-ли, при всей своей ненависти къ Шуйскимъ, бояре согласились бы выдать Шуйскихъ Жолкѣвскому, если-бъ знали о томъ, въ качествѣ какихъ „плѣнниковъ“ ихъ повезутъ въ Варшаву.

Одновременно съ Шуйскими были привезены въ Варшаву плѣнниками: бояринъ и воевода Михаилъ Борисовичъ Шеинъ, начальствовавшій въ Смоленскѣ и

[1] Это разсказано современникомъ, пасторомъ Беромъ, въ его Московской лѣтописи.

Король Сигизмундъ III-й подъ Смоленскомъ.

Съ рѣдчайшей современной гравюры, находящейся въ Петербургѣ, въ коллекціи гравюръ послѣдняго польскаго короля Станислава Августа.

взятый въ плѣнъ послѣ того, какъ Смоленскъ, выдержавъ двадцатимѣсячную осаду, сдался польскому военачальнику Потоцкому; затѣмъ—второй воевода Василій Васильевичъ Голицынъ, состоявшій въ московскомъ посольствѣ, отправленномъ къ королю Сигизмунду для сообщенія Владиславу объ избраніи его въ русскіе цари, и обвиненный поляками въ измѣнѣ при осадѣ Сигизмундомъ Смоленска. Еще былъ въ числѣ плѣнныхъ—ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ, впослѣдствіи патріархъ, отецъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова, тоже членъ посольства, уполномоченнаго поднести королевичу Владиславу вѣнецъ Мономаховъ. Плѣненіе двухъ послѣднихъ, по русскимъ источникамъ, объясняется тѣмъ, что гетманъ Жолкѣвскій опасался, какъ бы они не предъявили правъ на московскій престолъ—Голицынъ для себя, Филаретъ для своего сына. Польскіе же источники показываютъ, что какъ Голицынъ, такъ и Филаретъ играли двойную игру: они приглашали Владислава на престолъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, переписывались съ московскими единомышленниками, предостерегая ихъ передъ уніею съ поляками и агитируя въ свою пользу. Вмѣстѣ съ перечисленными, были доставлены въ Варшаву и находились въ тріумфальномъ кортежѣ Жолкѣвскаго: думный дьякъ Луговскій, думный дворянинъ Василій Сукинъ, князь Даніилъ Мезецкій, стольники Гловининъ и Рускинъ, князь Яковъ Барятинскій и многіе знатные смоляне, взятые въ плѣнъ при осадѣ Смоленска.

VI.

Шуйскіе въ Гостынскомъ замкѣ.—Жизнь въ заточеніи.—Смерть Шуйскихъ.—Наслѣдство.—Историческіе источники о пребываніи Шуйскихъ въ плѣну.

По окончаніи торжественнаго представленія королю, сенаторамъ и вельможамъ въ королевскомъ замкѣ въ Варшавѣ, Шуйскаго повезли въ расположенный въ 130-ти верстахъ отъ Варшавы Гостынинскій или Гостынскій замокъ, назначенный мѣстомъ заключенія для московскаго плѣнника. Туда-же въ Гостынинъ отвезенъ былъ и князь Дмитрій Шуйскій съ женою Екатериною Григорьевною, и другой братъ Василія, князь Иванъ Шуйскій [1].

Плѣнники „были отданы въ Гостынинскомъ замкѣ подъ стражу почетную и свободную“ и съ ними, по сви-

---

[1] Какъ и всѣ почти древніе замки въ Польшѣ, Гостынскій замокъ имѣетъ свою, довольно продолжительную исторію. Нѣкогда онъ служилъ оборонительнымъ пунктомъ князей Куявскихъ, владѣвшихъ всей землею около Гостынина; затѣмъ, съ 1286 г., принадлежалъ князьямъ Мазовецкимъ. Въ 1300 году, избранный въ польскіе короли, Вацлавъ чешскій старался завладѣть замкомъ, но штурмъ былъ отбитъ. Окончательно къ польскимъ владѣніямъ Гостынскій замокъ, съ принадлежащими къ нему землями и выросшимъ на этомъ мѣстѣ городомъ, былъ присоединенъ королемъ Казиміромъ Ягайловичемъ въ 1462-мъ году и съ тѣхъ поръ считался „королевскимъ имуществомъ“. По офиціальной инвентарной описи 1561 года, замокъ состоялъ изъ каменнаго, двухъэтажнаго зданія, подъ черепичною кровлей и разныхъ второстепенныхъ строеній и пристроекъ; окна въ замкѣ были большею частью за желѣзными рѣшетками; двери и ворота съ крѣпкими запорами.

дѣтельству лѣтописцевъ, „обходились по-королевски“, т.-е. они пользовались свободой, почетомъ и хорошимъ содержаніемъ, но дѣйствительное званіе плѣнниковъ держалось въ секретѣ. Для развѣнчаннаго царя была отведена каменная комната, надъ воротами замка. Князя Дмитрія, вмѣстѣ съ его женою, помѣстили въ небольшую каменную компату въ нижней части замка, у запущеннаго винограднаго садика. Приставомъ при нихъ былъ назначенъ панъ Збигневъ Бобровницкій, придворный чиновникъ короля Сигизмунда, независимо отъ управлявшаго замкомъ старосты Григорія Гаувавскаго. У плѣнниковъ была своя, привезенная изъ Москвы, русская прислуга [1].

Несмотря на нескудное содержаніе и оказываемое плѣнникамъ уваженіе ихъ знатности, они прожили не долго: развѣнчанный царь кончилъ свою жизнь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, именно 12 (22) сентября 1612 года (какъ сказано у Карамзина, а по польскимъ источникамъ 26-го февраля) въ день св. апостола Матѳѣя, въ субботу; въ томъ-же году умеръ и братъ его Дмитрій, въ день св. Михаила Архангела 17 (27) сентября 1612 года, въ четвергъ; вслѣдъ за нимъ и жена его, въ день св. великомуч. Екатерины, 15 (25) ноября 1612 года, въ воскресенье, въ присутствіи брата ея мужа и русскихъ слугъ „Богу душу отдала“.

Причина смерти Шуйскихъ въ источникахъ не указана, упоминается только, что княгиня скончалась послѣ болѣзни, хворая опухолью. Относительно-же смерти Василія намекается, что причиною ея была глубокая старость. Смерть Шуйскихъ казалась загадочной. Въ Польшѣ одни утверждали, что они умерли отъ

[1] Изъ сохранившагося списка издержекъ на содержаніе плѣнныхъ видно, что число прислуги достигало 13 челов. (Документы, хранящіеся въ Архивѣ при Варшавск. казенной палатѣ).

Лютеранская кирка въ Гостынинѣ, бывшій Гостынскій замокъ, гдѣ содержался царь В. И. Шуйскій и его братья.

Гравюра на деревѣ Гораздовскаго.

тоски по отечеству, другіе говорили, что братья Шуйскіе отравились сами, отъ стыда, не будучи въ состояніи переносить своей тяжелой судьбы. Говорили также, что смерть Шуйскихъ послѣдовала отъ отравы. Молва о насильственной смерти скончавшихся достигла Москвы, гдѣ разсказывали, что ихъ отравили [1]; но молвѣ объ отравѣ не особенно довѣряли и скорѣе объяснили эту смерть „нужнымъ страданіемъ". Ближайшій свидѣтель несчастной участи умершихъ, оставшійся въ живыхъ князь Иванъ Шуйскій, объяснялъ потомъ ихъ смерть просто „волею Божіею" [2].

Покойниковъ похоронили въ Гостынинѣ [3]. Оставшемуся имуществу умершихъ сдѣлали подробную опись [4]. Изъ этой описи видно, что вещи, оставшіяся послѣ развѣнчаннаго царя, состояли большею частью изъ предметовъ, „пожалованныхъ" и подаренныхъ ему въ плѣну. Очевидно, Василій не могъ увезти изъ Москвы ничего Въ числѣ этихъ вещей былъ деревянный образъ-складень, обложенный серебромъ и обогнутый по сторонамъ мѣдью. Одежды собственной у Шуйскаго не осталось никакой, вся была „королевскаго жалованья": золотой охабень, четыре кафтана, двѣ мѣховыя шубы и шапки [5].

---

[1] Никон. Иное сказаніе.

[2] Описаніе смерти Василія и Дмитрія Шуйскихъ см. „Финскій Вѣстникъ", 1847 г., № 1.

[3] Въ отношеніи мѣста погребенія—указанія разнорѣчивы: по словамъ однихъ авторовъ—Шуйскихъ похоронили передъ воротами замка; по словамъ другихъ—подъ замковою башнею; по догадкѣ третьихъ—около замковой деревни. Никакихъ слѣдовъ могилы не сохранилось.

[4] „Опись имущества царя В. И. Шуйскаго и братьевъ его" составленная послѣ 12 сентября 1612 г. Акты историч. I. 340.—Подлинникъ, составленный по приказу короля Сигизмунда, въ рукописной книгѣ п. н. Act. Mag. Duc. Lithuaniae, № 303—307, хранящейся въ Имп. Публ. Библ. въ Петербургѣ.

[5] Кромѣ того, какъ видно изъ акта о выдачѣ вещей, оставшихся въ Гостынскомъ замкѣ, отъ 23 января 1614 г., послѣ Шуйскаго осталась московская карета и крытый возъ.—Актъ этотъ хранится въ рукописи въ музеѣ Чарторыжскихъ въ Краковѣ, подъ № 361.

Единственнаго оставшагося въ живыхъ изъ гостынскихъ плѣнниковъ, младшаго брата царя Василія, князя Ивана Шуйскаго, король Сигизмундъ, послѣ смерти остальныхъ, освободилъ изъ заточенія или, какъ онъ самъ разсказывалъ, „вмѣсто смерти, наияснѣйшій король жизнь далъ и велѣлъ служить сыну своему Владиславу“.

Портретъ царя Василія Шуйскаго
по фотографіи съ оригинала масляными красками, помѣщенной въ альбомѣ историческихъ портретовъ Лушева.

Запасъ фактическаго матеріала, касающагося пребыванія какъ самого Василія Шуйскаго, такъ и его братьевъ и невѣстки въ Гостынскомъ замкѣ—очень не великъ. Свѣдѣнія о жизни Шуйскихъ въ „плѣну“ необычайно скудны, точнѣе—ихъ даже совсѣмъ нѣтъ. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не найдено никакихъ документовъ, которые давали-бы возможность судить о томъ, какъ Шуйскіе проводили время въ заточеніи,

чѣмъ занимались, переписывались-ли они съ московскими своими единомышленниками, имѣли-ли они возможность принимать кого-нибудь въ Гостынскомъ замкѣ, посѣщалъ-ли ихъ кто изъ поляковъ, не существовало-ли проектовъ возвращенія Шуйскому престола [1] и пр. и пр. Не найдено также никакихъ данныхъ, которыя освѣтили бы вопросъ, при какихъ обстоятельствахъ послѣдовала смерть Шуйскихъ, между тѣмъ какъ эта смерть совпадаетъ съ знаменитою въ исторіи московскаго государства эпохою, когда—послѣ пламенныхъ воззваній патріарха Гермогена, разрѣшавшаго всѣхъ, присягнувшихъ королю Владиславу, отъ этой присяги, и послѣ грамотъ Діонисія, увѣщевавшаго прислать ратныхъ людей въ Москву для изгнанія враговъ,—русскій народъ подъ предводительствомъ Минина и Пожарскаго возсталъ въ защиту своей независимости и положилъ конецъ всѣмъ затѣямъ Сигизмунда. Можно было-бы подумать, что въ это бурное время о Шуйскихъ совсѣмъ забыли [2]. Въ послѣднее время, однако-же, на основаніи малоизвѣстныхъ оффиціальныхъ польскихъ актовъ о смерти Шуйскихъ, описи оставшихся послѣ нихъ вещей, сохранившихся счетовъ издержекъ на содержаніе плѣнниковъ и нѣкоторыхъ отрывочныхъ упоминаній въ старинныхъ польскихъ мемуарахъ—сдѣлано нѣсколько попытокъ

---

[1] Есть извѣстіе, что въ Москвѣ, на съѣздѣ въ февралѣ 1612 года бояре вспомнили о возвращеніи короны Шуйскому. (Рукописи Радзивилловскаго архива въ Несвижѣ—письмо Гонсѣвскаго).

[2] Гостынскій замокъ, въ которомъ жили Шуйскіе, послѣ ихъ смерти и отъѣзда Ивана Шуйскаго пришелъ въ запустѣніе и разрушеніе. Въ началѣ прошлаго вѣка, въ 1822 году, по приказанію намѣстника царства Польскаго, Заіончека, оставшіяся стѣны замка были употреблены подъ постройку евангелической церкви для поселившихся вокругъ Гостынина нѣмецкихъ колонистовъ. Церковь эта существуетъ до сихъ поръ. Въ память же Шуйскихъ вблизи ея, на горѣ, построена въ 1899 году православная церковь.

представить, хотя въ общихъ чертахъ, исторію пребыванія Шуйскихъ въ Гостынинѣ и изобразить дальнѣйшую судьбу, постигшую уже мертваго царя - плѣнника. Первую этого рода попытку представляетъ анонимная польская брошюра п. з. «Z dziejow Warszawy. Grobowiec Carow Szujskich, przez A.», изданная въ Краковѣ

Карикатурное изображеніе царя Василія Ивановича Шуйскаго.

(Слѣва—зажженная свѣча, для пытки;—справа—медвѣдь).
Гравюра на деревѣ 1610 года, приложенная къ рѣдчайшей „Хроникѣ Гваглина", изданной въ Краковѣ въ 1611 году.

въ 1894 г. и принадлежащая перу одного изъ популярнѣйшихъ новѣйшихъ польскихъ историковъ, Александра Краусгара. Въ этой брошюрѣ, на основаніи мало до сихъ поръ извѣстныхъ, а частью и совсѣмъ неизвѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ, изображена судьба царя-плѣнника не только до смерти, но и послѣ его кончины. Вслѣдъ затѣмъ появилось болѣе подроб-

ное, весьма цѣнное изслѣдованіе проф. Цвѣтаева [1], въ которомъ значительно обстоятельнѣе использованы всѣ источники, относящіеся къ пребыванію Шуйскихъ въ Гостынскомъ замкѣ и сообщены свѣдѣнія о посмертныхъ почестяхъ Василію Ивановичу въ Польшѣ и Москвѣ [2]. Много данныхъ, касающихся Шуйскаго въ

Король Сигизмундъ III-ій.
Изображеніе на серебряной медали (съ мѣдной доски, находящейся въ коллекціи Императорской Академіи Художествъ).

плѣну, имѣется еще у Костомарова, въ его моногра-

---

[1] Проф. Цвѣтаевъ. Царь Василій Шуйскій въ Польшѣ. „Варш. Унив. Извѣст." 1894. Его-же: Гостынскій замокъ. „Русск. Обозрѣн." 1898, кн. V.

[2] Проф. Цвѣтаевъ выпустилъ, кромѣ того, два тома архивныхъ и рукописныхъ документовъ, рисунковъ, видовъ и плановъ, относящихся къ мѣстамъ погребенія Шуйскаго въ Польшѣ, составляющихъ „приложеніе" къ научному историческому его изслѣдованію, къ печатанію котораго въ цѣломъ видѣ онъ приступилъ (Варшава 1901 и 1902).

фіяхъ о Шуйскомъ и Смутномъ времени. Свѣдѣнія о гостынскомъ заточеніи Шуйскихъ имѣются затѣмъ въ статьяхъ Г. Воробьева [1], Н. Степанова [2] и М. Устимовича [3]. Свѣдѣнія эти, въ связи съ приведенными у Соловьева переговорами русскихъ бояръ съ польскими сенаторами, статьею польскаго историка Бартошевича о Шуйскихъ въ Польшѣ и прежними извѣстіями у польскихъ историковъ Нѣмцевича и Коберзицкаго, открываютъ отчасти завѣсу, покрывавшую раньше послѣдніе годы жизни развѣнчаннаго царя, а, главное, сообщаютъ подробности, касающіяся, такъ сказать, посмертной судьбы царя-плѣнника въ чужой землѣ. Дѣло въ томъ, что со смертью Шуйскаго далеко еще не кончилась исторія пребыванія его въ Польшѣ [4]. Съ окончаніемъ въ Москвѣ смутъ, междуцарствія и внутреннихъ неурядицъ и съ воцареніемъ дома Романовыхъ, останкамъ Шуйскихъ и воспоминаніямъ объ ихъ „плѣненіи" пришлось еще не разъ фигурировать во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши.

---

[1] Воробьевъ. Гостынскій замокъ. „Русская старина" 1902 г., кн. VI. Его-же: Царь Василій въ Гостынинѣ въ 1612 году. „Истор. Вѣстн." 1897, кн. IX. Его-же: Усыпальница Шуйскихъ въ Варшавѣ. „Истор. Вѣстн." 1897, XII.

[2] Степановъ. Гостынинъ и его уѣздъ. „Древняя и Нов. Россія", 1875 № 7.

[3] Устимовичъ. Гостынскій замокъ. Холмско-Варшавскій епархіальный Вѣстникъ, 1899, № 12—16. Вышло также отдѣльно.

[4] Для этой посмертной исторіи Шуйскаго особенно много сдѣлано профессоромъ Цвѣтаевымъ, собравшимъ почти всѣ относящіеся матеріалы и документы, опубликованные въ упомянутыхъ уже „приложеніяхъ" къ его изслѣдованію.

VII.

Перенесеніе тѣлъ Шуйскихъ въ Варшаву.—Цѣли и намѣренія короля Сигизмунда.—Часовня-усыпальница.—Мраморная плита съ надписью о смерти Шуйскихъ.

Въ декабрѣ 1618 года населеніе Варшавы большими толпами собралось на пути, ведущемъ изъ предмѣстья столицы, Уяздова, къ королевскому замку. На этотъ разъ, какъ и семь лѣтъ передъ тѣмъ, народъ собрался встрѣчать „московскаго царя Василія Шуйскаго", но теперь встрѣчали уже не живого плѣнника, а его тѣло, которое король Сигизмундъ рѣшилъ торжественно перевезти въ столицу изъ Гостынина, гдѣ оно покоилось въ землѣ въ теченіе слишкомъ шести лѣтъ. На лицахъ собравшихся и ожидавшихъ торжественнаго перенесенія останковъ Шуйскаго изъ Гостынина въ Варшаву не видно было уже той радости и той національной гордости, которыя проявляли многіе при въѣздѣ Жолкѣвскаго съ плѣнными Шуйскими. И не удивительно: перевезеніе тѣла Шуйскаго происходило послѣ неудачной попытки завладѣть Москвою, послѣ неуспѣшнаго штурма Москвы и послѣ перемирія, заключеннаго поляками 1-го декабря 1618 года, въ с. Деулинѣ, Московской губ. Народъ, собравшійся встрѣчать мертваго Шуйскаго, не могъ не сознавать, что политическое положеніе Польши, несмотря на мни-

мыя выгоды перемирія, измѣнилось, что всѣ виды и надежды на московское великое княжество окончательно погибли и что новый московскій царь, Михаилъ Ѳеодоровичъ, сидитъ на престолѣ крѣпко. Убѣжденіе въ этомъ должно было еще усилиться проникшими изъ Москвы слухами о далеко не любезномъ пріемѣ польскаго посольства въ Москвѣ. Отправляя это посольство, король Сигизмундъ снабдилъ его рѣзкою грамотою и, кромѣ того, велѣлъ своимъ посламъ сказать боярамъ, что „Владиславъ правъ своихъ на Московское государство не прекратилъ и васъ всѣхъ и съ вами Михаила Ѳеодоровича, котораго вы теперь государемъ называете, отъ крестнаго знамени не освободилъ". Вслѣдствіе такихъ рѣзкихъ рѣчей, польскимъ посламъ было предложено немедленно уѣхать изъ Москвы. Поэтому, хотя король Сигизмундъ и старался объяснить свое рѣшеніе перевезти тѣло Шуйскаго изъ Гостынина въ Варшаву тѣмъ, „что онъ-де помнитъ объ общей человѣческой участи", многіе понимали, что единственная причина перевезенія—желаніе заставить народъ хотя на время забыть послѣднія политическія неудачи Сигизмунда и упрочить, даже въ грядущихъ поколѣніяхъ, память о прежнихъ военныхъ и политическихъ побѣдахъ короля.

До насъ не дошли рѣчи, которыя были произнесены при торжествѣ перевезенія тѣлъ. Вѣроятно въ этихъ рѣчахъ было много матеріала для характеристики современныхъ взглядовъ на плѣненіе Шуйскихъ.

Для помѣщенія останковъ Шуйскаго было нарочно выстроено особое каменное зданіе, въ видѣ часовни, на краю города, въ самомъ концѣ Краковскаго предмѣстья, по дорогѣ изъ Варшавы къ Уяздову, Кракову и западно-европейской границѣ. Зданіе это получило

названіе „московской каплицы“ или русской часовни [1]. Оно было каменное, одноэтажное, и имѣло круглую форму. Въ этой часовнѣ, подъ поломъ, въ каменномъ склепѣ, были поставлены, въ декабрѣ 1618-го года, привезенные изъ Гостынина гробы съ тѣлами царя Василія, его брата и невѣстки. Гробъ царя Василія поставили въ склепѣ по правой сторонѣ, остальные же два гроба, Дмитрія и его супруги, очевидно за тѣснотой помѣщенія, были поставлены одинъ надъ другимъ.

Надъ входною дверью въ усыпальницу Шуйскихъ положили мраморную плиту съ латинскою надписью золотыми буквами слѣдующаго содержанія:

„Во славу Іисуса Христа, Сына Божія, Царя Царей, Бога воинствъ, Сигизмундъ III, король польскій и шведскій, послѣ того, какъ московское войско было разбито при Клушинѣ, какъ взята московская столица и возвращенъ Смоленскъ подъ власть Рѣчи Посполитой, какъ взяты были въ плѣнъ, въ силу военнаго права, Василій Шуйскій, великій князь московскій, и братъ его, главный воевода Дмитрій, и содержимые затѣмъ въ Гостынскомъ замкѣ подъ стражей, кончили тамъ свои дни, онъ, король, помня объ общей человѣческой участи, повелѣлъ тѣла ихъ перенести сюда и положить ихъ подъ этимъ, имъ сооруженнымъ на всеобщую память въ потомствѣ и для славы своего королевствованія, памятникомъ, дабы въ его королевствованіе даже враги и незаконно пріобрѣтшіе скипетръ не были лишены слѣдуемыхъ умершему почестей и

---

[1] Въ старинныхъ московскихъ лѣтописяхъ говорится, будто Шуйскій похороненъ былъ въ Польшѣ „на распутьи“. Это мнѣніе повторено потомъ неоднократно и встрѣчается даже въ новѣйшихъ сочиненіяхъ. Но оно рѣшительно невѣрно. Мѣсто, выбранное для усыпальницы Шуйскихъ, было отнюдь не „на распутьи“, но у самаго въѣзда въ городъ и являлось мѣстомъ почетнымъ.

погребенія. Лѣта отъ Рожденія Дѣвою 1620-го, нашего королевствованія въ Польше 33, въ Швеціи 26-го [1].“

Эта каменная плита съ надписью, какъ увидимъ дальше, получила историческое значеніе и послужила

Изображеніе царя Василія Ивановича Шуйскаго, гравированное Афанасьевымъ.

предметомъ дипломатическихъ переговоровъ между Москвою и Польшею.

---

[1] У Карамзина, заимствовавшаго надпись на камнѣ изъ Нѣмцевича, она приведена въ другой редакціи, а именно: „Но славу Царя царей, одержавъ побѣду въ Клушинѣ, занявъ Москву, возвративъ Смоленскъ республикѣ, плѣнивъ царя московскаго Василія съ братомъ его, княземъ Дмитріемъ, главнымъ воеводою россійскимъ, король Сигизмундъ, по ихъ смерти, велѣлъ здѣсь честно схоронить тѣла ихъ, не забывая общей судьбы человѣческой и въ доказательство того, что во дни его царствованія не лишались погребенія и враги, вѣнценосцы беззаконные“ (Карамзинъ, XII, примѣч. 784—786). — О надписи на могилѣ Шуйскихъ см. Русскую Старину 1890 г., № 4.

VIII.

Князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій.—Его служба у королевича Владислава.—Предложеніе бояръ возвратиться въ Москву.—Возвращеніе въ Москву.—Судьба остальныхъ плѣнниковъ: Шеина, Филарета и Голицына.

Единственный оставшійся въ живыхъ изъ привезенныхъ въ Польшу Шуйскихъ, воевода Иванъ Ивановичъ Шуйскій продолжалъ служить въ Литвѣ, у королевича Владислава. О службѣ князя Ивана Ивановича Шуйскаго у польскаго королевича свѣдѣнія довольно скудны. Въ 1613 году Шереметевъ, по наказу царя Михаила Ѳеодоровича, посылалъ къ находившемуся въ обозѣ королевича Ивану Шуйскому спросить, не желаетъ ли онъ вернуться въ Москву. Иванъ отвѣтилъ, что онъ ѣхать не можетъ, потому что „крестъ цѣловалъ королевичу Владиславу". „Если же, — прибавилъ Иванъ,—братья-бояре къ намъ присылаютъ, чтобы мы ѣхали въ Москву, то пусть они пошлютъ къ государю нашему, королевичу Владиславу, чтобъ онъ съ насъ крестное цѣлованіе снялъ, и если сниметъ, то мы въ Москву поѣдемъ". Другой разъ, отвѣчая на приглашеніе присланныхъ изъ Москвы уполномоченныхъ съ предложеніемъ вернуться въ Московское государство, куда онъ можетъ-де ѣхать „безо всякаго опасенія и быть надежнымъ на государево жалованье", Шуйскій отвѣчаетъ: „Вѣдаютъ бояре и сами, что мы москов-

скому государству не измѣнники, въ Польшу и Литву изъ Москвы не отъѣхали, меня князя Ивана съ братьями выдали, а то я и самъ знаю, что выдали меня не всѣ люди Московскаго государства, многіе люди о

Ростовскій митрополитъ Филаретъ (Романовъ).
впослѣдствіи патріархъ, привезенный вмѣстѣ съ Шуйскими въ Варшаву плѣнникомъ.

томъ и не вѣдали. Судомъ Божіимъ братья мои умерли, а мнѣ, вмѣсто смерти, наияснѣйшій король жизнь далъ и велѣлъ мнѣ служить сыну своему, великому государю-царю и великому князю Владиславу Жигимонтовичу

и я ему на томъ и крестъ цѣловалъ, если-бъ мнѣ не только великіе коммисары позволили ѣхать въ Московское государство, хотя бы и самъ король позволилъ, то я бы его не послушалъ потому, что я цѣловалъ крестъ не ему, королю, а сыну его" Но, очевидно, въ Москвѣ не особенно вѣрили этимъ словамъ, и въ 1619 году бояре, отправляя посланника Кирѣевскаго съ грамотою къ панамъ раднымъ, въ этой грамотѣ выражаютъ сомнѣніе въ томъ, что князь Шуйскій въ правдѣ крѣпко королевичу служитъ, отъ него милость и жалованье принимаетъ. „Намъ извѣстно, — говорится въ грамотѣ, — что князя Ивана Шуйскаго и другихъ въ Московское государство не отпустили вы неволею, и сдѣлали это противъ посольскаго договора; а королевичеву милость и жалованье къ князю Ивану мы также знаемъ: князь Иванъ ходитъ пѣшкомъ и служитъ себѣ самъ, по временамъ и за сторожами у гайдуковъ бываетъ". Паны отвѣчали, что по ихъ челобитью король велѣлъ князя Ивана отпустить въ Москву, гдѣ онъ и занялъ между боярами, при дворѣ Михаила Ѳеодоровича, высокое мѣсто. Имя князя Ивана Шуйскаго упоминается, между прочимъ, въ 1624 году по поводу спора на свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича: бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ объявляетъ, что ему меньше боярина князя Ивана Ивановича Шуйскаго быть нельзя, и на свадьбу не поѣхалъ; на увѣщаніе царя и патріарха Голицынъ отвѣчаетъ: „Хотя вели государь казнить, а мнѣ меньше Шуйскаго быть никакъ нельзя". Этотъ обычный тогда въ Москвѣ споръ изъ-за мѣстничества окончился приговоромъ бояръ: „князя Ивана Голицына за его непослушанье и измѣну, помѣстья и вотчину отписать, оставить за нимъ въ Арзамасѣ одно вотчинное село, которое поменьше, а его съ женою сослать въ Пермь".

Изъ этого видно, что князь Иванъ Шуйскій занялъ въ числѣ бояръ довольно видное мѣсто. Еще упоминается князь Иванъ Шуйскій дѣйствующимъ только при одномъ значительномъ случаѣ: онъ присутствовалъ при чтеніи обвинительной сказки воеводѣ Шеину передъ казнью [1].

Привезенные одновременно съ Шуйскими въ Варшаву плѣнниками: воевода Шеинъ, Филаретъ Никитичъ Романовъ и Василій Голицынъ, содержались въ Польшѣ 9 лѣтъ. Назначенный въ царствованіе Михаила главнымъ воеводою, Шеинъ очень печально окончилъ свою жизнь: за неудачную вторую оборону Смоленска, окончившуюся капитуляціею русской арміи, онъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ и казненъ въ 1634 году. Голицынъ, отпущенный изъ плѣна въ 1619 году, не увидѣлъ родной земли: онъ умеръ по дорогѣ, въ Гроднѣ, и по приказанію королевскому былъ похороненъ въ Вильнѣ, въ братской церкви Св. Духа, 27 января. Впослѣдствіи тѣло Голицына было перевезено въ Москву. Филаретъ Никитичъ, заключенный въ Маріенбургскую крѣпость, послѣ Деулинскаго мира 1618 года получилъ свободу, возвратился въ Москву и сдѣлался руководителемъ своего сына, царя Михаила Ѳеодоровича и патріархомъ всея Россіи (23 іюня 1619 г.).

---

[1] Соловьевъ, IX, стр. 139, 321, 327.

IX.

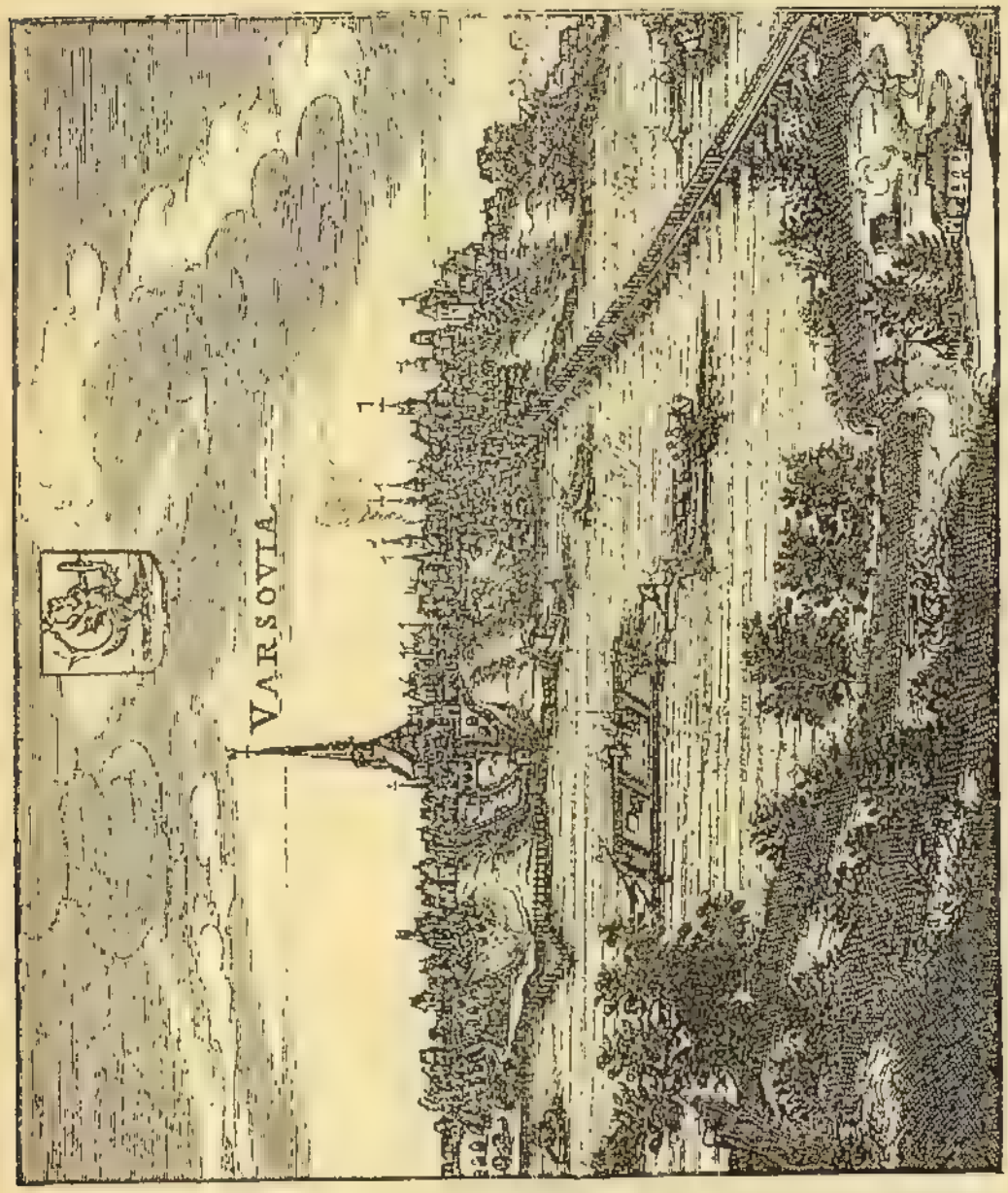
Переговоры относительно возвращенія останковъ Шуйскихъ въ Москву.—Траурное шествіе.—Прибытіе останковъ въ Москву.—Похороны въ Архангельскомъ соборѣ.

Цѣлыхъ семнадцать лѣтъ покоились въ „московской часовнѣ“ въ Варшавѣ останки царя Василія Шуйскаго, его брата Дмитрія съ невѣсткой, и покоились бы, вѣроятно, и дальше, если-бы не прибытіе въ 1635 году въ Варшаву московскаго посольства, снаряженнаго правительствомъ царя Михаила Ѳеодоровича для закрѣпленія Поляновскаго мира.

Теперь Москва имѣла уже дѣло не съ Сигизмундомъ, непримиримымъ врагомъ русскихъ, но съ вступившимъ на польскій престолъ, послѣ смерти короля Сигизмунда, послѣдовавшей въ 1632 году, новымъ королемъ Владиславомъ IV-ымъ.

Унаслѣдовавъ отъ отца притязанія на московскій престолъ, Владиславъ не думалъ сначала объ ихъ осуществленіи и разсчитывалъ жить въ мирѣ съ Москвою. Онъ хотѣлъ сохранить то положеніе, которое заняла Польша послѣ Деулинскаго мира 1618 года и, оставляя за собою одинъ только титулъ царя московскаго, отъ котораго онъ не отказывался, выжидалъ болѣе благопріятнаго момента для возстановленія своихъ правъ на московскій престолъ. Неудачная попытка завладѣть

московскимъ престоломъ, сдѣланная королевичемъ, по настоянію его отца, въ 1617 году, и отбитый москвичами штурмъ поляковъ—убѣдили Владислава, что для



Видъ Варшавы въ началѣ XVII-го вѣка.
Съ рисунка помѣщеннаго въ современномъ сочиненіи Георга Брауна.

овладѣнія окрѣпшей Москвы нужны болѣе значительныя силы, нежели тѣ, которыми онъ располагалъ. Осуществленію мирныхъ плановъ Владислава помѣшало,

на первыхъ же порахъ, московское правительство, рѣшившее воспользоваться, тотчасъ послѣ смерти Сигизмунда, обычными въ Польшѣ неурядицами при избраніи новаго короля и, не теряя времени, объявить послѣдней войну. Созванный съ этой цѣлью въ Москвѣ соборъ, соглашаясь съ представленными правительствомъ царя Михаила Ѳеодоровича соображеніями, опредѣлилъ начать военныя дѣйствія немедленно и, пока новый король будетъ утвержденъ, отнять у поляковъ Смоленскъ и другія области. Вслѣдствіе этого Владиславъ, немедленно послѣ избранія, вынужденъ былъ во главѣ войска двинуться къ Москвѣ, на встрѣчу выступившимъ уже въ походъ московскимъ полкамъ подъ начальствомъ Шеина и Измайлова. Выдающимся эпизодомъ этого похода была капитуляція Шеина со всею московскою арміею подъ Смоленскомъ, за которую, какъ уже упомянуто, Шеинъ, обвиненный въ измѣнѣ, поплатился головою. Отсутствіе средствъ у Москвы для дальнѣйшаго веденія войны—съ одной стороны, тревожныя же вѣсти, полученныя Владиславомъ, о намѣреніи турокъ напасть на Польшу—съ другой, заставили воюющихъ заключить 4 іюня 1643 года „вѣчный миръ“ на рѣчкѣ Поляновкѣ, по которому Владиславъ отрекся окончательно отъ своихъ правъ на московскій престолъ.

Для закрѣпленія этого вѣчнаго Поляновскаго мира и было отправлено царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ посольство въ Варшаву. Отправляя это посольство, московское правительство рѣшило воспользоваться случаемъ, чтобы ходатайствовать передъ королемъ объ отдачѣ и отпускѣ въ Россію останковъ Шуйскихъ.

Рѣшеніе московскаго правительства возбудить вопросъ о возвращеніи останковъ „московскихъ плѣнниковъ“ изъ Польши имѣло, безспорно, важное полити-

Король Владиславъ IV-й.
Гравюра Понтіуса, съ портрета кисти Рубенса, изъ коллекціи гравюръ послѣдняго польскаго короля, Станислава Августа, хранящейся нынѣ въ Спб.

ческое значеніе. Хотя Шуйскій незаконно завладѣлъ престоломъ, хотя онъ былъ лишенъ престола боярами и народомъ, и попалъ въ плѣнъ не какъ царь, а взятъ былъ изъ монастыря, какъ простой инокъ, тѣмъ не менѣе, факта, что онъ былъ нѣкогда царемъ московскимъ, отрицать было нельзя. Неловко было поэтому, что тѣло бывшаго московскаго царя все еще находится у поляковъ, давая имъ возможность гордиться мнимымъ тріумфомъ надъ Московскимъ государствомъ. Честь Москвы требовала, чтобы останки плѣнниковъ были возвращены въ Москву. Какъ мало, однако, въ Польшѣ въ это время придавали значеніе тому обстоятельству, что тѣло бывшаго московскаго царя находится въ Варшавѣ, доказываетъ фактъ, что московская часовня или, точнѣе, усыпальница, въ которой покоились останки плѣнныхъ Шуйскихъ—этотъ памятникъ королевствованія Сигизмунда—пришла уже тогда въ довольно сильное запустѣніе.

Щекотливое порученіе относительно выдачи останковъ Шуйскихъ было возложено на московскихъ пословъ: князя А. М. Львова-Ярославскаго и Проестова съ товарищами, которымъ въ тайномъ наказѣ повелѣвалось въ случаѣ, если за тѣло царя Василія поляки запросятъ денегъ, то давать до 10,000 руб. и „прибавить сколько пригоже, смотря по мѣрѣ, сказавши, однако: „Этого нигдѣ не слыхано, чтобы мертвыхъ тѣла продавать“ [1]. Но польскіе сановники денегъ не потребовали.

Переговорамъ относительно выдачи останковъ Шуйскихъ предшествовали переговоры касательно возвращенія подлиннаго договора Жолкѣвскаго съ московскими боярами о возведеніи на московскій престолъ

[1] Наказъ московскимъ посламъ о томъ, какъ они должны просить въ Польшѣ выдачи тѣлъ Шуйскихъ, хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

королевича Владислава. Возвращеніе этого важнаго государственнаго акта, равно какъ и другихъ бумагъ, относящихся къ дѣлу избранія Владислава въ цари, было условлено на Поляновскомъ съѣздѣ. Но въ Варшавѣ ни договора, ни бумагъ не оказалось, несмотря на то, что король велѣлъ ихъ тщательно искать „во всѣхъ скарбахъ своихъ". Московскіе послы предполагали, что поляки нарочно утаиваютъ важный договоръ; канцлерамъ Радзивиллу и Гонсѣвскому пришлось поклясться, что договоръ, дѣйствительно, затерянъ и что это случилось „безъ хитрости не обманомъ". „Богъ то видитъ,— говорили польскіе уполномоченные,—убей насъ Богъ душою и тѣломъ, если мы договоръ утаиваемъ". Московскіе послы, не зная какъ быть, рѣшили списаться со своимъ государемъ и отложили дальнѣйшіе переговоры до полученія приказовъ изъ Москвы. Царь прислалъ отвѣтъ, наказывая посламъ потребовать, чтобы король далъ присягу, что договоръ потерялъ свою силу, что онъ, король, отказывается отъ всякихъ претензій на московскій престолъ и что польское правительство „отпишетъ" объ этомъ во всѣ государства. Король Владиславъ на все согласился и торжественно, въ костелѣ св. Іоанна въ Варшавѣ, принесъ сначала присягу, что отрекается отъ московскаго престола, и затѣмъ вторую присягу, что считаетъ договоръ не дѣйствительнымъ [1]. Послѣ этого начались празднества въ честь пословъ: торжественный обѣдъ у короля, затѣмъ „потѣха", т.-е. театральное представленіе. Покончивъ съ торжествами, москов-

[1] Во время переговоровъ на рѣчкѣ Поляновкѣ, когда зашла рѣчь о вѣчномъ мирѣ между Польшею и Москвою, польскіе комиссары требовали, чтобы королю Владиславу, за отказъ отъ Московскаго престола и титула, царь московскій уплачивалъ по 100,000 рублей ежегодно. Но это требованіе было отклонено и „вѣчный миръ" былъ заключенъ безъ этого пункта. Надо замѣтить, что тогдашній рубль, по изслѣдованіямъ Ключевскаго, равнялся 12-ти нынѣшнимъ.

скіе послы принялись за выполненіе порученія относительно возвращенія останковъ Шуйскихъ.

— Судомъ Божіимъ,—говорили послы,—у васъ въ Польшѣ почиваетъ тѣло блаженныя памяти царя и великаго князя Василія Ивановича всея Россіи и по христіанскому закону пѣнія по немъ службы по святыхъ отецъ правиламъ нѣтъ, лежитъ что одинъ отъ убогихъ. И великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи самодержецъ, жалѣя о томъ, своимъ государскимъ милосерднымъ обычаемъ, велѣлъ по любви, брату своему великому государю Владиславу, королю польскому и великому князю литовскому, говорить съ прошеніемъ о томъ царя Васильева тѣлѣ, чтобы королевское величество ради нынѣшней братственной дружбы тѣло царя Василія велѣлъ отдать и позволилъ отвезти въ Московское государство; за что великій государь нашъ брату своему, великому государю вашему, будетъ воздавать своего царскаго величества любовію.

Сначала паны-рады отказывались, мотивируя отказъ такъ:

— Отдать тѣла не годится. Мы славу себѣ учинили вѣковую тѣмъ, что московскій царь и братъ его лежатъ у насъ въ Польшѣ, и погребены они честно, и устроена надъ ними каплица каменная.

— Царя Василія тѣло уже мертво, прибыли въ немъ нѣтъ никакой,—урезонивали сенаторовъ послы [1].

Сенаторы не долго противились [2] и, доложивъ ко-

---

[1] Переговоры пословъ съ панами подробно приведены у Соловьева (Ист. Россіи, т. IX, стр. 219), на основаніи рукописнаго статейнаго списка пословъ А. М. Львова-Ярославскаго съ товарищами, о выполненіи ими возложеннаго на нихъ порученія 24—28 апрѣля 1635 года. Этотъ списокъ хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2] Изъ этихъ же переговоровъ видно, что послы дали канцлеру коронному, Яну Жадику, десять сороковъ соболей, а прочимъ се-

ролю просьбу пословъ, вскорѣ принесли такой отвѣтъ: „Его королевское величество тѣло царя Василія Ивановича и его брата велѣлъ отдать, любя брата своего, великаго государя вашего". При этомъ прибавлялось, что „если-бъ Сигизмундъ былъ еще живъ, то онъ бы ни за что ни одной кости не отдалъ, хотя бы ему палаты золота насыпали".

Польская медаль 1636 года на побѣды короля Владислава IV въ Московскомъ государствѣ.

Уполномоченные взять тѣла, князь Львовъ и товарищи, отправились въ московскую каплицу съ королевскимъ обозничимъ, архитекторомъ и писаремъ короннаго канцлера, приказали взломать полъ, вынули гробы изъ склепа, поставили ихъ въ новые, осмоленные гробы, заказанные московскимъ посольствомъ, и обили ихъ

наторамъ цѣнные подарки. Подобные подарки были всегда въ употребленіи при заключеніи какого-нибудь государственнаго акта, дипломатическаго дѣла и т. п.

подаренными королемъ золотымъ и зеленымъ атласомъ, кованными кружевами, серебряными гвоздями и другими украшеніями. Подлинность гробовъ подтвердили посламъ самъ король Владиславъ, коронный канцлеръ сенаторъ Жадикъ, сенаторъ Гонсѣвскій и другіе, удостовѣривъ притомъ, что они сами присутствовали при опущеніи тѣлъ въ каменное подземелье часовни и что король Сигизмундъ положилъ на гробы серебряныя доски съ латинскими надписями имени положеннаго въ гробъ.

Тѣло развѣнчаннаго царя было отпущено королемъ съ царскими почестями. Опять—въ третій уже разъ—заполнились улицы Варшавы народомъ, собравшимся ради „московскихъ плѣнниковъ". „Отпускъ" тѣлъ обставленъ былъ весьма торжественно. Траурное шествіе провожали сеймовые послы, дворяне и войско до предмѣстья Варшавы, Праги, а оттуда, до самой границы, королевскій подчашій и разные литовско-польскіе люди. На пути до Москвы, въ Вязьмѣ, Можайскѣ и др. городахъ, останки Шуйскихъ встрѣчало духовенство, бояре въ смирномъ (траурномъ) платьѣ и народъ. Во время пути и на остановкахъ, попами и дьяконами, отправленными изъ Москвы съ епископомъ, читалась псалтирь; по городамъ и селамъ раздавалась по царѣ Василіѣ милостыня. Въ Москву останки Шуйскихъ прибыли 10 іюня 1635 года, гдѣ для нихъ, по желанію царя Михаила Ѳеодоровича, была устроена торжественная встрѣча. Народъ вышелъ встрѣтить гробы на Поклонную гору, за Дорогомиловскую заставу. Гробы несли на головахъ дѣти боярскія до церкви Николы Явленнаго, на Арбатѣ. Отсюда ихъ понесли московскіе дворяне на плечахъ; провожали останки епископъ Коломенскій Рафаилъ, архимандриты, игумены и протопопы. Вездѣ на встрѣчу выходило духовенство. Патріархъ

Архангельскій соборъ въ Москвѣ,

усыпальница московскихъ государей, въ которой похороненъ Василій Ивановичъ Шуйскій.

Іосафъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ встрѣтилъ печальную процессію у Каменнаго моста церкви Николая Зарайскаго (нынѣ не существующей) и, отслуживъ литію, пошелъ за гробами вмѣстѣ съ духовенствомъ, со свѣчами и кадилами. Гробы внесли въ Кремль чрезъ Ризположенскія ворота и когда проходили мимо двора царя Бориса, то зазвонили во всѣ колокола. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ встрѣтилъ останки Шуйскихъ у церкви Пречистой Богородицы въ сопровожденіи бояръ, думныхъ и ближнихъ людей, стольниковъ, стряпчихъ и приказныхъ людей,—всѣ были въ смирномъ платьѣ или траурѣ. Въ тотъ-же день въ церкви Архистратига Михаила надъ тѣломъ Шуйскаго была отслужена панихида. На слѣдующій же день, 11 іюня 1635 года, было совершено въ Архангельскомъ соборѣ торжественное погребеніе на лѣвой сторонѣ храма, за переднимъ столбомъ, подъ каменной гробницею. Такимъ образомъ, прахъ Шуйскаго подвергся *тройнымъ* похоронамъ [1]. На гробницѣ впослѣдствіи появилась слѣдующая надпись узорчатою вязью:

„Лѣта 1612, сентября 21 день, на память святаго священномученика Автонома преставись благовѣрный и христолюбивый великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ, всея Руси самодержецъ, въ польскомъ королевствѣ въ 70 лѣто живота своего, а въ Польшѣ лежало тѣло его 23 года. И 1635 году великій государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ, всея Русіи самодержецъ, со Владиславомъ, королемъ польскимъ, учинилися въ братствѣ и вѣчномъ докончаньи, для того докончанья посылалъ ко Владиславу

[1] Церемоніалъ и описаніе встрѣчи и похоронъ въ Москвѣ останковъ царя Василія Шуйскаго 10—11 іюня 1635 года сохранился въ рукописномъ статейномъ спискѣ Польскаго двора, хранящемся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

королю пословъ своихъ великихъ, боярина князя Василья Ивановича всея Русіи, чтобъ его отпустили, велѣлъ королю говорить; и Владиславъ король тѣло царя Василья Ивановича всея Русіи царскаго величества посламъ отдалъ, и въ царствующій градъ Москву принесено тѣло его въ лѣто 1635 года іюня въ 1 день въ 23 государства его" [1].

Гробница Шуйскаго существуетъ и до сихъ поръ среди гробницъ другихъ московскихъ великихъ князей и царей, но описывавшіе Архангельскій соборъ писатели не упоминали про эту гробницу.

Снегиревъ, въ своемъ описаніи святынь Архангельскаго собора, подробно перечисляя всѣ другіе царскіе гробы этой московской царской усыпальницы, могилу Шуйскаго не описываетъ совсѣмъ, довольствуясь лишь замѣчаніемъ, что въ то время, какъ царскіе гробы до послѣдней отрасли Рюрикова дома занимали мѣсто въ усыпальницѣ, „гробы новой, чужой отрасли, привившейся къ царственному древу, испытали превратность судьбы: одинъ извергнутъ былъ изъ святилища чрезъ пробитое въ стѣнѣ отверстіе (Годуновъ), а другой нашелъ себѣ могилу на распутіи въ Польшѣ, гдѣ покоился до тѣхъ поръ, какъ черезъ 23 года возвращенъ былъ въ царскую усыпальницу" [2].

---

[1] Древн. Россія. Виѳліоѳика, XI, 222. — Карамзинъ, XII, прим. 785.—Подробное описаніе траурнаго шествія съ тѣлами Шуйскихъ и погребенія ихъ даетъ Карамзинъ, т. XII примѣч. 784 — 786; Соловьевъ. IX, 220—221 и проф. Цвѣтаевъ въ своей монографіи „Царь Василій Шуйскій въ Польшѣ".

[2] Снегиревъ, И. М., Архангельскій соборъ въ Московскомъ Кремлѣ,—въ изданіи Мартынова „Русскія достопамятности". Москва 1877, т. II, стр. 3.

X.

Судьба плиты съ усыпальницы Шуйскихъ.—Переговоры московскихъ бояръ относительно усыпальницы и плиты съ польскимъ посломъ Адамомъ Киселемъ.—Доставка плиты въ Москву.

Въ 1647 году, уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича, король Владиславъ, желая заручиться содѣйствіемъ Московскаго правительства въ задуманномъ имъ походѣ противъ татаръ и турокъ, отправилъ въ Москву спеціальное посольство, съ кіевскимъ каштеляномъ, Адамомъ Григорьевичемъ, изъ Брусилова, Киселемъ, во главѣ. Кисель принадлежалъ къ числу безспорно выдающихся политическихъ дѣятелей первой половины XVII вѣка. Онъ родился въ 1600 году и происходилъ изъ небогатой дворянской семьи Волынскаго края, хотя родъ свой возводилъ до Владиміра Святолда. Въ молодыхъ годахъ онъ вступилъ въ польскую военную службу, сопутствовалъ въ походахъ Жолкѣвскому, Ходкѣвичу и Конецпольскому, былъ начальникомъ хоругви, но затѣмъ сдѣлался частнымъ человѣкомъ и проживалъ въ своемъ имѣніи Низкиничахъ до смерти короля Сигизмунда III. Съ избраніемъ на польскій престолъ короля Владислава IV-го, Кисель попалъ въ число довѣренныхъ его людей и на него стали возлагать частыя порученія. Считая себя по вѣрѣ и національности русскимъ, Кисель однако былъ въ то же время самымъ рьянымъ польскимъ патріотомъ, искренно пре-

даннымъ интересамъ Рѣчи Посполитой, отъ души желавшимъ примиренія всѣхъ православныхъ съ польскимъ правительствомъ, и является въ роли посредника съ вѣткой мира и братской любви между русскими и по-

Кіевскій воевода Адамъ Кисель.

Съ оригинальнаго современнаго портрета, находящагося у И. П. Новицкаго въ Кіевѣ.

ляками. Это вызвало со стороны Хмѣльницкаго извѣстное изреченіе, высказанное самому Киселю: „кость-то у тебя русская, да польскимъ мясомъ обросла“ [1].

[1] Батюшковъ, П. Н. Волынь. Прим. стр. 48.

Пользуясь пребываніемъ польскаго посла въ Москвѣ правительство Алексѣя Михайловича рѣшило еще разъ возбудить вопросъ о Василіѣ Шуйскомъ. Дѣло въ томъ, что хотя праху царя Василія Ивановича довелось вернуться изъ плѣна и почивать въ родной землѣ, подъ сѣнію усыпальницы московскихъ царей, на-ряду съ другими московскими государями, но все-же этимъ еще не окончилась исторія Шуйскихъ въ Польшѣ: въ Варшавѣ оставалось зданіе усыпальницы, оставался, такъ-сказать, вещественный слѣдъ погребенія русскаго царя въ чужой землѣ, оставалась какъ будто память о временномъ паденіи Московскаго государства. Мало того: на опустѣвшей усыпальницѣ осталась мраморная доска съ надписью, въ которой, во-первыхъ, ложно было указано, будто великій князь московскій „взятъ былъ въ плѣнъ въ силу военнаго права", во-вторыхъ, сказано было о погребеніи этого великаго князя „для всеобщей памяти въ потомствѣ и для славы короля Сигизмунда" (ad publicam posteritatis memoriam, regnique sui nomen). Удовольствовавшись сначала возвращеніемъ тѣлъ Шуйскихъ, московское правительство рѣшило потребовать также и уничтоженія самой усыпальницы, являющейся точно памятникомъ побѣдъ Польши въ Москвѣ, памятникомъ торжества Сигизмунда надъ московскимъ „великимъ княземъ".

И вотъ, московскіе бояре, Алексѣй Трубецкой, Григорій Пушкинъ и думный дьякъ Назарій Чистый, отъ имени царя, предложили Киселю исходатайствовать у короля Владислава уничтоженіе усыпальницы, или, по крайней мѣрѣ, снятіе камня съ надписью. Кисель пытался сначала отклонить предложеніе, указывалъ, что усыпальница является свидѣтелемъ доброжелательности польскаго короля къ русскимъ и т. д. Но бояре не дали себя убѣдить. Тогда Кисель рѣшилъ сообщить

требованіе самому королю. Владиславъ велѣлъ отвѣтить, что срыть усыпальницу нельзя, такъ какъ она передана уже подъ церковь греческаго (т.-е. православнаго) обряда [1]. Что же касается каменной плиты съ надписью, то король согласился, чтобы она была снята и отправлена въ Москву.

Московскіе дипломаты удовольствовались обѣщаніемъ выдачи плиты, и на уничтоженіи усыпальницы не настаивали, исходя изъ той точки зрѣнія, что разъ усыпальница превращена въ православную часовню, то не только нѣтъ причины ее уничтожать, но даже какъ будто грѣшно требовать ея срытія. А разъ плита съ надписью будетъ снята, то и слѣдовъ „укоризны" не останется. Въ этомъ именно смыслѣ высказывалъ Кисель свои соображенія.

Результатомъ длинныхъ и подробныхъ по этому поводу переговоровъ явилось торжественное обѣщаніе, данное Киселемъ отъ имени короля Владислава, что плита съ Сигизмундовою надписью, немедленно по возвращеніи Киселя въ Варшаву, будетъ доставлена въ Москву [2].

Соглашаясь на выдачу плиты, король Владиславъ руководствовался дипломатическими соображеніями: ему важно было устранить все, что могло помѣшать желательнымъ въ то время для Польши дружескимъ отношеніямъ съ Москвою, отказъ же въ исполненіи требованія царя Алексѣя Михайловича легко могъ повре-

---

[1] На самомъ дѣлѣ усыпальница Шуйскихъ, никогда не была употреблена подъ православную церковь и не служила также часовнею въ точномъ смыслѣ, хотя на древнихъ планахъ и въ старинныхъ описаніяхъ Варшавы усыпальница и значится подъ названіемъ „московской часовни" (kaplica moskiewska).

[2] Въ Московскомъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ имѣется относящееся къ этимъ переговорамъ письмо бояръ Киселю въ статейномъ спискѣ польскихъ дѣлъ, подъ № 72.

дить этимъ отношеніямъ. Поэтому Владиславъ безъ труда далъ себя убѣдить Киселю.

Вѣрный своей роли „примирителя“, Кисель сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы удовлетворить желанію московскаго правительства, не вредя, однако, польскимъ интересамъ, и настоялъ на возвращеніи плиты. Уговаривая короля исполнить требованіе московскаго правительства, онъ несомнѣнно руководствовался не столько симпатіями къ православію и Руси, сколько сознаніемъ интересовъ Польши и желаніемъ устранить всякіе поводы къ неудовольствію со стороны московскаго правительства [1]. Весьма возможно, что дѣло относительно выдачи плиты не пошло бы такъ гладко, если-бы не убѣдительныя слова Киселя, признававшаго въ выдачѣ плиты залогъ успѣха въ переговорахъ относительно привлеченія Москвы къ совмѣстному походу съ поляками противъ татаръ и турокъ. Тѣмъ не менѣе, Владиславъ, исполняя совѣтъ Киселя, вызвалъ все-таки впослѣдствіи упреки въ слишкомъ „легкомысленномъ отношеніи“ къ историческимъ памятникамъ. Получивъ плиту, Кисель со всевозможными предосторожностями отправилъ ее въ Москву съ посланцемъ ротмистромъ Николаемъ Вороничемъ, впрочемъ не сразу, въ виду осенней распутицы, попортившей всѣ дороги. Сохранились письма Киселя, въ которыхъ разсказано, какъ онъ эту плиту привезъ сначала къ себѣ въ имѣніе, а затѣмъ, на особыхъ подводахъ, отправилъ въ Москву [2] куда она прибыла 10 марта 1648 года.

Привезшему плиту посланцу Киселя, ротмистру Вороничу царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ выдать соболей на сто рублей, сопровождавшимъ его людямъ— соболей на 5 и на 3 рубля, на дорогу корма и пр. Самому

---

[1] Новицкій, И. П. Адамъ Кисель. Кіев. Стар. 1885.
[2] Акты Юго-Западн. полосы Россіи. Т. III.

же Киселю была послана благодарственная грамота, въ которой упоминалось, что царь „тотъ надгробный камень принимаетъ въ любовь и его, Киселя, вѣрныя заботы промежъ обоихъ великихъ государей, польскаго и московскаго, похваляетъ“ [1].

Полученную въ Москвѣ плиту съ латинскою надписью, надменнаго, а отчасти и ложнаго содержанія, московское правительство не нашло удобнымъ положить на гробъ Шуйскаго и приказало зарыть ее въ землю. Но гдѣ именно—такъ и осталось тайною: ея до сихъ поръ не нашли и позднѣйшихъ свѣдѣній о ней нигдѣ не имѣется [2].

Оставшееся въ Варшавѣ зданіе часовни, въ которой нѣкогда были похоронены останки Шуйскихъ, пришло постепенно въ окончательное запустѣніе. Русскіе уніаты, жившіе въ Польшѣ, ходатайствовали объ отдачѣ имъ часовни подъ храмъ. Король согласился, но обѣщаніе его не было исполнено.

---

[1] Докладная выписка и постановленіе въ Посольскомъ приказѣ о содержаніи и наградѣ посланцу Киселя, привезшему надгробный камень царя Шуйскаго, равно какъ и благодарственная грамота Киселю отъ 16 марта 1648 года хранятся въ Москов. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.

[2] По словамъ Г. Воробьева (Истор. Вѣстн. LXXX), о судьбѣ этой доски существуютъ различныя версіи, приведенныя также въ упомянутой выше польской брошюрѣ А. По одной версіи — она уничтожена по настоянію русскаго министра-резидента въ Польшѣ, князя Репнина, по другой—ее взяли польскіе монахи-піары и потеряли. Переписка Киселя исключаетъ, однако, всякія сомнѣнія въ томъ, что плита доставлена была въ Москву въ 1648 г.—Въ 1878 г. Э. Ѳ. Турау помѣстилъ въ „Русской Старинѣ“ копію надписи на гробницѣ царя Шуйскаго (Русс. Стар. LXV, стр. 91), извлеченную изъ „Калишскаго архива древнихъ актовъ“.

XI.

Судьба картины, изображающей представленіе Шуйскихъ.—Исторія усыпальницы въ XVII, XVIII и XIX вѣкѣ.—Костелъ и монастырь доминиканъ. — Казармы. — Дворецъ Сташица и общество друзей науки.

Въ 1703 году пріѣхалъ въ Варшаву Петръ Великій. Возсѣдавшій тогда на польскомъ престолѣ Августъ II-ой торжественно принялъ своего союзника и сосѣда, царя могущественной уже тогда Россіи. Во время параднаго пріема, Петру были показаны художественно-историческіе памятники, находившіеся въ варшавскомъ замкѣ и, между прочимъ, рядъ картинъ, исполненныхъ еще при Сигизмундѣ III-мъ и представляющихъ разныя побѣды этого короля.

Въ числѣ картинъ была и большая картина итальянскаго художника Доллабелла, изображающая сцену представленія королю Сигизмунду, польскимъ сановникамъ и вельможамъ царя Василія Ивановича Шуйскаго и его братьевъ, въ качествѣ плѣнниковъ, привезенныхъ изъ Москвы.

Петръ Великій, считая существованіе въ Варшавѣ подобной картины обиднымъ и позорнымъ для московскаго государства, упросилъ Августа II-го выдать ему эту картину. Августъ, въ знакъ искренняго расположенія и добрыхъ отношеній къ Петру, исполнилъ это

желаніе. Такимъ образомъ со стѣнъ Варшавскаго королевскаго замка исчезло еще одно вещественное доказательство той „укоризны московскому государству“, которую, по словамъ московскихъ дипломатовъ XVII вѣка, хотѣлъ увѣковѣчить Сигизмундъ. Впрочемъ, это доказательство исчезло не совсѣмъ, ибо предусмотрительный Сигизмундъ, желая чтобы и въ другой поль-

Мозаичный портретъ В. И. Шуйскаго.
на сводѣ галлереи памятника императору
Александру II-му въ Москвѣ.

ской столицѣ сохранилась память плѣненія имъ московскаго царя,—заказалъ копію съ варшавской картины для Кракова, гдѣ она хранится и до сихъ поръ въ народномъ музеѣ. Кромѣ того, съ самой картины были сдѣланы гравюры, теперь очень рѣдкія, но въ свое время сильно распространенныя [1].

Что касается подлинной Варшавской картины Долабелла, изображающей сцену представленія царя Шуйскаго королю Сигизмунду, то она, по свѣдѣніямъ изъ польскихъ источниковъ, повтореннымъ потомъ многими русскими писателями, была увезена въ Гатчину. Однако, по справкамъ, нынѣ этой картины въ Гатчинскомъ

[1] Гравюра Маковскаго съ картины Долабелла помѣщена въ уменьшенномъ снимкѣ на стр. 5-й настоящей книги.

дворцѣ не находится. Куда она дѣвалась—неизвѣстно. Очень возможно, что Петръ В. не нашелъ удобнымъ выставлять ее открыто на показъ въ залахъ дворца, и картина была нарочно спрятана куда-нибудь въ архивъ.

Но и съ удаленіемъ картины не было еще, со стороны Россіи, сдѣлано все къ изглаженію „укоризны": въ Варшавѣ оставалось зданьице той часовни, въ которой нѣкогда хранились останки Шуйскихъ. Забытая, заброшенная, она пришла въ ветхость. Послѣднее имѣющееся въ польской литературѣ описаніе ея относится къ 1643 году. Это описаніе принадлежитъ музыканту Владислава IV-го, Адаму Яржембскому, автору стихотворнаго описанія Варшавы, озаглавленнаго „Gosciniec". Яржемскій въ слѣдующихъ словахъ описываетъ усыпальницу Шуйскихъ:

„Тутъ же, недалеко, московская каплица. На ней мраморная доска съ золотыми буквами. Тамъ ты найдешь великую побѣду, королевское мужество, когда онъ захватилъ (въ плѣнъ) московскаго царя—Шуйскаго съ братьями. Представилъ ихъ на сеймъ въ Варшаву. Послѣ ихъ послали въ заключеніе въ Гостынинъ. Тамъ, какъ говорятъ, они отравились; разсказываютъ, отъ стыда. Потомъ ихъ тутъ, въ этой каплицѣ, похоронили. Пріѣхалъ московскій посолъ, сталъ просить (тѣла). Его королевское величество отдалъ ему тѣла въ подарокъ и ихъ съ церемоніями, тріумфально, отвезли въ столицу (т.-е. Москву). Вѣчная слава вѣку четвертаго Владислава".

Единственный экземпляръ этого рѣдчайшаго описанія находится въ библіотекѣ гр. Дзялынскихъ, въ Курникѣ около Познани [1].

Съ постепеннымъ расширеніемъ Варшавы, новые дома, новыя улицы, появившіяся вокругъ того мѣста, гдѣ была сооружена усыпальница, совсѣмъ закрыли

[1] Тотъ же Яржембскій, въ описаніи королевскаго замка въ Варшавѣ, говоритъ, что въ замкѣ находился цѣлый залъ, стѣны котораго были покрыты картинами, изображавшими „все, что творилось въ Москвѣ". Вѣроятно въ этомъ залѣ находилась и картина Долабелла „Шуйскіе въ качествѣ плѣнниковъ на сеймѣ въ Варшавѣ". (Czajewski, Stara Warszawa).

Развалины каменной бесѣдки, признаваемой усыпальницею Шуйскихъ, въ Варшавѣ, въ томъ видѣ, какъ онѣ были открыты въ 1892 г.
Фотографія съ натуры.

зданьице часовни, стоявшее первоначально на пустой площади, на краю города, а со временемъ очутившееся уже въ самомъ центрѣ города, позади многоэтажной постройки, въ глубинѣ выросшаго на томъ мѣстѣ сада. Густыя деревья, выросшія вокругъ, закрыли отъ глазъ накренившееся, обветшалое зданьице, первоначальное назначеніе котораго пришло, наконецъ, постепенно въ забвеніе. Еще въ 1656 году, король Янъ-Казиміръ, послѣ войны со шведами, рѣшивъ построить въ память своихъ побѣдъ католическій костелъ Св. Дѣвы Побѣдоносной съ монастыремъ доминиканъ-обсервантовъ и выбирая для этой цѣли видное мѣсто въ столицѣ, остановилъ своё вниманіе на площади, находившейся на томъ именно мѣстѣ, гдѣ стояла усыпальница Шуйскихъ. Само зданіе усыпальницы подъ названіемъ „московской каплицы", было передано въ полное владѣніе доминикановъ-обсервантовъ [1]. Построенный ими католическій костелъ и при немъ монастырь совсѣмъ заслонили укрывавшуюся позади полуразвалившуюся бывшую усыпальницу [2].

Костелъ и монастырь существовали до девятнадцатаго столѣтія. Въ 1808 г. здѣсь были устроены казармы, послѣ же 1813 года костелъ перешелъ въ вѣдѣніе католическихъ священниковъ, не принадлежащихъ къ ордену доминиканъ. Самоубійство одного изъ нихъ—ксендза

---

[1] Янъ-Казиміръ „подарилъ и пожаловалъ на правахъ безпрерывнаго владѣнія, въ качествѣ неотъемлемаего дара московскую храмину, построенную надъ прахомъ приведенныхъ вождей московской рати", скончавшихся въ Польшѣ,—такъ значится въ дарственной грамотѣ. Кромѣ самой „храмины", доминиканамъ была подарена болѣе обширная площадь вокругъ, въ полную собственность.

[2] Жалованная грамота короля Яна-Казиміра доминиканамъ-обсервантамъ на владѣніе московскою каплицею отъ 3 іюня 1668 года, указъ того же короля комиссіи по вводу доминиканъ во владѣніе и комиссарскій актъ объ этомъ хранятся въ Главномъ Архивѣ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной Палатѣ подъ „Acta Metrices regni", кн. 206. — Тамъ же хранятся и подтвердительныя жалованныя грамоты, относящіяся къ часовнѣ, королей Августа II и Яна Собѣскаго.

Іосифа Даниковскаго, совершенное въ стѣнахъ костела 30 мая 1816 г., вызвало закрытіе послѣдняго. Костелъ съ тѣхъ поръ началъ приходить въ разрушеніе.

Съ утвержденіемъ Царства Польскаго подъ властью Россіи, при императорѣ Александрѣ I, поднятъ былъ вопросъ о превращеніи бывшаго костела доминиканъ-обсервантовъ, построеннаго около „Московской каплицы", въ православный храмъ. Намѣстникъ въ царствѣ, князь Заіончекъ, издалъ 26 іюля 1816 года по государственному совѣту царства Польскаго указъ, коимъ постановлялось: „костелъ ксендзовъ доминиканъ-обсервантовъ въ Варшавѣ, расположенный около (костела) св. Креста, долженъ быть безотлагательно переданъ съ частью требующагося (монастырскаго) строенія въ церковное пользованіе греко-россійскаго обряда". Но, вслѣдствіе разныхъ препятствій и затрудненій, указъ не былъ выполненъ; а затѣмъ, въ 1818 году, по распоряженію того же намѣстника, кн. Заіончека, костелъ и монастырь, уже изветшавшіе, были разобраны [1].

Остатки стѣнъ пріобрѣлъ въ 1818 году ученый польскій вельможа и министръ Сташицъ и построилъ на ихъ мѣстѣ дворецъ, въ которомъ послѣдовательно помѣщалось польское „Общество друзей наукъ", указомъ императора Александра I-го, отъ 15-27 марта 1816 утвержденное въ названіи „Королевскаго общества друзей наукъ" [2], затѣмъ, послѣ 1831 года, когда общество по повелѣнію императора Николая I-го было упразднено—управленіе лоттереи Царства Польскаго, послѣ 1856 г.—медико-хирургическая академія, и, наконецъ,

---

[1] Цвѣтаевъ, проф. „Закрытіе Варшавскаго монастыря доминиканъ-обсервантовъ". Варш. Унив. Изв., 1897. — Его же „Къ вопросу объ усыпальницѣ Шуйскихъ". Ист. Вѣстн. 1898. II.

[2] Исторію этого общества, игравшаго видную роль въ судьбахъ просвѣщенія Польши, см. въ обширномъ трудѣ Александра Краусгара „Towarzystwo przyjaciol nauk." Варшава 1900-1905.

съ 1863 года—„русская школа“, преобразованная Высочайшимъ указомъ 30 августа 1864 г. въ первую варшавскую гимназію, предназначенную для дѣтей пребывающихъ въ Царствѣ Польскомъ русскихъ. Передъ главнымъ фасадомъ зданія въ 1828 году былъ сооруженъ памятникъ знаменитому польскому астроному Копернику, работы Торвальдсена.

Объ усыпальницѣ Шуйскихъ, существовавшей на этомъ мѣстѣ, совершенно забыли. Слѣпой случай, спустя 274 года послѣ погребенія останковъ Шуйскихъ, заставилъ вспомнить о забытой гробницѣ, имѣющей безспорно историческое значеніе.

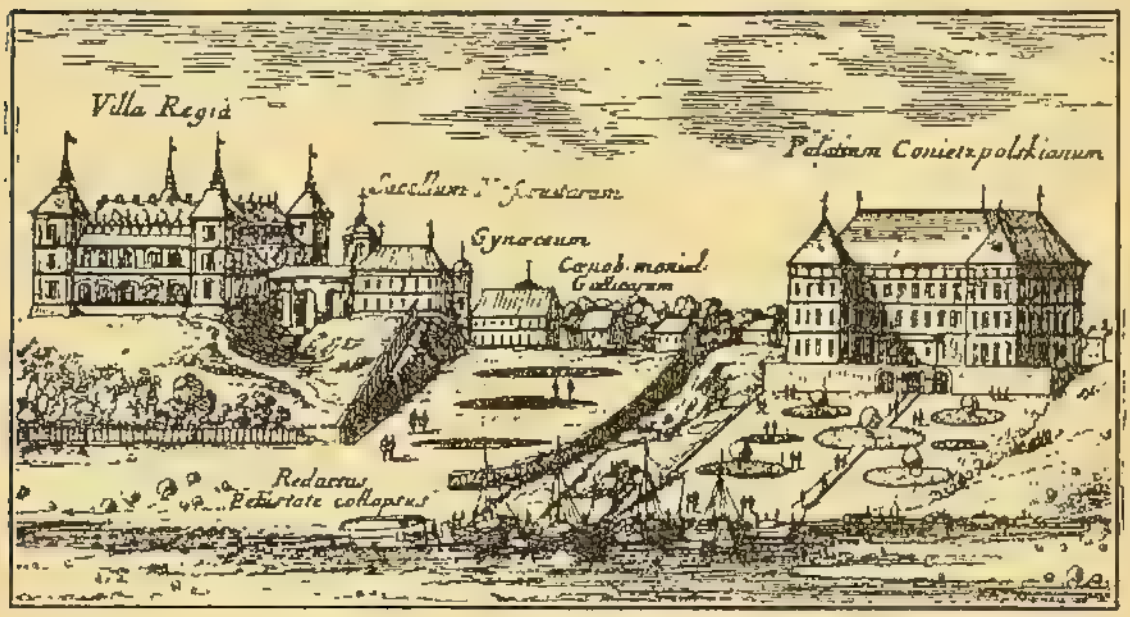
XII.

Случайное открытіе слѣдовъ усыпальницы Шуйскихъ. — Мнѣніе проф. Прахова. — Изысканія проф. Цвѣтаева. — Полемика относительно мнимой усыпальницы.

Въ 1892-мъ году одинъ изъ учениковъ варшавской 1-й гимназіи, помѣщающейся въ самомъ центрѣ Варшавы, на углу улицъ: Краковское предмѣстье и Новый Свѣтъ, играя со своимъ товарищемъ въ саду, прилегающемъ къ зданію гимназіи, забѣжалъ въ какую-то полуразрушенную, накренившуюся на бокъ каменную постройку у забора сосѣдняго дома, принадлежащаго доктору Эстрейхеру, и провалился. Это дало поводъ ближе разсмотрѣть развалившуюся постройку, при чемъ было установлено существованіе мраморнаго склепа или погреба. Странная постройка вызвала вниманіе. Стали доискиваться—для какой цѣли могла она служить, не представляетъ ли она какого-нибудь историческаго интереса. Такъ какъ было извѣстно, что именно въ этой мѣстности были въ свое время похоронены Шуйскіе, то явилось предположеніе, что это покривившееся зданьице—не что иное, какъ именно та „московская каплица“, въ которой были въ 1618 г. похоронены тѣла Шуйскихъ.

Древніе планы Варшавы и старинныя описанія города, дѣйствительно, давали поводъ предполагать, что разрушенная постройка, въ которую случайно попалъ

гимназистъ, была на самомъ дѣлѣ усыпальницею Шуйскихъ, такъ какъ эта постройка находилась на томъ самомъ мѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по планамъ XVII-го и XVIII-го вѣка значилась „московская каплица", т.-е. часовня надъ временною могилою плѣннаго русскаго царя. Мнѣніе, что открытая случайно постройка на самомъ дѣлѣ служила усыпальницею, подкрѣплялъ внѣшній видъ



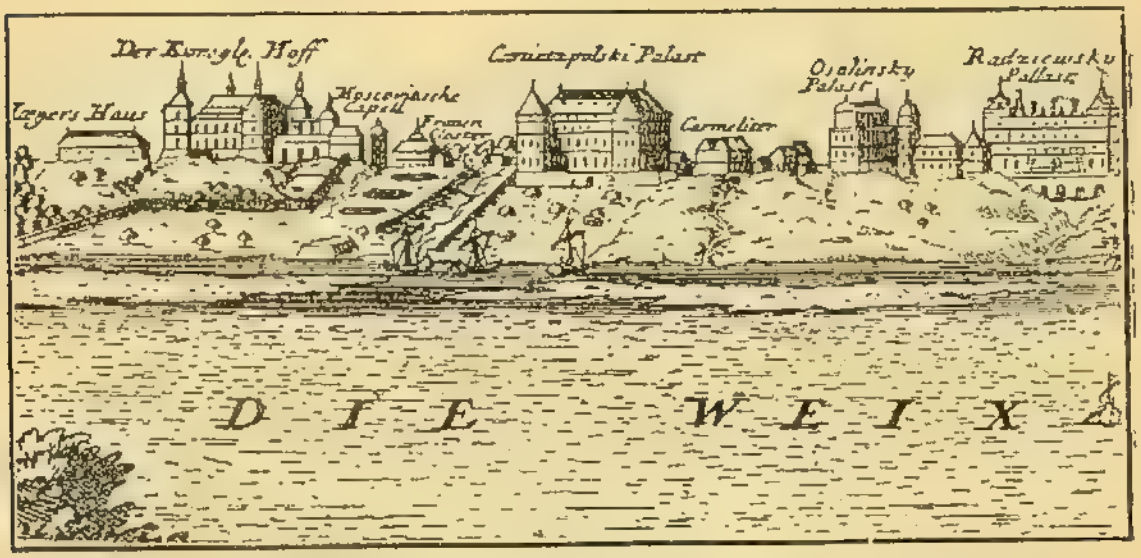
Московская каплица въ Варшавѣ съ усыпальницею Шуйскихъ
во второй половинѣ XVII-го вѣка, на планѣ Варшавы Пуффендорффа, изданія 1697 года.

сохранившихся стѣнъ: прочные каменные косяки въ дверяхъ, слѣды желѣзныхъ рѣшетокъ въ окнахъ, ниша внутри, противъ двери, точно для иконъ, углубленіе снаружи, надъ дверью,—вѣроятно мѣсто, гдѣ была помѣщена доска съ надписью, поставленная по повелѣнію Сигизмунда III-го, и т. д.

Изъ устныхъ разспросовъ и воспоминаній варшавскихъ старожиловъ оказалось что, еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIX-го столѣтія на этомъ зданіи былъ

желѣзный наклонившійся крестъ, что однако не подтверждалось сохранившимися, въ разное время сдѣланными описями.

Чтобы разсѣять всякія сомнѣнія относительно открытой постройки былъ приглашенъ извѣстный археологъ, проф. А. П. Праховъ. Изслѣдовавъ постройку и основываясь на добытыхъ на мѣстѣ печатныхъ и устныхъ данныхъ, проф. Праховъ призналъ, что погребъ, находящійся подъ открытою загадочною постройкою, есть

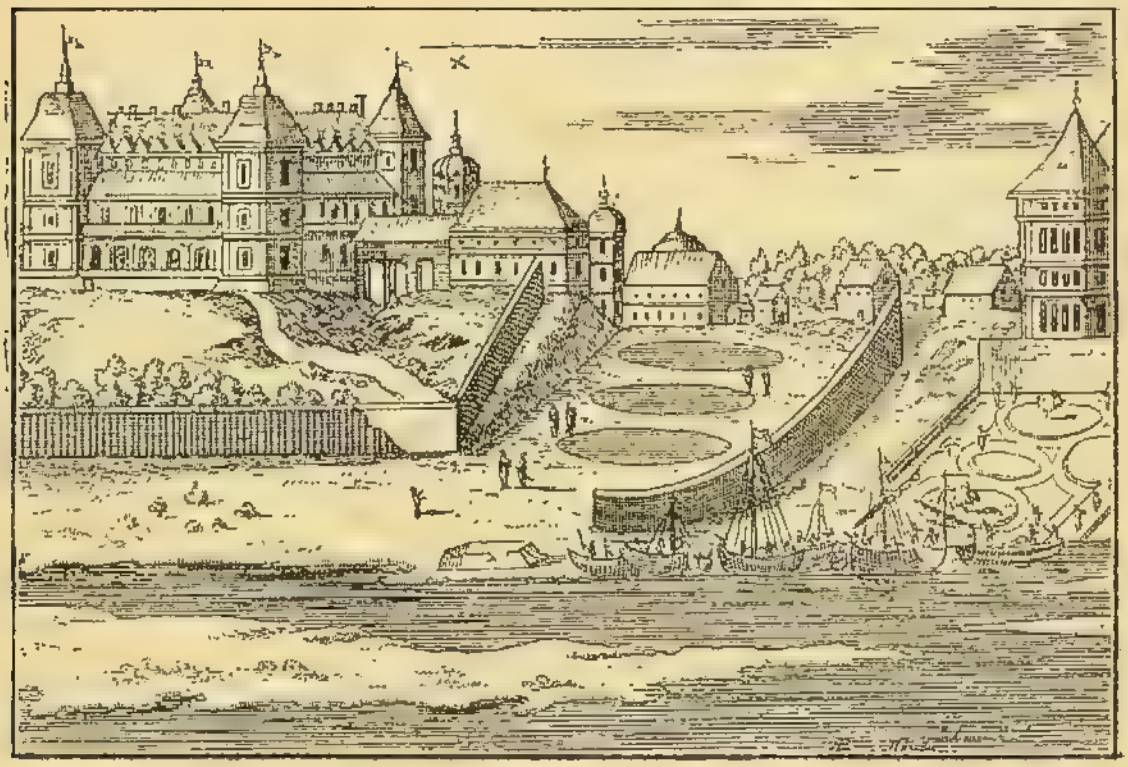


Московская каплица въ Варшавѣ
на планѣ, изданномъ въ первой четверти XVIII го вѣка Боденеромъ.

погребальный склепъ, въ которомъ помѣщался гробъ царя Василія Ивановича Шуйскаго, и что самая бесѣдка, судя по кирпичамъ и по характеру постройки, есть часовня, построенная Сигизмундомъ III-мъ надъ могилою Шуйскихъ, знаменитая Kaplica Moskiewska. Мнѣніе это было занесено въ циркуляръ „Варш. учеб. округа“ [1].

[1] Свѣдѣнія о временномъ погребеніи тѣла царя Василія Ивановича Шуйскаго. Изъ представленія директора гимназій г. попечителю Варшавск. учебн. округа. „Циркуляръ по Варш. учебн. округу 1893 № 6“.

Мнѣніе проф. Прахова и др., что открытая въ заднемъ саду гимназіи каменная постройка есть именно „часовня, построенная Сигизмундомъ III надъ могилою царя Василія Шуйскаго, — знаменитая московская каплица“, старался опровергнуть проф. Цвѣтаевъ. Въ запискѣ попечителю Варшавскаго учебнаго округа,



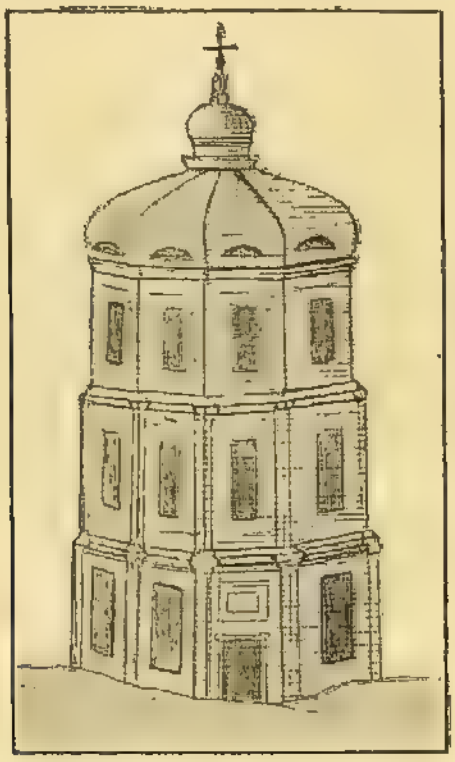
Московская каплица въ Варшавѣ и окружающія ее зданія.

По плану, изданному въ первой половинѣ XVIII го вѣка Беккомъ (знакомъ X отмѣчена каплица).

Апухтину, отъ 5 апрѣля 1894 г. проф. Цвѣтаевъ указывалъ, что это предположеніе не находитъ себѣ подтвержденія въ документахъ и планахъ и что каменная постройка (или, какъ ее назвалъ проф. Цвѣтаевъ, бесѣдка) стоитъ на участкѣ земли, къ Московской каплицѣ не принадлежавшемъ. Каплица или часовня, по мнѣнію проф. Цвѣтаева, хотя и находилась въ

мѣстности, занимаемой гимназіей, но нѣсколько впереди главнаго, передняго корпуса [1].

Впослѣдствіи вопросъ о мнимой или дѣйствительной усыпальницѣ Шуйскихъ былъ предметомъ офиціальнаго разслѣдованія: поводомъ къ тому послужило поднесеніе



Внѣшній видъ Московской каплицы въ Варшавѣ,
возстановленный по планамъ Варшавы XVII-го XVIII-го вѣка И. Г. Ѳомичевымъ.

императору Александру III-му, воспроизведеннаго съ натуры рисунка, изображавшаго „Усыпальницу московскаго царя Василія Ивановича Шуйскаго". Министерство Двора, прежде чѣмъ исполнить просьбу о поднесеніи, снеслось съ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ Имеретинскимъ, прося его доставить свѣдѣнія о томъ,

[1] Цвѣтаевъ. Приложенія къ историческому изслѣдованію „Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ", т. II. стр. 347.

дѣйствительно ли существующее въ Варшавѣ зданіе составляло нѣкогда царскую усыпальницу. Спрошенный по этому поводу оффиціально помощникомъ варшавскаго генералъ-губернатора, Подгородниковымъ, проф. Цвѣтаевъ представилъ краткую историческую записку, въ которой, на основаніи своихъ научныхъ изысканій, высказалъ мнѣніе, что усыпальница Шуйскихъ и каменная бесѣдка, признаваемая усыпальницею, не имѣютъ ничего общаго между собою. Дѣйствительно—внѣшній видъ каплицы на старыхъ планахъ Варшавы рѣзко отличается отъ внѣшняго вида той каменной постройки, которая была признана усыпальницей Шуйскихъ. Судя по планамъ, это было довольно высокое зданіе, имѣвшее видъ башни, между тѣмъ какъ открытая постройка—одноэтажна. Возможно, конечно, допустить, что, по мѣрѣ разрушенія верхнихъ этажей, бывшая „каплица" была превращена въ низкую одноэтажную постройку. Объ этомъ, однако, ничего не говорится въ документахъ. Но проф. Цвѣтаевъ доказывалъ, что каменная постройка значится въ инвентарныхъ описяхъ конца XVIII-го вѣка какъ самостоятельное зданіе, стоявшее лишь по сосѣдству съ Московскою каплицею и представляетъ нечто иное, какъ садовую бесѣдку. Въ дальнѣйшихъ затѣмъ своихъ очень подробныхъ изслѣдованіяхъ проф. Цвѣтаевъ, подтверждая историческое значеніе мѣстности, занимаемой Варшавской 1-ой гимназіею, какъ мѣста, гдѣ нѣкогда покоился прахъ плѣннаго царя, оспаривалъ лишь предположеніе, что открытая въ 1892 года каменная бесѣдка была усыпальницею Шуйскихъ, такъ какъ послѣдняя перестала существовать въ началѣ XIX-го вѣка.

Научно-историко-археологическій тезисъ проф. Цвѣтаева относительно бесѣдки и его категорическое заявленіе, что эта бесѣдка—отнюдь не часовня—были при-

няты офиціальными сферами какъ неоспоримый фактъ, вслѣдствіе чего каменная постройка была оставлена безъ дальнѣйшаго вниманія. Однако нашелся опонентъ мнѣнія проф. Цвѣтаева въ лицѣ Г. Воробьева, старавшагося доказать, что проф. Цвѣтаевъ не правъ, что усыпальница Шуйскихъ фактически существуетъ и до сихъ поръ и что каменная бесѣдка въ саду варшавской 1-ой гимназіи — это именно и есть эта усыпальница. Проф. Цвѣтаевъ и его противникъ обмѣнялись возраженіями на страницахъ „Историч. Вѣстника [1]. Полемика между профессоромъ Цвѣтаевымъ и г. Воробьевымъ нашла откликъ въ польской печати и вызвала цѣлый рядъ статей и изслѣдованій [2]. Но ни эта полемика, ни упомянутыя статьи, ни обширное документальное изслѣдованіе проф. Цвѣтаева не рѣшили окончательно вопроса: проф. Цвѣтаевъ остался при своемъ мнѣніи, его опоненты при своемъ.

---

[1] Воробьевъ. Усыпальница Шуйскихъ въ Варшавѣ. „Ист. Вѣстн." 1897, кн. XII и затѣмъ статьи въ „Истор. Вѣстн." 1898, кн. II и IV.

[2] Kaplica grobowa ks. Szujskich w Warszawie. Kraj. 1898. № 15.— Kaplica czy altana? Wedrowiec 1898 № 22.—Varsoviana. Nieco szczegolow nieznanych o niegdy kaplicy Szujskich w Warszawie. Tyg. Polski. 1898, № 1—4.

XIII.

Православный соборъ въ память Шуйскихъ.—Его историческое назначеніе.—Что долженъ напоминать храмъ.

Въ 1889 году, т.-е. еще до начала интереснаго историко-археологическаго спора относительно усыпальницы Шуйскихъ, возбужденъ былъ вопросъ о перестройкѣ зданія варшавской 1-ой гимназіи въ виду его ветхости, а затѣмъ, въ 1892 году, рѣшено было зданіе гимназіи разобрать и на его мѣстѣ выстроить новое зданіе. Такъ какъ на томъ мѣстѣ или въ той, по крайней мѣрѣ, мѣстности, гдѣ находится зданіе гимназіи, несомнѣнно былъ погребенъ въ особой часовнѣ русскій царь, взятый въ плѣнъ поляками, попечитель варшавскаго учебнаго округа въ своемъ отношеніи на имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ виду историческаго значенія мѣстности, находилъ „особенно желательнымъ постройку фасада гимназическаго зданія въ русскомъ стилѣ и устройство въ этомъ зданіи Православной церкви". Предположенный фасадъ въ русскомъ стилѣ съ церковью 2-го декабря 1893 года удостоился Высочайшаго одобренія. Вслѣдъ затѣмъ, по ходатайству Министерства Народнаго Просвѣщенія, Государственный Совѣтъ положилъ отпустить на расходъ на перестройку 100,000 руб. Мнѣніе

Государственнаго Совѣта 23 мая 1894 было утверждено императоромъ Александромъ III-мъ [1].

Независимо отъ суммъ, ассигнованныхъ правительствомъ на сооруженіе зданія гимназіи и церкви при ней, на дѣло устроенія новаго храма поступило свыше 80,000 рублей добровольныхъ пожертвованій (въ томъ числѣ отъ о. Іоанна Сергіева Кронштадтскаго, въ разное время, 18,000 руб. и отъ сосновицкаго фабриканта Ген-

Зданіе первой Варшавской гимназіи,
построенное на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась усыпальница Шуйскихъ.

риха Дителя 50,000 руб.). Въ этомъ же 1894 году было приступлено къ возведенію новой постройки.

3-го ноября 1898 г. архіепископомъ Холмскимъ и Варшавскимъ Іеронимомъ, въ присутствіи представителей военныхъ и гражданскихъ властей Варшавы была освящена нововыстроенная церковь [2]. Она помѣщается въ III-мъ этажѣ зданія гимназіи и построена въ формѣ трехконечнаго креста съ удлиненнымъ среднимъ кры-

[1] Правительственный Вѣстникъ, 1894. № 119.

[2] Спорная постройка, которую считали усыпальницею, не была реставрирована; она осталась въ полуразвалившемся видѣ на черномъ дворѣ — бывшемъ садикѣ зданія гимназіи. По удостовѣренію Г. Воробьева, „во время перестройки дома Сташица рабочіе

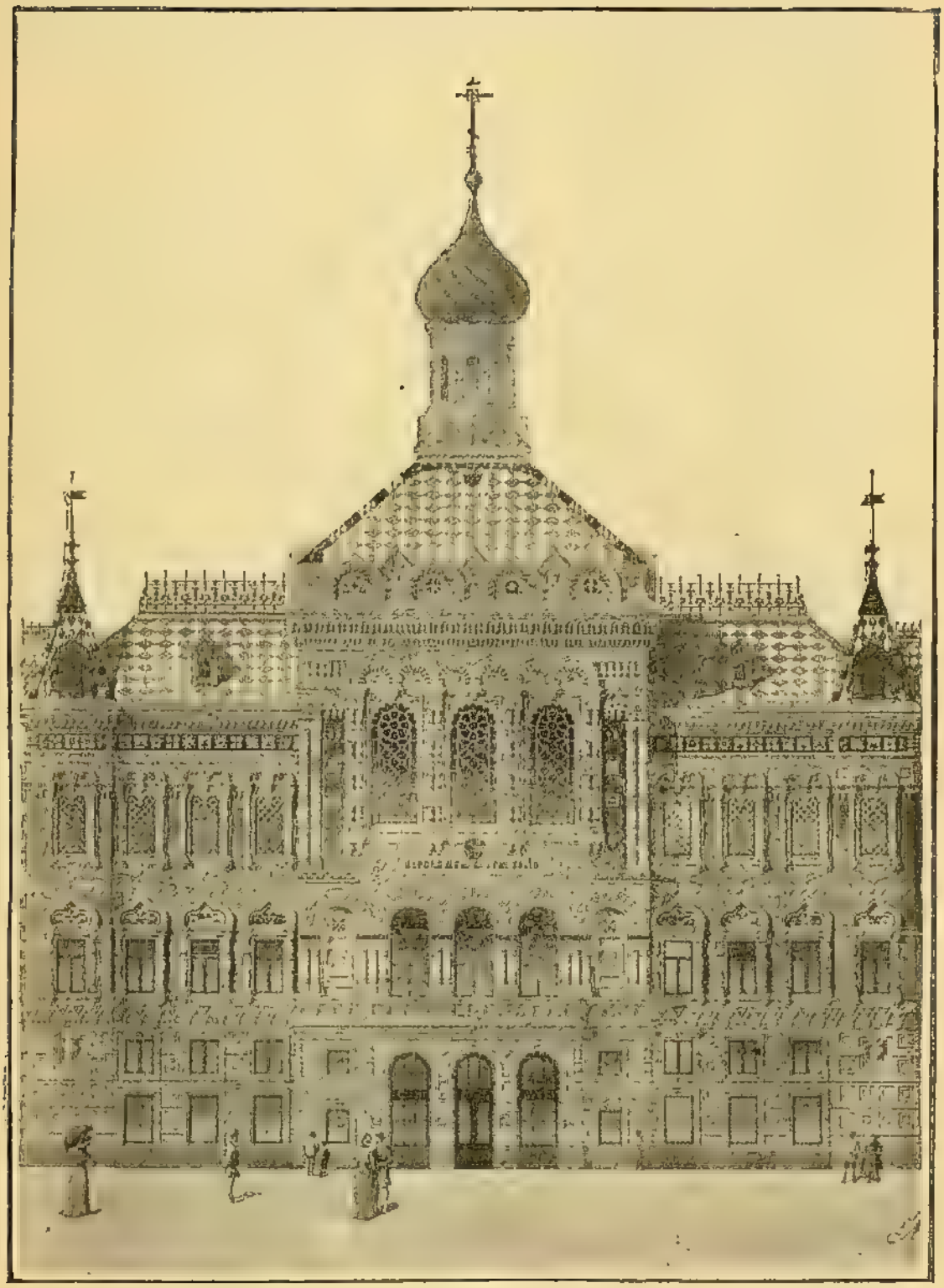
ломъ и напоминаетъ своею формою первыя христіанскія базилики. Въ храмѣ имѣется рядъ спеціально для этой церкви исполненныхъ образовъ худ. П. А. Свѣдомскаго и великолѣпный иконостасъ, исполненный по рисункамъ арх. Покровскаго въ мастерской Шутова въ Спб. Въ числѣ художественныхъ сокровищъ храма находится небольшой образъ Спасителя—работы Крамского. Всѣ стѣны и своды богато расписаны орнаментомъ въ стилѣ XVII столѣтія. Живопись стѣнъ худ. Н. У. Блинова и др. Вѣликолѣпіе храма увеличиваетъ дорогая церковная утварь изъ золоченой бронзы, златотканныя и сребротканныя одежды на престолахъ, жертвенникахъ и аналояхъ и дорогія облаченія для священнослужителей.

На самомъ большомъ колоколѣ храма сдѣлана слѣдующая надпись: «Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы. Сооруженъ въ лѣто отъ Рождества Христова 1895-е, царствованія же Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая II первое, заботами попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа Тайнаго Совѣтника Александра Львовича Апухтина и директора гимназіи, *построенному надъ мѣстомъ погребенія царя Василія Іоанновича Шуйскаго въ Варшавѣ*».

Храмъ обошелся въ 100,000 руб. [1]. Вся же пере-

сваливали въ каплицу всякій хламъ... Зданьице покривилось, штукатурка съ него почти вся отскочила. Внутри его въ полномъ смыслѣ слова господствуетъ „мерзость запустѣнія". Разрушеніе идетъ прогрессивно..." Это сказано въ статьѣ, напечатанной въ 1897 г. Но и позже, какъ свидѣтельствуетъ М. Устимовичъ въ статьѣ „Гостынскій замокъ" (Холмско-Варш. Епархіальн. Вѣд. 1899. №№ 13—16), эта постройка, „осталась на черномъ дворѣ, въ крайне неприглядномъ видѣ". Проф. Цвѣтаевъ въ своей запискѣ 1894 г. заявляетъ, что „ему не разъ приходилось слышать сужденія, что лучше бы снести и уничтожить упомянутое зданіе, какъ соблазняющее лишь своимъ полуразрушеннымъ видомъ".

[1] Записка о домовой церкви Варшавской Первой Мужской Гимназіи. Варшава. 1898.



Куполъ церкви и фасадъ зданія первой Варшавской гимназіи,
построенныхъ на мѣстѣ погребенія Шуйскихъ.

стройка зданій, считая и пожертвованія вещами и матеріалами, стоили около 370,000 рублей [1].

„Особенная заботливость строителей храма,—говорится въ запискѣ о церкви, изданной по распоряженію Попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа, — вызывались не только соображеніями о религіозно-воспитательномъ вліяніи церкви на учащихся дѣтей. Тутъ была и другая цѣль: создать соотвѣтственный памятникъ на мѣстѣ временнаго погребенія бывшаго русскаго государя, блаженной памяти Василія Іоанновича Шуйскаго, его брата князя Дмитрія и супруги послѣдняго Екатерины Григорьевны".

Значеніе новопостроеннаго храма, какъ историческаго храма, указывается также въ торжественной привѣтственной рѣчи прот. К. А. Костылева при освященіи храма. „Воздвигая это зданіе,—говорилъ прот. Костылевъ,—устроители его желали не только соорудить благоустроенный разсадникъ науки и честный храмъ при немъ, но и величавый памятникъ надъ мѣстомъ временнаго упокоенія московскаго царя. Вотъ почему зданію сему, въ наружныхъ его очертаніяхъ приданъ характеръ построекъ памятныхъ временъ Шуйскаго и его эпохи" [1].

Самъ попечитель варшавскаго учебнаго округа, А. Л. Апухтинъ, въ письмѣ военному министру, ходатайствуя о пожертвованіи старыхъ пушекъ на колокола церкви, писалъ: „Храмъ этотъ долженъ быть дорогъ для всякаго истинно-русскаго православнаго человѣка, какъ историческій памятникъ, созидаемый на могилѣ русскаго царя-плѣнника..."

Такимъ образомъ храму суждено напоминать

[1] Записка строителя зданія гимназіи и храма архитектора В. П. Покровскаго въ „Приложеніяхъ" Цвѣтаева т. II, стр. 934.

Иконостасъ церкви первой Варшавской гимназіи.
построенной на мѣстѣ погребенія Щуйскихъ.

о превратностяхъ исторической судьбы и о печальномъ концѣ царя Василія Шуйскаго. По другимъ же взглядамъ—новому храму суждено сгладить послѣднюю тѣнь „укоризны“ съ печальнаго событія русской исторіи, которое въ продолженіе почти трехъ вѣковъ „смущало и тревожило совѣсть русскихъ людей.“

Можно ли считать, что сооруженіемъ этого храма положенъ конецъ исторіи плѣненнаго въ Польшѣ московскаго царя и не будутъ ли найдены еще какіе-либо документы или вещественныя воспоминанія, относящіяся къ этому изъ ряда вонъ выходящему историческому эпизоду—сказать трудно.

Какъ нами уже указано раньше, этотъ эпизодъ имѣетъ и въ исторіи Россіи, и въ исторіи Польши важное значеніе: онъ явился для первой изъ этихъ странъ первоначальною ступенью къ возвышенію, къ упроченію и умиротворенію; для второй — онъ былъ тою гранью, съ которой начался постепенный упадокъ политической самостоятельности Рѣчи-Посполитой, закончившійся окончательнымъ раздѣломъ могущественной когда-то страны. Кто бы могъ предвидѣть, что пышная и гордая рѣчь Жолкѣвскаго, произнесенная въ Варшавѣ въ 1611 году передъ королемъ Сигизмундомъ о мнимомъ униженіи московскаго царя, — можетъ отозваться громкимъ (хотя въ иномъ совершенно смыслѣ) отзвукомъ, спустя 184 года, въ столицѣ Россіи при въѣздѣ послѣдняго польскаго короля въ Петербургъ, послѣ его отреченія отъ престола и окончательнаго раздѣла Польши!..

Fortuna variabilis—счастье измѣнчиво,—въ особенности въ судьбахъ государствъ...

— —

Дополненія и разъясненія.

1.

Среди нѣкоторыхъ новѣйшихъ русскихъ историковъ замѣтно стремленіе доказать, что избраніе Шуйскаго на престолъ вовсе не было такимъ незаконнымъ актомъ, какимъ оно представляется по разнымъ источникамъ. По мнѣнію этихъ историковъ, окружная грамота Василія, въ которой онъ хитро увѣрялъ, что его „просили на престолъ митрополиты, архіепископы, епископы и весь священный соборъ, также бояре, дворяне, дѣти боярскія и всякіе люди Московскаго государства"—не была ложна по существу, а являлась обычною формою возвѣщенія о вступленіи на престолъ, и для избранія царя вовсе не было надобности сзывать всероссійскій соборъ. Однако, цѣлый рядъ отзывовъ современниковъ, равно какъ и всѣ воззванія заговорщиковъ противъ Шуйскаго, основываются именно на томъ, что Шуйскій „неправильно" сѣлъ на царство, безъ совѣта всей земли, что его „выкрикнула" горсть ближайшихъ сторонниковъ, противъ воли и желанія бояръ и народа. Безспорно, въ этомъ незаконномъ захватѣ власти и

кроется главная причина ненависти къ Шуйскому и его братьямъ, кроется причина интригъ, козней и заговоровъ съ первыхъ же дней новаго царствованія.

Ненавидимый боярами, Шуйскій хотѣлъ было опереться на народъ. Но и въ народѣ его возненавидѣли, и какъ царя и какъ человѣка. По отзывамъ современниковъ, И. Тимофѣева и другихъ, личная жизнь царя Василія соблазняла народъ, потому что онъ былъ „нечестивъ всяко и скотолѣпенъ", правилъ „во блудѣ и пьянствахъ и кровопролитіяхъ неповинныхъ кровей"; онъ занимался ворожбою, „оставя Бога, къ бѣсомъ прибѣгая"; „во дни его всяка правда успе, и судъ истинный не бѣ, и всяко любогатіе пресякну" (слова князя И. А. Хворостинина). По мнѣнію толпы, шумѣвшей на улицахъ противъ Шуйскаго, „онъ человѣкъ глупъ и нечестивъ, пьяница и блудникъ", онъ недостоинъ царства, потому что „его ради кровь проливается многая". Вмѣстѣ съ самимъ царемъ Василіемъ, осужденію подвергались и его братья, особенно Дмитрій. Служилые люди „ненавидяху его гордости, сего ради и не любезенъ бяше въ очію ихъ". Сама личность Шуйскаго, его внѣшній обликъ, не говоря уже о темномъ и запятнанномъ прошломъ, никоимъ образомъ не могли внушать къ нему любви и уваженія въ народѣ. Низкаго роста, полный, нѣсколько сутуловатый, лысый старичекъ съ рѣдкою бородкою, худощавымъ лицомъ, горбатымъ носомъ, красноватыми большими глазами, лукавымъ взглядомъ—онъ даже въ царскомъ одѣяніи казался далеко непредставительнымъ. Въ его внѣшности не было ничего царскаго, ничего благороднаго, ничего того, что такъ вліяетъ на народъ. Къ сожалѣнію, въ очертаніяхъ лица Шуйскаго на различныхъ его портретахъ такъ мало сходства, что почти невозможно себѣ представить теперь, какъ выглядѣлъ Шуйскій.

За то мы имѣемъ—въ собственныхъ дѣяніяхъ Шуйскаго и въ отзывахъ современниковъ—довольно цѣльный типъ его, какъ человѣка изворотливаго, хитраго, способнаго на всякую ложь, всякое скверное дѣло. Шуйскій былъ лживъ и коваренъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣливъ и настойчивъ, могъ беззастѣнчиво лгать предъ крестомъ и евангеліемъ, если это вело къ задуманной цѣли. Въ то же время онъ отличался скупостью, былъ завистливъ и крайне подозрителенъ. Пока онъ былъ только княземъ Шуйскимъ, исподтишка стремившимся къ престолу, его непривлекательныя личныя качества хотя замѣчались окружающими, но—какъ вѣрно замѣчаетъ Мерцаловъ (Очерки по исторіи смутнаго времени, стр. 97)—не бросались такъ рѣзко въ глаза, какъ съ высоты престола, когда они стали всѣмъ ясно видимы, и ни въ какомъ случаѣ не могли пріобрѣсти ему любовь подданныхъ. Если къ этому прибавить, что вокругъ Шуйскаго, въ числѣ его союзниковъ, не было никого, кто бы пользовался въ народѣ популярностью, если прибавимъ безчисленныя репрессаліи, предпринятыя Шуйскимъ и его клевретами съ цѣлью искорененія смутъ, опалу на видныхъ представителей московской знати, казни несочувствующихъ насильно воцарившемуся царю и пр. и пр.—то станетъ ясно, почему Шуйскій былъ одинаково ненавистенъ какъ боярству и мелкому дворянству, такъ и народу, и почему никто изъ видныхъ представителей Москвы не выступилъ на защиту его при сверженіи съ престола, никто не протестовалъ противъ увезенія его въ Польшу.

2.

Затѣя „какъ бы царя Василія съ государства ссадити“ принадлежала не одному Ляпунову. Онъ являлся

лишь главою значительной партіи рязанцевъ, которые, какъ есть основаніе полагать, имѣли въ виду передать власть князю В. В. Голицыну. Но и не одна эта партія имѣла въ виду „ссадить съ государства“ Шуйскаго. Новѣйшія историческія изслѣдованія указываютъ на другой еще сильный общественный центръ Москвы, подготовившій возстаніе противъ Шуйскаго, центръ, въ которомъ первое мѣсто принадлежало Филарету Никитичу Романову, а дѣятельная роль—Ивану Никитичу Салтыкову. Филаретъ Романовъ былъ однимъ изъ созидателей кандидатуры королевича Владислава на московскій престолъ, и новѣйшіе историки зачисляютъ его въ кругъ лицъ, хлопотавшихъ въ Москвѣ объ осуществленіи уніи съ Рѣчью Посполитой. Но въ то время, какъ глава одной изъ этихъ партій, желавшихъ низверженія Шуйскаго, князь В. В. Голицынъ, дѣйствовалъ открыто противъ царя Василія и принималъ непосредственное участіе въ народныхъ скопищахъ,—другой вліятельнѣйшій врагъ Шуйскихъ, Филаретъ, по словамъ проф. Платонова, умѣлъ вести закрытую игру и, держась въ сторонѣ отъ площадной суеты, сохранялъ видъ спокойнаго наблюдателя имъ самимъ вызванныхъ событій.

3.

Принималъ ли участіе Жолкѣвскій въ козняхъ противъ Шуйскаго?

Какъ Костомаровъ, Иловайскій, такъ и новѣйшій историкъ московской смуты, проф. Платоновъ, считаютъ участіе Жолкѣвскаго несомнѣннымъ. Не отрицаютъ этого участія и польскіе историки Короповичъ, Бартошевичъ и др. Гетманъ стоялъ во главѣ двадцатитысячнаго войска въ Можайскѣ и оттуда будто-бы завелъ сношенія со столицей, направляя дѣло такимъ обра-

зомъ, чтобы ему не приходилось брать Москву силою оружія,—конечно, благодаря своевременному устраненію Василія. Въ своихъ запискахъ Жолкѣвскій намекаетъ, будто онъ много писалъ въ Москву частныхъ писемъ и подметныхъ грамотъ, въ которыхъ указывалъ, что Шуйскій злѣйшій врагъ московскаго государства, виновникъ всѣхъ бѣдъ, подготовляя этимъ признаніе Владислава. Онъ обѣщалъ, между прочимъ, прогнать Тушинскаго самозванца, котораго часть бояръ особенно боялась, предвидя, что „Тушинскій воръ" съ своими казаками не пощадитъ ихъ имѣній и разграбитъ ихъ, разъ ему удастся сдѣлаться московскимъ царемъ.

Такимъ образомъ низверженіе Шуйскаго подготовлялось одновременно съ трехъ сторонъ, но, несмотря на все это, оно едва-ли бы удалось такъ легко, если-бъ не рѣшительная ненависть народа къ Василію и общее желаніе устранить ненавистнаго всѣмъ царя.

Можно смѣло утверждать, что вмѣшательство Жолкѣвскаго спасло жизнь, какъ Василію Шуйскому, такъ и его братьямъ. Жизнь Шуйскаго, послѣ отстраненія его отъ престола, висѣла буквально на волоскѣ. Жолкѣвскій какъ разъ явился во-время, чтобы, съ одной стороны, спасти Шуйскихъ, съ другой—помѣшать исполненію проекта патріарха Гермогена, который тайно благопріятствовалъ Шуйскому и предлагалъ сослать его въ Соловки; патріархъ надѣялся, что въ этой отдаленной сторонѣ Шуйскій будетъ безопасенъ до поры до времени, а потомъ, съ помощію своихъ-сторонниковъ, станетъ опять царемъ.

4.

Всѣ историки, какъ русскіе такъ и польскіе, упоминающіе о въѣздѣ «плѣннаго» царя Василія Шуйскаго въ Варшаву, руководствовались трудомъ поль-

скаго историка Нѣмцевича, составившаго первое подробное описаніе царствованія короля Сигизмунда III-го. Нѣмцевичъ, въ свою очередь, для описанія въѣзда пользовался единственною современною „реляціею“ объ этомъ въѣздѣ, помѣщенной въ рукописи, хранящейся въ музеѣ князей Чарторыйскихъ въ Краковѣ. Другихъ источниковъ, которые давали бы возможность провѣрить точность описанія, какъ оно представлено Нѣмцевичемъ, до сихъ поръ не найдено. Поэтому всѣ, существующія въ исторической литературѣ, описанія въѣзда Шуйскихъ въ Варшаву и поведенія царя и его братьевъ на сеймѣ, тексты рѣчей, произнесенныхъ гетманомъ Жолкѣвскимъ и другими лицами и пр.—являются повтореніемъ, съ незначительными варіантами, сообщеній упомянутой рукописи, которую впервые использовалъ Нѣмцевичъ.

Видя въ Варшавѣ воочію плѣннаго московскаго царя и его братьевъ, да сопровождавшихъ ихъ: Филарета Романова, Голицына, воеводу Шеина и мног. друг. его знатныхъ москвитянъ, зная о побѣдѣ подъ Клушиномъ и взятіи Смоленска, польскій народъ имѣлъ полное основаніе полагать, что московская земля всецѣло покорена поляками, что московское государство уже принадлежитъ Польшѣ и что остается только привести въ повиновеніе какіе-нибудь ничтожные остатки непокорныхъ. Въ этомъ именно смыслѣ и говорились рѣчи на сеймѣ, созванномъ въ Варшавѣ одновременно съ прибытіемъ Шуйскихъ. „Государство московское у насъ въ рукахъ,—говорилъ канцлеръ Крыскій,—они (москвичи) должны принять такое правленіе, какое дастъ имъ побѣдитель“. Не нашлось, къ несчастію, среди знатныхъ поляковъ никого, кто бы открылъ глаза народу, кто бы смѣло рѣшился сказать, что народъ просто обманываютъ, что привезенный въ Варшаву Шуйскій—уже не

царь московскій, что онъ свергнутъ съ престола своимъ собственнымъ народомъ, что его выдали добровольно сами бояре, что Москва далеко еще не покорена и что въ варшавскомъ „тріумфѣ“ истина смѣшана съ ложью. По крайней мѣрѣ, до насъ не дошло, чтобъ кто-либо возбудилъ тогда вопросъ о поддѣльности тріумфовъ короля Сигизмунда, значительномъ ихъ преувеличеніи. Въ исторіи много примѣровъ преднамѣреннаго введенія въ заблужденіе народа путемъ искусственнаго, ложнаго празднованія побѣдъ, но это отнюдь не оправдываетъ короля Сигизмунда, несмотря даже на ту цѣль, которую онъ преслѣдовалъ: желаніе добиться согласія со стороны сейма на продолженіе войны и раздобыть средства для окончательнаго покоренія врага. Активное участіе Жолкѣвскаго во всей этой комедіи побѣдоноснаго представленія плѣннаго царя можно объяснить покорнымъ всегда послушаніемъ волѣ короля со стороны гетмана. Впрочемъ, очень возможно, что еще со временемъ будутъ найдены документы, которые освѣтятъ яснѣе все это дѣло, расширятъ свѣдѣнія о немъ, умножатъ подробности.

5.

Сохранившіяся свидѣтельства о смерти Шуйскихъ составлены по юридической формѣ того времени. Въ свидѣтельствѣ о смерти царя Василія Ивановича говорится слѣдующее:

„Состоялось въ Гостынскомъ замкѣ въ субботу, на слѣдующій день послѣ праздника св. Матѳея, апостола и евангелиста Господня, тысяча шестьсотъ двѣнадцатаго.

„Въ царствованіе свѣтлѣйшаго Сигизмунда III, короля польскаго и шведскаго.

„Славной памяти высокородный покойный Василій Шуйскій душу свою Господу Богу отдалъ въ субботу послѣ праздника св. Матѳея, апостола и евангелиста, въ своемъ помѣщеніи, въ каменной комнаткѣ надъ каменными воротами; покойный (какъ объ

этомъ носится слухъ) былъ великимъ царемъ московскимъ, и былъ онъ вмѣстѣ съ высокороднымъ Дмитріемъ, гетманомъ, Иваномъ, подскарбіемъ, Шуйскими, князьями московскими, его родными братьями, по приказанію его королевскаго величества, короля польскаго, сосланъ на жительство въ Гостынскій каменный замокъ, когда завѣдывалъ староствомъ высокородный гостынскій староста г-нъ Юрій Гарвавскій, приставомъ при нихъ въ этомъ же Гостынскомъ замкѣ—г-нъ Збигнѣвъ Бобровницкій, придворный служитель его королевскаго величества. Жилъ онъ лѣтъ около 70-ти".

Свидѣтельство о смерти князя Дмитрія Ивановича составлено въ слѣдующихъ словахъ:

„Состоялось въ Гостынскомъ замкѣ въ ближайшій четвергъ предъ праздникомъ св. Михаила Архангела, года Господня тысяча шестьсотъ двѣнадцатаго.

„Славной памяти покойный высокородный Дмитрій Шуйскій, великій гетманъ московскій, скончался и Господу Богу душу свою отдалъ въ четвергъ предъ праздникомъ св. Михаила, тысяча шестьсотъ двѣнадцатаго года, въ комнатѣ, въ своемъ каменномъ помѣщеніи, находящемся въ нижней замковой части, обращенномъ къ виноградному садику, въ присутствіи высокородной Екатерины, княгини, своей супруги, и московскихъ слугъ; покойный вмѣстѣ съ восокородными Василіемъ, царемъ московскимъ, и Иваномъ подскарбіемъ, Шуйскими, родными братьями, по приказанію его королевскаго величества, сосланъ былъ на жительство въ Гостынскій замокъ, которымъ завѣдывалъ въ это время высокородный г-нъ Юрій Гарвавскій, гостынскій староста, а приставомъ у нихъ былъ высокородный Збигнѣвъ Бобровницкій, придворный служитель его королевскаго величества".

Оба эти свидѣтельства составлены на польскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ третье, о смерти княгини Екатерины Григорьевны—по-латыни:

„Состоялось въ Гостынскомъ замкѣ, въ воскресенье, въ праздникъ св. Екатерины дѣвы и мученицы, года Господня тысяча шестьсотъ двѣнадцатаго.

„Высокородная покойная Екатерина Шуйская, супруга покойнаго Дмитрія Шуйскаго, московскаго блаженной памяти князя, называемая княгиней, скончалась сегодня, т.-е. въ воскресенье, въ праздникъ св. Екатерины дѣвы и мученицы, въ половинѣ второго часа пополудни, въ присутствіи высокороднаго Іоанна Шуйскаго (называемаго „князь Иванъ Левинъ"), деверя своего, а также прислужницъ и своихъ служителей, одержимая болѣзнью, значительною опухолью, благословляя оставшихся въ живыхъ; скончалась она въ семъ каменномъ Гостынскомъ замкѣ, въ нижнемъ помѣщеніи, обращенномъ къ винограднику или къ рощѣ, находящейся по правой сторонѣ отъ входа въ замокъ, около угольнаго окна у воротъ или моста, во время своего тамъ пребыванія, назначеннаго

по повелѣнію свѣтлѣйшаго королевскаго величества, когда состоялъ старостой превосходительный Юрій Гарвавскій, староста сего Гостынскаго замка, а должность попечителя или пристава исполнялъ высокородный Збигнѣвъ Бобровницкій, придворный служитель его королевскаго величества".

Вышеупомянутые „акты о смерти" впервые добыты изъ гостынскаго городского архива комиссіею, назначенною въ 1844 г. б. Административнымъ совѣтомъ царства Польскаго, спеціально для изученія и описанія документовъ и достопримѣчательностей.

Подлинникъ этого „описанія" хранится въ библіотекѣ Варшавскаго университета.

6.

Наслѣдство, оставленное Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ въ Гостынскомъ замкѣ, состояло, согласно описи, изъ слѣдующихъ предметовъ: деревянный образъ-складень Богородицы, обложенный серебромъ и обогнутый по сторонамъ мѣдью, шкатулка съ золотыми червонцами и талерами, серебряная ложка и такая же братина, данныя Василію Сигизмундомъ подъ Смоленскомъ, затѣмъ одежда „королевскаго жалованія": золотой охабень, четыре кафтана, одинъ червчатаго бархата, другой изъ темнолазоревой камки, третій изъ камки дымчатой на куньемъ мѣху, четвертый синяго сукна съ серебряными золочеными пуговицами, по двѣ мѣховыя шубы и шапки; кромѣ того, постель, изголовье и изъ желтой камки одѣяло, а изъ посуды стаканъ серебряный, двѣ ложки серебряныя, серебряный ковшъ, и четыре оловянныхъ блюда, четыре тарелки, цынковое блюдечко и рукомойникъ, шесть склепаныхъ погребцовъ во влагалищѣ, два мѣдныхъ котелка, мѣдный тазъ и желѣзный вертелъ.

7.

Текстъ латинской надписи на мраморной плитѣ у входа въ усыпальницу Шуйскихъ въ Варшавѣ, по указаніямъ польскихъ источниковъ, былъ слѣдующій:

Jesu Christi Dei Filii
Regis Regum Dei Exercitus gloriae Sigismundus III
Rex Poloniae et Sueciae,
Exercitu Moscovitico ad Clusium caeso,
Moscoviae Metropoli deditione accepta,
Smolensco Reipublicae restitutó,
Basileo Szujscio Magno Duce Moscoviae,
et fratre ejus Demetrio, militiae praefecto,
captivis jure belli receptis et in arce Gostinensi sub
custodia habitis, ibidue vita functis:
Humanae sortis memor
Ossa illorum huc deferri
Et ne se regnante, etiam hostes
Injusteque sceptra parantes
Justis, ac sepultura carerent,
In hoc, a se, ad publicam posteritatis memoriam
Regnique sui nomen
Extructo trophaeo deponi jussit.
Anno a partu Virginis. M. D. C. XX
Regnorum nostrorum Poloniae XXXIII
Sueciae XXXVII.

8.

Спустя два года послѣ перевезенія останковъ Шуйскаго въ Москву, въ 1637 году, прибыло въ Варшаву на свадьбу короля Владислава московское посольство съ окольничимъ Степаномъ Проестовымъ и дьякомъ Леонтьевымъ во главѣ. Этимъ посламъ было, между

прочимъ, поручено „заказать мастеру лицо царя Василія Ивановича Шуйскаго“. Было ли исполнено это порученіе и если было, то куда дѣвался написанный по заказу московскаго правительства портретъ Шуйскаго—свѣдѣній нѣтъ.

Древнѣйшій портретъ Шуйскаго и, несомнѣнно, наиболѣе схожій, помѣщенъ въ „Корнѣ Россійскаго Государства“—великолѣпнѣйшей рукописи XVII-го вѣка, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (Древнехранилище, 5 отд., рубр. III, № 7). Рукопись носитъ заглавіе: „Собраніе откуда произыде корень великихъ Государей і великихъ князей россійскихъ и какъ въ прошлыхъ годѣхъ великіе Государи і великіе князи россійскіе. Состроена сія книга повелѣніемъ Великого Государя царя и велікаго князя Алексѣя Михаиловича всеа великія і малыя і бѣлыя Россіи Самодержца въ нынѣшнемъ Р П (т.-е. 1672) году“. Въ „Корнѣ“ имѣется 30 портретовъ русскихъ государей, начиная отъ Рюрика до Алексѣя Михайловича, написанныхъ акварелью и окруженныхъ украшеніями изъ травъ, отлично выполненныхъ красками, серебромъ и золотомъ. Другой экземпляръ „Корня“, но въ меньшемъ форматѣ и не такой роскошный, какъ Архивный, находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ. Какимъ подлинникомъ руководствовались художники „Корня“ при исполненіи портрета Шуйскаго—неизвѣстно; очень возможно, что они имѣли передъ собою неизвѣстный намъ портретъ, сдѣланный съ натуры либо въ Москвѣ однимъ изъ тѣхъ художниковъ-иностранцевъ, которые пріѣзжали въ Россію въ началѣ XVII-го вѣка, либо же въ Польшѣ — Долабеллой или другимъ портретистомъ.

Слѣдующій затѣмъ портретъ Шуйскаго работы Штенглина скопированъ, по свидѣтельству Штелина, со стариннаго оригинала, хранившагося въ старомъ Зимнемъ дворцѣ и писаннаго неизвѣстнымъ художникомъ. Существуетъ предположеніе, что оригиналъ выполненъ Видекиндомъ, работавшимъ по заказу Петра I-го съ 1715—1720 годъ.

Остальные портреты Шуйскаго представляютъ собою копіи, часто съ произвольными измѣненіями, съ гравюры Штенглина. Всѣ наиболѣе типичные портреты воспроизведены въ настоящей книгѣ.

Вмѣсто заключенія.

> То, что я высказывалъ, можетъ, конечно, быть ошибочнымъ; но во всякомъ случаѣ, это результатъ честнаго исканія истины и усерднаго размышленія. *Бокль «Исторія цивилизаціи».*

Въ самомъ центрѣ Варшавы, на площади передъ бывшимъ королевскимъ замкомъ, красуется памятникъ королю Сигизмунду III-му. Сооруженъ этотъ памятникъ королемъ Владиславомъ IV-мъ Сигизмундовичемъ. Польскій народъ не принималъ участія въ сооруженіи памятника Сигизмунду III-му и увѣковѣченіи его памяти. Да и едва-ли король этотъ заслужилъ памятникъ отъ поляковъ, отъ польскаго народа. Неудачная политика Сигизмунда III-го была вѣдь первымъ началомъ постепеннаго паденія Польши; Сигизмундово царствованіе—основою и первымъ толчкомъ къ тому, что могущественная и сильная нѣкогда Рѣчь Посполита Польская изчезла на картѣ Европы, какъ самостоятельное государство. Въ то время, какъ паденіе царя Василія Ивановича Шуйскаго является началомъ постепеннаго возвышенія и величія москов-

скаго государства,—мнимый тріумфъ Сигизмунда надъ Шуйскимъ и Москвою въ 1611 году составляетъ прологъ упадка и политической гибели Польши. Не сумѣвъ или не захотѣвъ воспользоваться благопріятнымъ историческимъ моментомъ, какимъ явился 1611 годъ, Сигизмундъ толкнулъ Польшу въ пропасть, изъ которой она не была уже въ силахъ выбраться, подготовилъ почву для паденія страны. Конечно въ гибели Польши было много другихъ причинъ, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ злоупотребленія свободою со стороны польской шляхты, пренебреженіе нуждами народа въ угоду дворянству, разъѣдающія страну интриги и ссоры, преобладающее значеніе католическаго духовенства, ставившаго интересы церкви или, точнѣе, римской куріи выше судьбы края и т. п. Были, наконецъ, вѣскія соціальныя и экономическія причины въ паденіи Польши. Тѣмъ не менѣе, возможно, что если-бы во главѣ поляковъ въ свое время сталъ крѣпкій умомъ и волею, искренно преданный народу и странѣ король, судьба Польши сложилась бы иначе. Особенно такой король нуженъ былъ Польшѣ въ началѣ XVII-го вѣка. Къ несчастію для Польши, на тронѣ очутился тогда король Сигизмундъ III-й. Шведъ родомъ, сынъ короля Вазы, котораго возненавидѣла вся Швеція за преслѣдованіе протестантовъ, воспитанникъ іезуитовъ, попавшій на престолъ совершенно случайно, благодаря частью интригѣ, частью взаимной враждѣ среди шляхты, рьяный приверженецъ іезуитовъ и католицизма, жалкая, посредственная, тщеславная личность, выдвинутая раздорами и подкупами,—Сигизмундъ, очевидно, совершенно равнодушно отнесся къ интересамъ чужой для него страны. Онъ мечталъ лишь о католической пропагандѣ, хотѣлъ стяжать себѣ славу распространителя католической

вѣры, и призрачные интересы католицизма ставилъ выше реальныхъ интересовъ страны. Гордый и упрямый, нерѣшительный, лишенный энергіи и силы духа, чуждый тѣхъ качествъ, которыя необходимы для государственнаго дѣятеля, проникнутый насквозь духомъ іезуитскаго фанатизма, плохой воинъ и бездарный политикъ, не любимый въ народѣ, потребностями котораго пренебрегалъ, имѣя въ виду только личныя свои выгоды, притѣснитель свободы печати, подъ предлогомъ искорененія ереси и невѣрія преслѣдовавшій всякое смѣлое слово, направленное противъ существующаго режима, король Польши только по титулу, но не по своимъ стремленіямъ и симпатіямъ — вотъ нравственный портретъ короля Сигизмунда.

Не даромъ канцлеръ Замойскій, одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ, способныхъ и энергичныхъ государственныхъ людей Польши, послѣ первой же встрѣчи съ Сигизмундомъ, не могъ воздержаться, чтобы съ укоромъ не воскликнуть сопровождавшимъ короля вельможамъ: „Какого это вы привезли къ намъ нѣмого чорта!“ [1]. Замойскій узналъ Сигизмунда насквозь, и въ этихъ немногихъ словахъ опредѣлилъ всю дѣятельность короля. По отношенію къ Польшѣ, Сигизмундъ явился, дѣйствительно, „чортомъ“, который повелъ страну по наклонному пути, и притомъ „нѣмымъ чортомъ“, дѣйствовавшимъ по наущенію іезуитовъ. Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго, что Сигизмундъ упустилъ необычайно благопріятный моментъ для созданія тѣснаго союза между Польшею и Москвою и, можетъ быть, даже соединенія и сліянія этихъ двухъ государствъ въ

---

[1] Бобржинскій. Исторія Польши, т. II, стр. 150. Въ русскомъ переводѣ подъ ред. проф. Карѣева, эти слова переданы невѣрно: „нѣмыми чортями“ названы лица, сопровождавшія короля.

одно мощное царство, на подобіе литовско-польской уніи, созданной Ядвигою и Ягайлою.

Вопросъ объ этомъ союзѣ, этой уніи и о кандидатурѣ королевича Владислава на московскій престолъ такъ тѣсно связанъ съ исторіею „плѣненія“ Шуйскихъ, что отдѣлить ихъ почти нельзя. Исторія „царя въ плѣну“ является ровно на половину исторіею кандидатуры королевича Владислава и притязаній Сигизмунда на московскій престолъ. Надѣясь въ спеціальномъ трудѣ, посвященномъ королевичу Владиславу, этому „не царствовавшему царю Московскому“, изложить болѣе подробно весь ходъ избранія королевича и всю исторію его мнимаго царствованія, я все же нашелъ нужнымъ и въ настоящемъ очеркѣ коснуться довольно близко вопроса о кандидатурѣ Владислава, ибо, какъ я полагаю, только въ связи съ этимъ вопросомъ возможно понять и уяснить многое, относящееся къ „царю въ плѣну“—Василію Шуйскому. Неудача же кандидатуры Владислава и московско-польской уніи настолько зависѣла отъ промаховъ и личныхъ недостатковъ короля Сигизмунда, что поневолѣ пришлось коснуться и послѣднихъ.

Было-бы, конечно, и безполезно, и безцѣльно, и рисковано ставить какія-либо гипотезы на тотъ случай, если-бы идея польско-московской уніи и соединенія обоихъ государствъ, подъ скипетромъ королевича Владислава, идея, витавшая въ воздухѣ въ 1611 г., осуществилась. Судьба Россіи, помимо этой уніи, сложилась необычайно счастливо. Но—кто знаетъ—быть можетъ, если-бы эта проектируемая унія не осталась только проектомъ, въ Европѣ уже въ XVII-мъ вѣкѣ появилось бы сильное польско-московско-литовское государство которое заняло бы первое мѣсто среди другихъ государствъ міра. Во всякомъ случаѣ, почти несомнѣнно,

что при осуществленіи русско-польской уніи Россія значительно раньше вошла бы въ составъ культурныхъ государствъ, шагнула-бы на пути цивилизаціи и прогресса еще до эпохи Петра Великаго и, воспріявъ болѣе высокую въ XVII вѣкѣ польскую культуру, укрѣпила бы и сохранила свои свободныя государственныя учрежденія, свой древній славянскій государственный строй. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, унія положила бы конецъ вѣковой враждѣ двухъ братскихъ народовъ. Да, можно воскликнуть словами Бестужева-Рюмина: „исторія была-бы другая!.“.

Конечно, всѣ эти предположенія могутъ показаться очень и очень гадательными, въ особенности въ виду той роли, которую игралъ католицизмъ въ политическихъ вопросахъ Польши начала XVII-го вѣка. Но я имѣю въ виду именно такую унію, при которой католицизмъ былъ бы устраненъ отъ первенствующаго вліянія. Вѣротерпимость Владислава, его впослѣдствіи высказанное сочувствіе къ православію, его нелюбовь къ іезуитамъ — служили залогомъ, что при Владиславѣ католическая пропаганда въ Москвѣ не имѣла бы опоры.

Какъ бы ни было, не Россія потеряла отъ ошибокъ и промаховъ короля Сигизмунда, а Польша, которую унія съ Москвою спасла бы вѣроятно отъ упадка и политической гибели.

Нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія Василія Шуйскаго въ Польшѣ „въ плѣну“—это былъ именно тотъ періодъ, когда исторія русско-польскихъ отношеній могла получить желательное для Польши новое направленіе.

Общее сочувствіе всей почти Москвы—бояръ, духовенства, народа, которое встрѣтила на первыхъ порахъ кандидатура королевича Владислава на московскій престолъ, предвѣщало наилучшіе результаты. Терзаемые междуусобицами и самозванщиною, испытавъ

всѣ темныя стороны „боярскаго царствованія“, москвичи пришли къ заключенію, что воцареніе польскаго королевича, стоявшаго, по родовитости происхожденія, выше соперничающихъ между собою бояръ, можетъ положить конецъ смутѣ и создать спокойствіе въ странѣ. Участіе цѣлаго ряда видныхъ представителей всѣхъ чиновъ московскаго народа въ образовавшейся въ Москвѣ партіи, желающей видѣть королевича царемъ московскимъ, доказывало серьезность этой кандидатуры, которая, какъ нами указано, отнюдь не была „навязана“ поляками, но появилась въ средѣ бояръ и витала въ воздухѣ во все царствованіе Шуйскаго. „У насъ давно было желаніе, чтобы послѣ прекращенія дома нашихъ старыхъ государей изъ дома Рюрикова принялъ скипетръ россійской державы родъ польскаго короля Жигимонта“,— говорилъ Михайло Салтыковъ, одинъ изъ пословъ московскихъ, прибывшихъ подъ Смоленскъ 31 января 1611 года. Салтыковъ, очевидно, высказывалъ мысль если не всей Москвы, то цѣлой, многочисленной партіи. Раньше, еще при жизни Самозванца, въ Москвѣ, какъ мы видѣли, шли разговоры о приглашеніи королевича на московскій престолъ. Безъ сомнѣнія Шуйскій, если-бы ему не удалось стать такъ легко царемъ, сдѣлался бы однимъ изъ первыхъ ходатаевъ за кандидатуру Владислава, такъ какъ царствованіе королевича представляло для него гораздо больше выгодъ и возможности играть болѣе видную роль въ царствѣ, нежели правленіе кого-либо изъ московскихъ бояръ. Уже то обстоятельство, что Владиславъ былъ несовершеннолѣтнимъ и что за него и отъ его имени въ первое время правили бы бояре, являлось нѣкоторою гарантіею полнаго успѣха царствованія Владислава. Впослѣдствіи, ставъ, послѣ смерти Сигизмунда, царемъ польскимъ, Владиславъ могъ бы осуществить

московско-польскую унію. Правда, Владиславу были поставлены довольно тяжелыя условія, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стояла перемѣна религіи и женитьба на москвичкѣ православной вѣры. Все это, однако, такъ или иначе, могло бы быть легко улажено. Но всѣмъ надеждамъ на созданіе московско-польской уніи былъ положенъ конецъ, когда Сигизмундъ, вопреки первымъ своимъ обѣщаніямъ „дать сына на московское царство", въ противность всѣмъ основамъ здравой логики, отстранилъ кандидатуру Владислава и назойливо и настойчиво потребовалъ, чтобы Москва признала царемъ его, Сигизмунда. Тутъ ужь, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, которыхъ москвичи не безъ основанія прозвали „измѣнниками", всѣ сразу отнеслись къ вопросу объ уніи враждебно. Какъ бояре, духовенство, такъ и народъ предвидѣли, что Московское государство, вмѣсто равноправной уніи съ Польшей, рискуетъ попасть къ ней въ полное подчиненіе и что воцареніе Сигизмунда — равносильно воцаренію католицизма, іезуитовъ и тѣхъ польскихъ вельможъ, окружавшихъ короля, которые смотрѣли на Москву, какъ на порабощенную страну. А такого исхода дѣла никто, даже изъ испорченныхъ смутами бояръ, не желалъ, за исключеніемъ опять-таки тѣхъ немногихъ „измѣнниковъ", которыхъ Сигизмундъ, считая уже себя московскимъ царемъ, поспѣшилъ наградить чинами и вотчинами. Вотъ почему вполнѣ понятно, что сами иниціаторы кандидатуры Владислава и уніи съ Польшею стали въ ряды непримиримыхъ противниковъ всякаго вмѣшательства поляковъ въ московскія дѣла.

Предвидя печальныя послѣдствія измѣнившихся обстоятельствъ, Жолкѣвскій (являвшійся, вѣроятно, представителемъ взгляда цѣлой партіи здравомыслящихъ поляковъ) пробовалъ отговорить короля. Но, по

собственному заявленію Жолкѣвскаго, „уши короля были закрыты для гетманскихъ увѣщаній“. Результаты не заставили себя долго ждать: въ Москвѣ и въ областяхъ образовалась сильная партія, задавшаяся цѣлью не только отстранить польскаго короля и его сына отъ московскаго престола, но и изгнать всѣхъ поляковъ изъ страны. Первый серьезный толчокъ этому новому религіозно-національному направленію московской политики даетъ патріархъ Гермогенъ, недавно передъ тѣмъ числившійся среди сторонниковъ кандидатуры королевича и видѣвшій въ этой кандидатурѣ спасеніе отъ полнаго разоренія Московскаго государства. Въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, Гермогенъ разрѣшалъ народъ отъ присяги Владиславу и открыто взывалъ къ вооруженному возстанію противъ „утѣснителей“. Несмотря на разныя мѣры, принятыя польскимъ отрядомъ, чтобъ не дать распространиться этимъ воззваніямъ патріарха, онѣ успѣли проникнуть въ народныя массы и подготовили событія, окончившіяся изгнаніемъ поляковъ, окончательнымъ упадкомъ всѣхъ проектовъ московско-польской уніи и началомъ новой эпохи московскаго могущества, подъ скипетромъ Романовыхъ.

Новѣйшія историческія свѣдѣнія, русскія и польскія, несмотря на сравнительную скудость источниковъ, вполнѣ доказываютъ крупную ошибку короля Сигизмунда въ событіяхъ 1611 года и ставятъ ему не безъ основанія въ вину весь ходъ послѣдующихъ событій.

Иные историки стараются оправдать поступокъ Сигизмунда тѣмъ, что король, заявляя свои права на московскій престолъ и желая короноваться московскимъ царемъ, надѣялся ускорить этимъ осуществленіе московско-польской уніи и создать польско-московское государство подъ однимъ общимъ скипетромъ. Послѣ отстраненія Шуйскаго и покоренія Смоленска, Сигиз-

мунду, мало, очевидно, знакомому съ истиннымъ положеніемъ Москвы, осуществленіе этого плана казалось очень легкимъ. Онъ не соразмѣрилъ своихъ силъ, не предусмотрѣлъ возможности такого сильнаго подъема религіознаго и національнаго чувства со стороны русскихъ. Весьма вѣроятно, что выставляя свою кандидатуру, Сигизмундъ дѣйствовалъ по наущенію, можетъ быть даже подъ вліяніемъ угрозъ римскаго папы, надѣявшагося этимъ путемъ, если не сразу, то постепенно, водворить въ Московскомъ государствѣ католицизмъ. Въ этомъ смыслѣ дѣйствовали, безъ сомнѣнія, на короля окружавшіе его іезуиты. Но только такой слѣпо преданный іезуитамъ и ограниченный монархъ, какъ Сигизмундъ, могъ допустить, что московскій народъ, столь крѣпко державшійся своей національной православной вѣры и считавшій эту вѣру наиболѣе важною частицею своего народнаго самосознанія, откажется отъ своей вѣры. Такимъ образомъ весь планъ Сигизмунда былъ основанъ на совершенно ложной почвѣ. Такъ или иначе — рѣшеніе Сигизмунда стало гибельнымъ для всего вопроса о московско-польской уніи и положило ему печальный конецъ.

Если даже допустить, что Владиславъ не удержался бы на московскомъ престолѣ (хотя весьма вѣроятно, что жаждавшая спокойствія страна, при сколько-нибудь умѣломъ и осторожномъ правленіи, примирилась бы съ новою польскою династіею), то все-таки, не заяви Сигизмундъ своей кандидатуры, историческія событія сложились бы совсѣмъ иначе. Онѣ сложились бы иначе даже въ томъ случаѣ, если признать справедливымъ взглядъ Иловайскаго, что „успѣхъ партіи Романовыхъ объясняется тѣмъ, что ихъ кандидатура, такъ сказать, висѣла въ воздухѣ и что только стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ отдалило ея осуществленіе“.

Конечный результатъ смутъ XVII столѣтія, выразившійся въ избраніи царемъ Михаила Ѳеодоровича, доказалъ безспорно глубоко развитое національное чувство и политическую мудрость московскаго народа, сравнительно съ которыми ложные шаги короля Сигизмунда и его ближайшихъ клевретовъ, сплетеніе грубѣйшихъ съ ихъ стороны заблужденій, своекорыстная погоня за личною выгодою и добычею испорченныхъ войною польскихъ воиновъ—выступаютъ особенно рельефно и обнаруживаютъ нравственное растлѣніе, внесенное въ польскій народъ высшею шляхтою съ королемъ во главѣ. Высказывая такое, быть-можетъ, далеко не лестное и рѣзкое для поляковъ мнѣніе, я стою на той критической точкѣ зрѣнія, которая стала исходнымъ пунктомъ всѣхъ новѣйшихъ польскихъ историковъ, объективно оцѣнивающихъ промахи и ошибки поляковъ въ XVII-омъ столѣтіи.

Весь московскій походъ Сигизмунда—въ томъ видѣ и въ тѣхъ цѣляхъ, какъ онъ былъ затѣянъ и выполненъ—явился крупною, непоправимою ошибкою, легкомысленнымъ предпріятіемъ, затѣяннымъ необдуманно при наличности тѣхъ ограниченныхъ, военныхъ и финансовыхъ средствъ, которыми располагала Польша въ началѣ XVII вѣка. Правда, надежды овладѣть московскимъ государствомъ (въ виду царствовавшихъ тогда смутъ) и присоединить это государство къ владѣніямъ Польши и Великаго княжества Литовскаго были чрезвычайно заманчивы. Эти надежды поддерживали увѣренія нѣкоторыхъ поляковъ (въ особенности Сапѣги), будто у всей Москвы есть задушевное желаніе призвать на престолъ польскаго королевича и этимъ положить конецъ смутамъ. Но, даже въ средѣ польской знати, люди болѣе серьезные и искренніе считали военную затѣю короля опасною и рискованною. Къ числу такихъ при-

надлежалъ и гетманъ Жолкѣвскій, увѣщевавшій короля, раньше нежели рѣшиться идти на Москву, посовѣтоваться съ сеймомъ, да подыскать необходимыя средства. Вызванный королемъ къ участію въ походѣ, Жолкѣвскій продолжалъ возражать противъ войны, хотѣлъ отказаться отъ участія въ ней. По его собственному заявленію, только какъ воинъ и слуга короля, онъ не рѣшился ослушаться воли Сигизмунда. Умнымъ совѣтамъ Жолкѣвскаго король предпочелъ совѣты жаждавшихъ войны литовскаго канцлера Льва Сапѣги и старосты велижскаго Александра Гонсѣвскаго, тѣмъ болѣе, что совѣты этихъ послѣднихъ отвѣчали тщеславнымъ проектамъ самого короля.

Походъ Сигизмунда сначала оказался удачнымъ или, точнѣе, обстоятельства сложились для поляковъ очень счастливо. Но, несмотря на нѣсколько побѣдъ, весь походъ и вся затѣя Сигизмунда кончились печально.

„Если бы король не выступилъ съ походомъ, Москва сама пріѣхала бы въ Варшаву за королевичемъ“,—не безъ основанія утверждаетъ одинъ изъ польскихъ историковъ.

Однако, сваливать всю вину, всѣ промахи, всѣ ошибки польской политики XVII-го вѣка на короля Сигизмунда—было-бы несправедливо, тѣмъ болѣе, что польскіе короли никогда не имѣли полной власти и должны были подчиняться волѣ шляхты, дворянства,—точнѣе—той части шляхты или дворянства, которая въ данный моментъ захватила въ свои руки бразды правленія. Но если Сигизмунду нельзя поставить въ вину всего зла, которое въ его царствованіе причинено Польшѣ, то смѣло можно сказать, что онъ былъ тѣмъ фокусомъ, въ которомъ сошлись всѣ худшія качества ума и сердца худшихъ элементовъ польскаго дворянства XVII-го вѣка. Сигизмундъ былъ вѣрнымъ отра-

женіемъ этихъ именно качествъ... Въ этомъ отношеніи между царемъ Василіемъ Шуйскимъ и королемъ Сигизмундомъ, несмотря на громадную разницу въ постигшей каждаго изъ нихъ судьбѣ, было въ сущности очень много сходства: Шуйскій былъ тоже олицетвореніемъ однѣхъ только непривлекательныхъ и темныхъ сторонъ современнаго ему русскаго боярства. Но въ то время, какъ Василій Шуйскій только четыре года держалъ въ своихъ рукахъ бразды правленія, Сигизмундъ Ваза, на горе Польши, цѣлыхъ 45 лѣтъ правилъ судьбами Рѣчи Посполитой... Одинъ изъ немногихъ „тріумфовъ" царствованія Сигизмунда—плѣненіе московскаго царя—оказался, какъ мы видѣли, мыльнымъ пузыремъ...

Считать паденіе и низверженіе Шуйскаго заслугою Сигизмунда—было-бы ошибочно, такъ какъ это паденіе совершилось помимо польскаго вліянія и подготовлялось съ первыхъ дней воцаренія ненавистнаго всѣмъ Василія. Это, безспорно, теперь доказано уже цѣлымъ рядомъ фактовъ и отзывовъ современниковъ. Даже та незначительная горсть бояръ, которая поставила Шуйскаго у кормила правленія, очень скоро стала заводить интриги противъ своего же ставленника. До чего доходила ненависть къ Шуйскому,—доказываетъ фактъ, что многіе видные бояре, дворяне, служилые люди и духовныя лица (и въ числѣ послѣднихъ Филаретъ Романовъ) рѣшаются перейти на сторону Тушинскаго вора. Иные историки пытаются объяснить ненависть къ Василію глубокою партійною раздробленностью боярства. Другіе полагаютъ, что одною изъ главныхъ причинъ вражды къ Василію со стороны бояръ была его ненависть ко всякому прогрессу, къ иноземцамъ, приверженность Шуйскаго къ застывшимъ, полуазіатскимъ формамъ жизни. Многимъ сама личность Шуй-

скаго, запятнанная ложью, была ненавистна. Были, наконецъ, люди, враждебно настроенные противъ Шуйскаго изъ-за желанія поставить на престолъ вожаковъ своей партіи. Вообще царствованіе Шуйскаго—это была постоянная, безпрерывная борьба, которая неминуемо должна была окончиться катастрофою. Во всякомъ случаѣ, въ паденіи Шуйскаго нельзя ни винить Сигизмунда, ни ставить ему въ заслугу сверженіе Василія. Мнимая „польская интрига", благодаря которой будтобы палъ Шуйскій, „заступникъ православія", „мученикъ за вѣру и отечество", теперь, послѣ того, какъ на событія Смутнаго времени пролито уже столько свѣта, является устарѣвшею сказкою, совершенно противорѣчащею истинному положенію дѣлъ. Можно только удивляться, что подобная завѣдомая ложь о Шуйскомъ—какъ жертвѣ польской интриги, до сихъ поръ повторяется иными авторами. Вѣдь она даетъ совершенно извращенное, невѣрное понятіе объ одномъ изъ наиболѣе яркихъ эпизодовъ Смутнаго времени. Въ данномъ отношеніи упомянутые авторы распространяютъ такую же ложь, какъ и тѣ историки, которые въ паденіи Шуйскаго и „плѣненіи" его въ Гостынинѣ усматриваютъ тріумфъ, побѣду и славу поляковъ. Шуйскаго свергли не поляки, не польская интрига, не король Сигизмундъ или Жолкѣвскій, а низложилъ его русскій народъ, исполнителями воли котораго—частью активными, частью незримыми—были наиболѣе видные, можно даже сказать, всѣ видные московскіе бояре, бывшіе въ Москвѣ въ 1611 году. Низложенный же царь вовсе не былъ „взятъ въ плѣнъ", а выданъ былъ добровольно московскими боярами по желанію, а, по крайней мѣрѣ, съ согласія значительной части московскаго народа, отнесшагося совершенно равнодушно къ увезенію Шуйскаго. Это увезеніе, какъ было указано,

явилось даже услугою, оказанною Москвѣ и другимъ претендентамъ на московскій престолъ.

Что касается мнимаго тріумфа Сигизмунда надъ Шуйскимъ, то онъ обошелся Рѣчи Посполитой очень дорого и нанесъ такой ударъ Польшѣ, отъ котораго и такъ уже расшатанное государство, несмотря на рядъ благопріятныхъ впослѣдствіи для Польши моментовъ, не могло поправиться.

„Мы низвергли нашу родину въ бездну съ верха ея величія и славы, когда имя польское наполняло весь міръ". Эти слова, сказанныя много лѣтъ спустя Яномъ Собѣскимъ, могъ сказать съ гораздо большимъ правомъ король Сигизмундъ послѣ своего московскаго похода... „Царь въ плѣну" не только не создалъ „славы королевствованію" Сигизмунда—о чемъ король такъ хлопоталъ—но послужилъ памятникомъ грубыхъ промаховъ и ошибокъ недальновиднаго короля и его ближайшихъ совѣтниковъ, ввергнувшихъ страну въ пропасть и помѣшавшихъ осуществленію одного изъ величайшихъ историческихъ проектовъ, имѣвшаго почти одинаково важное значеніе какъ для Польши, такъ и для Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, „царь въ плѣну" является памятникомъ крупнаго событія въ исторіи Россіи: нравственное и политическое успокоеніе русскихъ людей, которое хотѣлъ произвести Шуйскій внѣшними средствами,—какъ мѣтко замѣчаетъ Соловьевъ,—завершилось на гробѣ его, привезенномъ изъ Польши...

---

0 ОКТ 1944

Сочиненія Сигизмунда Либровича.

Историческія книги:

ЦАРЬ ВЪ ПЛѢНУ. Историческій очеркъ изъ эпохи смутнаго времени московскаго государства и его отголоски въ дипломатическихъ отношеніяхъ Москвы и Польши. Съ 40 илл. Изд. 2-ое. Ц. 1 р.

Ученымъ Комитетомъ М. Нар. Пр. книга „Царь въ плѣну" допущена въ народн. чит. и библ. („Ж. М. Н. Пр." 1902, VII).

Библіотечною комиссіею кіевскаго общества грамотности книга „Царь въ плѣну" причислена къ разряду сочиненій, которыя признаны безукоризненными со стороны содержанія и формы и доступными пониманію читателей развитыхъ, и отнесена къ сочиненіямъ, пригоднымъ, преимущественно въ городскія библіотеки (Сборн. Библ. Ком. I).

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ И ЖЕНЩИНЫ. Историческій очеркъ, ц. 1 руб.

ПУШКИНЪ ВЪ ПОРТРЕТАХЪ, Исторія изображеній поэта въ живописи, скульптурѣ и гравюрѣ. Съ 70 иллюстр. ц 3 р.

Ученымъ Комитетомъ М. Нар. Пр. „Пушкинъ въ портретахъ" допущенъ въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и включенъ въ каталогъ книгъ для народныхъ читаленъ.

НЕПОЛОМИЦКІЙ ЦАРЕВИЧЪ. Историческая легенда о королевскомъ происхожденіи Дмитрія Самозванца, съ снимками съ портретовъ, картинъ, гравюръ, и автографовъ, ц. 1 руб.

Ученымъ Комитетомъ Мин." Нар. Просв. „Неполомицкій царевичъ" допущенъ въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній (Отн. Мин. № 14923, отъ 12 мая 1904).

Беллетристическіе очерки:

РАЗБИТЫЯ ЖИЗНИ. Пасынки и падчерицы судьбы, неудачники, неврастеники и неврастенички, люди слабой воли и пр., ц. 75 к.

МИШУРНЫЯ КАРЬЕРЫ. Узоры современной жизни, въ очеркахъ, типахъ и иллюстраціяхъ, ц. 75 к.

Книги для юношества:

ГРОЗА ГИМНАЗІИ. 16 разсказовъ изъ школьной жизни, изд. 2-е, ц. 75 к.

Ученымъ Комитетомъ М. Нар. Пр. „Гроза гимназіи" допущена въ ученическія средняго и младшаго возраста библіотеки средн. учебн. заведеній. („Ж. М. Н. Пр.", 1902, IV)

Училищнымъ совѣтомъ Парижскаго городского управленія французскій переводъ разсказовъ, помѣщенныхъ при книгѣ „Гроза гимназіи", вышедшій въ Парижѣ подъ заглавіемъ „Sur les bancs", рекомендованъ для выдачи въ видѣ награды ученикамъ парижскихъ городскихъ школъ.

Критикою „Русской Мысли" „Гроза гимназіи" рекомендована для чтенія школьникамъ и ихъ учителямъ (Р. М. 92, VII).

ЦАРЕВНА НИЩЕНКА. Разсказъ сказка для всѣхъ возрастовъ. Съ 12 илл., въ листъ, ц. 5 к.

СЕМНАДЦАТЬ ДОЧЕРЕЙ. Семнадцать разсказовъ для юныхъ читательницъ всѣхъ возрастовъ. Изд. 2-ое, ц. 60 коп.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. книга „Семнадцать дочерей" допущена въ ученическія, младш. возраста, библіотеки женскихъ гимназій, прогимназій и пріютовъ. („Ж. М. Н. Пр.", 1902, IV).

ПРИГОТОВИШКИ и СТАРШЕКЛАССНИКИ. Десять воспоминаній изъ школьной жизни.. Изд. 2-ое, ц. 60 к.

Ученымъ Комитетомъ М. Нар. Пр. книга „Приготовишки и старшеклассники", допущена въ ученическія, младшаго и средняго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. („Ж. М. Н. Пр." 1902. VI)".

Книжки для дѣтей, въ миніатюрномъ форматѣ:

ЖИВЫЕ ПРИМѢРЫ. Разсказы для юношества. Съ рис. Э. Соколовскаго, ц. 15 к.

ЗВѢРЬКИ-ЧУДАКИ. 15 разсказовъ для дѣтей. Съ рис. Э. Соколовскаго, ц. 15 к.

ЗОЛОТЫЕ ДЕНЬКИ. Разсказы о дѣтяхъ. Съ рис. Ѳ. Казачинскаго, ц. 15 к.

КАКЪ ЖИЛОСЬ МАЛЕНЬКОЙ МУШКѢ ВЪ МОСКВѢ - СТАРУШКѢ. Не быль и не сказка. Съ рис. Э. Соколовскаго, ц. 15 к.

МАРУСЯ БЕЗРОДНАЯ. Повѣсть изъ жизни одной дѣвочки. Съ рисунк. Э. Соколовскаго, ц. 15 к.

МОИ МАЛЮТКИ. Сценки изъ дѣтск. жизни Съ рис. Е. Самокишъ-Судковской. ц. 15 к.

СКАЗКИ МАЛЕНЬКОЙ КЛАВДЮШИ. Съ рис. Э. Соколовскаго, ц. 15 к.

СЧАСТЬЕ ПОРТИТЪ — БѢДНОСТЬ УЧИТЪ. Разсказы для дѣвочекъ. Съ рис. Э. Соколовскаго, ц. 15 к.

ЧТО РАЗСКАЗЫВАЛА НЯНЯ. 13 разсказовъ. Съ рис. Е. Самокишъ-Судковской, ц. 15 к.

ЦАРЕВНА-РУСАЛОЧКА. Три сказки. Съ рис. Ѳ Казачинскаго, ц. 15 к.

Складъ изданія:

Въ книжномъ складѣ Г. С. ЦУКЕРМАНА.

Спб. Александринская площ., 5.

2007050664